Павел Виноградов
Деяние
XII

Павел Владимирович Виноградов
Деяние XII

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611095

Аннотация

Старшеклассник обычной советской школы Руслан Загоровский на излёте СССР живёт в большом сибирском городе. К 15 годам он начинает понимать, что им интересуются могущественные силы, одна из которых ему враждебна, а другая помогает. Его любимый школьный учитель Пал Палыч частично раскрывает тайну. Оказывается, история человечества – история тайной Большой игры, которая незримо для большинства людей ведётся некими секретными организациями. В Игре всегда две стороны. В наше время её ведут Клаб, представляющий европейскую (в широком смысле) цивилизацию, и Артель, защищающая Евразийский мир. Сторонам даёт преимущество обладание некими артефактами – мистическими предметами, за которые ведутся тайные битвы. Но периодически в Игре появляется «джокер», игроки называют его Отрок. Это юноша, который должен совершить Деяние – найти самый главный Артефакт, и распорядиться им по своему усмотрению. Руслан и есть новый Отрок, двенадцатый с начала нашей эры. Роман предназначен для людей чуть меньше средних лет и среднего класса.

Содержание

1 4

СССР, Энск, 10 сентября 1981 4

Тихий океан, остров Монтана де ла Крус, 13 сентября 1981 24

2 55

СССР, Энск, 11–20 сентября 1981 55

Франция, замок Брасье, 13 ноября 1981 84

США, Калифорния, кампус Строссовского университета, 23 ноября 1981 97

3 110

СССР, поселок Ржанка Энской области, 1 мая 1982 110

Великобритания, Лондон, 8 декабря 1981 135

4 159

СССР, посёлок Ржанка Энской области, 19–21 июня 1982 159

Гонконг, владение Великобритании, 8 – 11 июля 1982 188

5 206

СССР, Ленинград, 9 июля 1983 206

Конец ознакомительного фрагмента. 210

Павел Виноградов
Деяние XII

1

Выпало ходить ему, задире, —
Говорят, он белыми мастак! –
Сделал ход с е2 на е4…
Что-то мне знакомое… Так-так!
Владимир Высоцкий «Игра»

СССР, Энск, 10 сентября 1981

Слова учителя сухо шелестели по классной комнате:

– Взаимоотношения империалистических держав в Средней Азии во второй половине XIX века характеризовались стремлением Англии преградить царской России путь в Индию, которую англичане называли «жемчужиной британской короны»…

Класс был как класс: с покоцаными многими поколениями оболтусов, покрытыми несчетными слоями краски партами, суровой известкой беленными стенами, зловещего вида темной доской. Глобус еле держался на подставке, судя по многочисленным потертостям на нём, значительная часть

мира так и пребывала в категории терра инкогнита. Выморочное осеннее солнце тускло расцвечивало небрежно вымытые оконные стекла, легко касалось стриженных «под канадку» или оснащенных косичками с белыми бантами голов школьников.

Руслану нравился голос учителя, четкий и убедительный, хотя несколько монотонный. Что-то было в нём – намекающее на не постигнутый массив смысла, скрытый, как тело айсберга, в глубине умолчания.

Прочие ученики, шушукающееся, кидающие друг на дружку чувственные взгляды, читающие под партой книги, далекие от темы урока, нимало не обращали внимания на потаенный смысл речей Пал Палыча. Скорее, были бы очень удивлены, скажи им, что таковой присутствует. «Это у Палыча-то? Да не смешите мои тапочки…»

Но Руслан любил историю. Более того, он *чувствовал* ее, и Палыч понял это сразу, как только услышал его первый ответ у доски. Парень, конечно, был абсолютно невежественен в его предмете, как и большинство школьников супердержавы, чьи мозги были неоднократно промыты идеологически стерильной и дозированной информацией. Но этот мальчишка все время демонстрировал волю вклиниться в кажущийся хаос событий, уяснить его пружины, да ещё и не те, какие предлагал к рассмотрению незыблемый исторический материализм.

– Империалистическое соперничество между Британской

и Российской империями характеризуется термином «Большая игра», который ввел в широкий оборот писатель Редьярд Киплинг. Что, Калинина? – спросил учитель вытянувшую руку белокурую ученицу.

Его серьезные ярко-зелёные глаза внимательно смотрели из-за толстых стекол квадратных очков в рыжеватой оправе, вкупе с густыми усами создававшими немного комический эффект. Кроме того, допотопная оправа старила тридцатипятилетнего мужика лет на десять.

– Это который «Маугли» написал? – спросила девица, хлопнув огромными карими очами.

Класс давился смехом. В принципе, против Палыча никто ничего не имел, его, скорее, любили и охотно ходили на его уроки. Однако относились не очень серьезно, поддевать положительного и степенного «москвича» почему-то считалось хорошим тоном с тех самых пор, когда он, года три назад, неожиданно появился в школе. Говорили, раньше жил в столице, работал в закрытом учебном заведении для отпрысков больших людей. А потом резко бросил все, переехал в Сибирь и устроился в обычную школу на 120 рублей месячной получки.

Когда этот плотный парень в мешковатом мышином костюмчике из универсама (московского, однако, в местных и таких не было), первый раз объявился в кабинете Шефа – директора школы, тот был абсолютно уверен, что видит перед собой ссыльного. Никто из здравомыслящих педагогов,

да и вообще советских людей, и помыслить не мог, что можно так вот, по доброй воле оставить столичное жилье и работу, да и перебраться в снулое захолустье. Самое невинное, что предположил Шеф – пьет, гад… Он, конечно, категорически не желал лишней мороки себе на голову, но попросту завернуть приезжего не мог: москвич все-таки, мало ли, сегодня в провинции учителем, а завтра простят – и в министерстве референтом, да и припомнит ему, Шефу. Директор был многоопытен, карьеру начал вертухаем в Норильлаге, и знал, что почем. Потому ничего определенного соискателю не сказал, ожидая, что вот-вот на подозрительного гражданина придет разъяснение из «органов». Но «органы» безмолвствовали, трудовая книжка Пал Палыча была безупречна, а посему, скрепя сердце, директор взял его в штат. Не пожалел – преподавателем тот оказался прекрасным, оценки по истории устремились вверх. Да и слухачи Шефа из учителей и учащихся рассказать про Палыча ничего сомнительного не могли. Самое пристальное наблюдение не выявило никаких признаков запоев, а учебный материал он подавал в соответствии с генеральной линией. Вот только его интерес к странному парню… этому… Загоровскому. Тонкое чутье Шефа подсказывало: тут точно что-то не так. Но, поскольку что именно, он пока понять не мог, обстоятельство сие было отложено. Однако незабвенно.

– Да, Инга, он написал «Маугли», вернее, «Книгу джунглей», – ровно объяснил Пал Палыч, зелёно высверкнув из-

под очков. – Но ещё и многое другое… Загоровский?

Руслан поднял руку небрежно, почти лениво, словно сомневаясь, стоит ли это делать. Красивое смуглое лицо приняло слегка брюзгливое выражение.

– Объясните, пожалуйста, термин «Большая игра», – попросил он, вставая.

Инга поморщилась, недовольно надув губки. «Русь заколебал! Зачем ему это? Такой кадр клёвый… Только одевается голимо. И ноги кривые…» Не додумав эту не слишком логичную мысль, девушка раздражённо отвернулась к окну.

Под «заколебал» подпадали все случаи, когда Руслан вдруг начинал изъясняться «книжным» языком. Может быть, потому что при этом лицо его выражало надменную скуку. А то, что это не более чем маска, надеваемая в момент особой заинтересованности, одноклассникам и в голову не приходило. С малых лет он умел скрывать свои истинные эмоции, хотя, казалось бы, в небольшой четырнадцатилетней жизни мало, что могло подвигнуть к подобным манерам.

Сейчас, впрочем, он и сам не знал, почему рассказ историка заинтересовал его.

– Видишь ли, – проговорил Пал Палыч, мельком глянув на Руслана, – этот материал не входит в программу. Если хочешь, останься после урока.

Руслан кивнул и опустился на место.

Не в первый раз он неторопливо шёл с учителем из школы до автобусной остановки по вечерним дворам областного

центра.

– Ты меня немного тревожишь, – очевидно, из-за ранней гипертонии Палыч слегка задыхался при ходьбе, поэтому говорил не очень внятно. Руслан все время приостанавливался и вытягивал шею, чтобы расслышать.

– В тебе есть что-то, способное однажды очень сильно подвести, – продолжал учитель, словно в раздумье. Руслан слушал молча, машинально обрывая на ходу листочки с ещё по-летнему зеленых кустов и растирая их длинными пальцами, так, что скоро они покрылись липким налетом.

– Что вы имеете в виду?

Он и вправду ничего не понимал.

– Твое постоянное желание знать больше, чем тебе положено… Нет, это очень хорошо – стремиться к знаниям. Но ты все время задаёшь неудобные вопросы.

– Почему неудобные?

Учитель пожал плечами.

– Ладно, – со вздохом произнёс он, – это так, лирическое отступление… А вообще-то, предупреждение от умудренного опытом человека. Остальное додумаешь сам, ты способен… Так вот, Большая игра…

Палыч вздохнул и пошёл медленнее.

– В узком смысле термин касается Центральной Азии и периода с 1813-го по 1907 годы. Но это не совсем точно. Вернее, совсем неточно. На самом деле Игра захватывала в разные периоды и Ближний Восток, и Кавказ, а то и Тибет. А

её временные рамки…

Он замолк, раздумывая, не слишком ли сухо излагает юноше материал. Взглянул на Руслана. Глаза мальчика, странно светлые на смуглом лице, блестели. Мысленно пожав плечами, Палыч продолжил:

– …Они тоже далеко расходятся в разные стороны. Когда Игра началась – установить очень трудно. Во всяком случае, уже вовсю шла во втором веке до нашей эры, когда китайцы стали вывозить лошадей из Средней Азии в обмен на шёлк. Так возник Великий шёлковый путь, пронизавший всю Евразию, и Игра завертелась вокруг него.

– Причем тут шёлк? – спросил Руслан.

– Потому что тогда он был стратегическим товаром. Вши, знаешь ли…

– Вши?..

– Ага. Они почти не заводятся на шёлковом белье – им на нём жить скользко, – Палыч издал смешок. – А с гигиеной вплоть до Нового времени в мире было не очень хорошо. Потому во всех развитых по тем временам странах был огромный спрос на натуральный шёлк. Ну вот, понравилось бы тебе, будь ты римским патрицием или византийским патрикием, все время чесаться?..

– Думаю, нет, – рассудительно ответил Руслан.

– То-то. В общем, на шёлк в то время можно было купить всё. Но его тогда производили только в Китае, и китайцы строго следили, чтобы гусениц шелкопряда не вывозили из

их страны. Понял?

– Теперь понял.

– Ну, так вот, везде, где стратегическое сырье, возникает Игра. Заинтересованные государства начинают интриговать, шпионить, проводить всякие тайные акции…

В пустынных дворах спокойного города в глубокой провинции огромной страны странно и тревожно звучали эти слова. Руслану вдруг померещилось, что они предвещают невзгоды и ужасы. Но мало-помалу его охватывала какая-то лихорадка. Он всё еще хотел узнать обо всём этом как можно больше.

– Например, – продолжал Палыч, – в седьмом веке нашей эры дошло до настоящей мировой войны.

– Что?

– Ага, ты считаешь, что мировых войн было всего две. Это правильно, конечно… Но я иногда думаю: если в войне за передел мира участвуют все самые могущественные на тот момент государства и народы, даже если они напрямую не соприкасаются, нельзя ли это тоже назвать мировой войной?..

– Н-наверное… Вам виднее.

– Я бы предпочел, чтобы ты подумал над этим сам, – мягко произнес учитель. – В той войне участвовали Византия, Иран, два тюркских и один аварский каганат, Китай, и еще множество менее сильных народов – грузины, албанцы, болгары… Судя по ходу событий, две коалиции как-то коорди-

нировали свои действия, хотя великие державы находились вдали друг от друга. В любом случае, это была очень большая война – за Великий шелковый путь.

– И кто победил?

– Тогда – Арабский халифат, возникший, словно ниоткуда, и подавивший всех остальных ослабленных борьбой игроков. Но Большая игра продолжалась.

– И всё из-за вшей?

– Нет, конечно. Когда Китай утратил монополию на производство шёлка, тема стала не актуальной. Но были ещё пряности, наркотики, драгоценные камни, фарфор… И игроки тоже сменялись – арабы, потом монголы, потом турки. А потом, где-то в конце семнадцатого века, возник новый игрок – Россия. И так получилось, что к прошлому веку лицом к лицу там встали Российская и Британская империи.

– Из-за чего?

– Из-за всего. В Индии много интересных вещей, и англичане очень за неё боялись, пытались не пустить туда русских. А Россия медленно, но верно завоевывала Центральную Азию и подходила к Афганистану. Афганистан же – это ворота в Индию…

– Афганистан…

– Да, Руслан, Афганистан…

Оба замолчали. Смеркалось, зажглись длиннющие бетонные фонари, похожие на источающие фосфорическое сияние виселицы. Было тихо. В эту минуту неподалеку от па-

кистанской границы советский армейский грузовик попал в засаду моджахедов. Водитель, рядовой Юрий Калинин, 1963 года рождения, призванный в Советскую Армию в апреле 1981 года Ленинским райвоенкоматом города Энска, так и не понял, что произошло – его голову пробил осколок ручной гранаты.

Учитель и ученик молча дошагали до автобусной остановки, откуда Палыч уезжал домой, готовить на грязной общажной плите холостяцкий ужин.

– Пал Палыч, – прервал молчание Руслан, – вы говорили о временных рамках Большой игры. А в нашу сторону?..

– Да, конечно, она идет и сейчас, – кивнул учитель, – только теперь главные игроки – США и… страна, в которой мы с тобой живем.

Из-за поворота показались жёлтые фары ревущего автобуса – как безумные глаза атакующего тигра.

– А стратегический товар? – успел задать вопрос Руслан.

– Думаю, нефть, – ответил Палыч уже с подножки. Перекошенные дверцы нехотя закрылись.

Дом Руслана, пятиэтажный, кирпичный, хорошей сталинской постройки, был кварталах в двух вглубь дворов. Чтобы добраться до него, надо было повернуть назад к школе, пересечь обширный пустырь, поросший жухлой сентябрьской лебедой, и миновать ряд капитальных гаражей. Было уже довольно поздно, а осенью в Сибири темнеет быстро. Руслан шёл, не замечая ничего вокруг, и, честно говоря, уже забыв о

словах учителя, вернее, отложив полученную информацию. Сейчас же в голове его царил обычный юношеский хаос – думал, что завтра, в субботу, он, как всегда, пойдет в кружок самбо, о странной книге, которую начал читать вчера. И ещё – о звенящем смехе Инги…

– Пацан, дай-ка закурить! – из-за гаража возникли два тёмных силуэта.

От скрипучего голоса стало тоскливо и тошно. В неярком сизом свете отдалённого фонаря проявилась глумливая щербатая ухмылка. Движения парня были нарочито расхлябаны, грязные, плохо сидящие, но «штатовские» джинсы перехватывал широкий полосатый тряпичный пояс с никелированной пряжкой. Второй гопник держался чуть поодаль. Намечалась большая задница. Руслан был в своем районе, и местные его не тронули бы. Но этих он не знал, они явно были с другой территории, одной из тех, с которыми его находилась в состоянии кровной вражды. Полгода назад в доме неподалёку прошли жуткие похороны трех пацанов, которых гопники с окраины буквально на кусочки изрубили самодельными тесаками…

Стоящий перед ним не стал дожидаться ответа на ритуальный вопрос, его рука уже шла вперёд и вверх. Руслан растерянно смотрел, как приближается тусклый блеск кастета. Только в последний момент вспомнил, что надо делать, перехватил руку, попытался провести простейший прием. Не очень удачно – завалился вместе с противником. Второй уже

замахивался чем-то, вроде железного прута. Но хуже было то, что из-за угла выскочили ещё две тени, а, судя по звукам, кто-то был и сзади.

Руслан поймал плечом прут, охнул от резкой боли и мельком увидел ещё двоих. И – ясно и четко в стылом свете отдаленного фонаря – лезвие ножа.

Внутри что-то хрустнуло, мучительно запекло в боку – это поваленный вскочил и поддел ногой ребра. Азартно проскрипел:

– Валите его махом!

Руслан даже не успел испугаться, осознав, что его просто-напросто убивают. Было только тяжёлое отупение. Вскочил, дёрнулся бежать, но чья-то нога припечатала ему нос, а сзади ухватили за куртку.

Он ощущал страшную дурноту, но отчаянно пытался вырваться. Кричать не мог из-за боли, да это и не приходило в голову. Но сзади почему-то отпустили. Раздались вопли и грохот. Вновь нависшая над ним палка была выбита мощным ударом. Кто-то рывком отпихнул Руслана к стене гаража.

– Стой тихо! – приказал знакомый, но невероятный в такой ситуации голос.

– Пал Палыч! – ахнул Руслан.

Стоял, глядел, не верил глазам.

Солидная фигура чинного историка приобрела упругость и гибкость, какие в обычное время не просматривались. Очки поблескивали, топорщились усы. Стоял спокойно и уве-

ренно. Всё пошло быстро, слишком быстро для восприятия Руслана. Ему казалось, что Палыч не прикасается к хулиганам, просто делает причудливые движения руками. Но Скрипучий резво отлетел в сторону. Второй с дурным визгом неуклюже подпрыгнул, метя ногой, а третий подался вперед, выставив лезвие финки. Однако, после загадочных пассов Палыча, прыгун резко сменил траекторию, врезавшись башкой в железную дверь гаража, а приятель его разом, как подрубленный, свалился на колени. Нож же непостижимым образом оказался в руке учителя, который отпихнул коленопреклонённого, отбросил финарь и повернулся к, наконец, пришедшей в себя первой троице. Те кинулись на него борзо. Палыч забавно раскорячился, тело его будто изломалось, образовав несколько острых углов, и нападающие непостижимым образом рухнули.

– Атас! – теперь в скрипучем голосе прорезался ужас.

Кое-как поднявшись, хулиганы бросились в разные стороны. Только ударившийся о гараж не двигался. Палыч распрямился, аккуратно одёрнул на все пуговицы застёгнутое полупальто, и быстро подошёл к нему. Проверил пульс на шее, удовлетворенно кивнул и обернулся к остолбеневшему юноше.

– Твоё счастье, что я забыл в школе портфель с тушёнкой, которую сегодня выдавали учителям. Пришлось вернуться, а то дома есть нечего, – как ни странно, он совершенно не запыхался, в отличие от тяжело дышащего Руслана.

– Сколько лет ты занимаешься самбо? – спросил Палыч, критически оглядев ученика.

– Четыре, – машинально ответил тот, всё ещё пребывая в прострации.

– Неважный у тебя тренер, смени, – покачав головой, посоветовал Палыч.

– А вы?.. – мысли Руслана, наконец, начали шевелиться, так, что он смог сформулировать вопрос, – Это чё, карате, да?

– Нет, не карате, – Палыч, поморщившись, покачал головой, словно услышал в классе неверный ответ на вопрос об англо-бурской войне. – Отечественная система. Это вон тот каратист, – кивнул на бездыханное тело. – Вернее, думает, что каратист…

Учитель поднял солидный кусок железной арматуры, которая несколько минут назад чуть не проломила его ученику голову.

– Против лома нет приёма… против лома есть рычаг, – завернул Палыч не очень понятно, отбрасывая прут в бурьян.

– На-ка платок, приложи к носу, – обратился к Руслану, – кровища хлещет. И пойдем домой. Я уж провожу – во избежание…

– А этот? – спросил Руслан, указывая на начавшего постанывать хулигана.

– Оклемается, – уверенно кивнул Палыч. – На обратном пути его проведаю. Если не смоется…

Бок ныл всё сильнее – похоже, треснуло ребро. Но Руслану не очень улыбалось сейчас являться домой в разорванной, залитой кровью, куртке, с расквашенным носом. Они сидели в беседке на пустынной детской площадке. Руслан всё никак не мог прийти в себя. Впрочем, спокойствие Палыча тоже оказалось не полным: искоса взглянув на юношу, он вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку. Дорогущий «Кент» в руках простого школьного учителя смотрелся странно.

– Ты уж не говори ребятам, – попросил он Руслана, – никогда не курю при учениках, да вот обстоятельства чрезвычайные.

Руслану, уже год тайно покуривающему, очень хотелось попросить сигарету, но он не решился.

– Пал Палыч, – вместо этого восхитился он, – вы мастер!

– Нет. Видел бы ты настоящего Мастера… Впрочем, может и увидишь… Ты знаешь их? Что они хотели?

– Ничего, попросили закурить и сразу кинулись. Никогда их не видел… Они хотели меня убить!

Это обстоятельство вдруг предстало перед ним во всей неприглядности. Он изумленно глядел на учителя, но тот, к ещё большему его смятению, утвердительно кивнул.

– Я так и думал.

– Но почему?!

С минуту Палыч сосредоточенно курил, потом, словно приняв решение, произнёс:

– Рановато, конечно…

Он ещё немного помолчал. Руслан ждал, приоткрыв от напряжения рот.

– Ну, ладно… – продолжил учитель. – Всё равно теперь они знают, кто ты… В общем так: некие люди интересуются тобой… хм… несколько больше, чем это соответствует твоему возрасту и положению.

Руслан ничего не понимал… Вернее, не мог отдать себе отчет в том, что ему открывают нечто, давно ощущаемое им самим.

– Какие люди? – растерянно переспросил он.

– Разные, – ответил учитель, отбрасывая сигарету в урну. – Хорошие… И плохие. Эти были плохие. Вернее, наняты плохими. Но, думаю, в ближайшее время они вряд ли тебя побеспокоят. Мне кажется, сейчас они сделали глупость и быстро это поймут. Так что не бойся.

Но ледяная волна, обдавшая Руслана, была не ужасом, нет – восторгом. Здесь и сейчас полагалось начало чему-то грандиозному.

– А вы, вы?.. – задохнулся он.

– Я – хороший, – заверил Палыч.

Он строго заглянул в лицо мальчика.

– Ты не очень-то радуйся. Всё серьезно… Короче, возможно, меня несколько дней не будет в школе. Но потом я обязательно свяжусь с тобой, и мы подробно поговорим обо всём, что ты хочешь знать. В пределах разумного, конечно…

Слишком рано… – с досадой повторил он. – Совсем ещё не готов.

В голове Руслана, исполненной блистающего хаоса, вдруг родилась грандиозная догадка:

– Пал Палыч, – с сердечным замиранием выдохнул он, – ведь это связано… связано с Большой игрой?!

Палыч воззрился на него, потом медленно промолвил:

– Н-да-а, похоже, мы в тебе не ошибались… Впрочем, это давно было очевидно. Руслан, можно, я пока не буду отвечать на этот вопрос?

– Но Пал Палыч, – отчаянно выкрикнул мальчишка, – вы только объясните, а то у меня голова взорвётся: причем тут я? Какая тут нефть, какая Индия, какая Америка?..

– Видишь ли, – снизошёл к его растерянности учитель, – нефть и все остальное – это внешнее. А настоящий смысл Игры спрятан. Как и основные игроки. И всё, больше сегодня я тебе ничего не скажу. Иди домой.

Он встал и, к изумлению Руслана, перекрестил ему лоб. А потом твёрдым шагом направился к пустырю. Однако, словно подумав о чем-то, остановился и обернулся к оцепеневшему юноше.

– Ещё одно, что ты должен знать прямо сейчас.

И чётко, немного нараспев, произнес:

– Когда все умрут, тогда только кончится Большая игра.

– Это откуда? – спросил Руслан.

Высказывание припечатало его увесистой завершённо-

стью.

– Киплинг написал это в одном своём романе.

– Что это зна… В каком романе?

– Его давно не издавали у нас. Но у меня он есть в русском переводе. Я дам тебе, – пообещал Палыч, растворяясь в темноте.

Этого обещания он так никогда и не выполнил.

Архив Артели

Только для членов Совета.
По ознакомлении уничтожить.

Меморандум № 5894-01.

1975 год Р.Х. Декабря 22-го.

Милостивые государи!

Имею донести до сведения господ членов Совета, что Отрок нового Узла, о рождении которого нам стало известно после ментального контакта с Батырем Артели, случившемся десять лет назад (см. «Меморандум 4742-15»), обозначен с несомненностью 99,99 процента в результате анализа данных по Советской России.

Определен Загоровский Руслан Евгеньевич, родившийся 14 сентября 1965 года, записанный

русским, проживающий в городе Энск Энской области, ученик 4 Б класса средней школы № 52 Ленинского района.

Отец Отрока, Загоровский Евгений Ростиславович, инженер, закончил Энский Политехнический институт, начальник цеха ракетной сборки завода Энтяжмашстрой. Происходит от старшей ветви русско-польского дворянского рода герба Корчак. Ветвь с 1655 года состояла в русском подданстве и внесена во II часть родословной книги Смоленской губернии.

Мать Отрока, Загоровская Асия Ренатовна, в девичестве Нигматуллина, закончила Энский пединститут, факультет начального образования, библиотекарь. По отцовской линии происходит от князей Мустафиных, потомков царевича Муртазы из казанских Чингизидов. Прадед в 30-х годах взял фамилию Нигматуллин, опасаясь репрессий по классовому признаку. По материнской линии – из сибирских татар бухарского корня.

В младенчестве мальчик втайне от родителей был крещен бабушкой, Загоровской Марией Ивановной, в Воздвиженском (!) храме города Энска.

Для присмотра за Отроком и постепенного введения его в дела Артели в Энск направлен соработник Учитель.

Как стало известно из надёжного источника, неприятель также осведомлен о физическом существовании Отрока. Однако пока не имеет сведений об его истинном местопребывании.

Прошу господ членов Совета срочно собраться на предмет определения текущей конфигурации Игры.

Остаюсь Вашим покорным слугой,
Ак Дервиш, Батырь батырей Совета.

Когда все умрут, тогда только кончится Большая игра.

Тихий океан, остров Монтана де ла Крус, 13 сентября 1981

Крест, водруженный капитаном испанского галеона, из-за бури по пути на Филиппины отклонившегося с курса, давным-давно упал, сгнил и растворился в плоти острова. Теперь никто и не знает, где он стоял – на пляже, куда прибой вынес корабельную шлюпку, или действительно на вершине горы, которой остров, собственно, и был. Этого уже не установить – запись о рутинном по тем временам открытии давным-давно куда-то исчезла из архива. Но название острова – Монтана де ла Крус, осталось, и под этим именем Испанское королевство, а потом республика, а потом снова королевство безраздельно им владело. В бурные времена колониальных переделов он так и не перешёл в другие руки, ибо находился в отдалении от оживленных торговых магистралей, не имел в недрах ничего ценного, а полезная здешняя растительность – хлебные деревья да кокосовые пальмы – не была чем-то, способным соблазнить оборотистых людей. Периодически тут пытались добывать копру, однако, за убыточностью, предприятие скоро сворачивалось. Ещё лет двадцать назад здесь никто не обитал.

Нынешний владелец тоже не жил тут постоянно. Впрочем, формально владельцем оставалась королевство, сдавшее бесполезный клочок суши в бессрочную аренду част-

ному лицу. Сдало и абсолютно не интересовалось, что тут происходит, тем более что несколько важных чиновников в Паласио де ла Монклоа были строго-настрого предупреждены: не стоит совать нос в дела этого лица. Предупреждены людьми, с которыми вынуждены были считаться.

Сейчас это самое лицо пребывало перед мониторами, на которых отражалось всё, происходящее в роскошном овальном зале, скрытом глубоко в недрах горы. Там вообще много чего было – и залы, и кабинеты, и хозяйственные помещения, и подземные казематы – целый дворец, некогда в кратчайшие сроки вырубленный в скале. На поверхности же, среди густых зарослей на крутом склоне, демонстрировало себя лишь небольшое изящное бунгало, к которому вела от пляжа узкая тропинка. Там, в неубранной комнате с валяющимися на полу книгами и бумагами, грязными стаканами и рассыпанным пеплом на столике, среди шёлковых подушек на лёгкой плетеной кушетке возлежал, покуривая душистую самокрутку, хозяин. Из скрытых среди икебаны звуковых колонок доносилось унылое пение:

Ooooh Ma Ooooh Pa
Must the show go on
Ooooh Pa take me home
Ooooh Ma let me go
There must be some mistake
I didn't mean to let them
take away my soul

Am I too old is it too late
Ooooh Ma Ooooh Pa
Where has the feeling gone?
Ooooh Ma Ooooh Pa
Will I remember the songs?
The show must go on[1]

Диск был довольно старый, почти двухлетней давности, но лежавший в бунгало до сих пор способен был крутить его множество раз на дню. Он не мог объяснить природу сладкой тоски, которую испытывал от опуса, общем-то, чуждого ему и по мысли, и по исполнению. Если разбираться глубоко, было в этом увлечении нечто и от причудливого кокетства, и от изысканного сарказма. Но для того, чтобы это понять, следовало знать хотя бы основные вехи биографии хозяина бунгало, а знавших это в мире было немного. Сам же он не желал размышлять о таких вещах, у него имелись гораздо более важные темы. Что касается музыки… Если она нравилось, он просто её слушал.

Правда, сейчас, поглощённый действием на мониторах, музыку он ропускал мимо ушей. Гости рассаживались в высокие кресла вдоль выпуклой стороны огромного подковообразного стола, который огибал закруглённую стену зала, освещённого мягким светом скрытых ламп. Там, где концы стола немного не сходись, разрывая круг, стоял другой

[1] Здесь и далее – Pink Floyd. The Wall.

стол, массивный дубовый, инкрустированный перламутром, по виду старинный, явно предназначенный для председательствующего.

Гости попали сюда отнюдь не по прихотливой тропинке. Даже для здешнего хозяина было бы слишком жестокой шуткой принуждать солидных, убелённых сединами людей карабкаться по крутому склону. Им и так досталось, пока они добирались до этого окруженного белой пеной клочка земли. Кто-то рискнул, оставив свои яхты в виду острова, проскользнуть меж рифов на шлюпках. Другие воспользовались вертолетами, громоздко приткнувшимися на желтеющем пляже, по которому меланхолически ползали бесчисленные крабы. А там, где пляж смыкался с крайним скалистым выступом горы, гости, приветствуемые вооружёнными до зубов охранниками, проходили в небольшую пещеру, миновали узкий коридор, в конце которого перед ними предупредительно открывались двери зеркального лифта, и поднимались прямо в подземный дворец. Лифт имел ход степенный и торжественный, подстать весу этих людей в современном мире.

«Хотя, кто, кроме меня, да их самих, да ещё очень немногих, знает, кто они такие на самом деле», – лениво думал хозяин, рассматривая знакомые лица.

Журналисты не выпрашивали у них интервью, за ними не охотились папарацци. И зря. Группка, собравшаяся сейчас в недрах Монтана де ла Крус, способна была принять реше-

ния, выполнить которые было под силу разве что правительству одной из двух сверхдержав. А эти люди имели возможность свои решения исполнять. Почти всегда.

Клаб – коротко и весомо. Хозяин острова испытывал удовольствие от словечек, похожих на чёрную маску: никто не знает, что скрывается под ней, но зрелище лица в маске ох, как пробирает… Клаб. Игра. Для него это были не просто звуки, но квинтэссенция жизни.

Очень давно вошёл он в тело Игры, познал её тончайшие нюансы, достиг верхнего эшелона командующих, ибо всегда жаждал быть кукловодом. Однако потом правда открылась ему и потрясла: эти «кукловоды» сами были куклами, над которыми истинные кукловоды принимали истинные решения, ведая подлинные цели Игры. И он был введён в Клаб, взял в руки нити, ведущие к премьер-министрам, маршалам, адмиралам, директорам разведок, и наконец стал его президентом. Хотя посещала его порой леденящая мысль: «А кто дёргает нити, ведущие ко мне?..» – никогда не пытался додумать её до конца, раздражённо гнал куда подальше. Но сколько ни махай на назойливую муху, она всё равно притаится где-нибудь в пределах досягаемости и, улучив момент, усядется на свежую царапину.

Он досадливо хмыкнул, очередной раз шугнув противное насекомое в дальний уголок мозга, и сосредоточился на экранах. Давно взял за правило рассматривать лица коллег перед встречей – это давало ему довольно информации, что-

бы предстать перед ними во всеоружии. Положение обязывало…

Итак, Мэм. «Стерва!» – наблюдающий ехидно осклабился. Строгая интеллектуальная дама чёрной расы раздражала – нарочитой сухостью, четкостью логики, чопорно поджатыми губами, острым блеском глаз из-под учёных очков… Однако, раздражая, привлекала. Он часто жалел, что не был знаком с этой Дульсинеей (как ни странно, именно так назвал её отец – пастор-пятидесятник) в те далекие годы, когда она беззаветно боролась против расовой сегрегации, и сам Мартин Лютер Кинг ей что-то говорил. Боролась, правда, своеобразными методами: была, например, первой чернокожей американкой, ставшей победительницей городского конкурса красоты.

Хозяин острова, не отрываясь, смотрел, как одетая в строгий деловой костюм Мэм, переступая весьма ещё ничего ногами в изящных туфлях, грациозно подошла к середине стола, и, аккуратно поддернув юбку, опустилась в кресло. «Жопа или голова?..» – который раз он отмечал, что верхняя и нижняя части тела Мэм исполнены одинакового шарма. Во всяком случае, понятно, почему в своё время продюсеры конкурса преступили расовые предубеждения… Впрочем, он и сам видел фото с того конкурса, да не только их… Мэм взвилась бы от ярости, узнай, что президент хранит один старый порнографический журнал – она-то думала, что ей удалось уничтожить все экземпляры…

Но и голова… Она здорово перерабатывала политический материал, и вскоре это заметили серьёзные люди. Слишком высоко вознестись мудрая дама, конечно, не могла – по причине цвета кожи, но её консультации весьма ценились и в Госдепе, и в Пентагоне, и в Лэнгли. Теперь уже все важнейшие внешнеполитические решения Атлантической империи не обходилось без её участия. В миру же оставалась скромным профессором известного университета.

На экране возник здоровенный Ковбой, плюхнувшийся в кресло и сразу закинувший на драгоценное полированное дерево стола дорогие, но не очень чистые полусапожки. При виде традиционного хамства темнокожая дама привычно поморщилась и отвела взгляд от большого белого мужчины. Тот был ей полной противоположностью: лужёная глотка и простоватое лицо, которое не смогли облагородить лучшие частные школы и даже один из самых блестящих университетов Лиги плюща. Пару раз он получал увесистую пощёчину после того, как, перебрав Макаллана, пытался ущипнуть учёную коллегу за одно из её достоинств (понятно, не за голову), после чего щедро поминал «фак» и «грязных ниггеров». Но несмотря ни на что, часть деятельности Клаба, касающаяся страны великой демократии, была полностью в руках этой парочки. При этом никто из посвящённых не сомневался, чей интеллект верховодит в этом тандеме. Хотя ум и у Ковбоя имелся, грубый и жесткий, но удивительно продуктивный, когда дело касалось практической выгоды.

Ведь в Клаб его ввели отнюдь не за миллиардный блеск папашиного наследства. Тайно командовать нефтяными шейхами или мусульманскими революционерами у Ковбоя получалось прекрасно.

Теперь он насмешливо глянул на Мэм, и, надвинув на лоб шляпу, погрузился в кресло ещё глубже, так, что острые носы его сапог замаячили над столом, как сюрреалистические башенки. Хозяин острова заметил, что Милорда при этом передернуло, и ухмыльнулся: «Интересно, что бы он отдал за возможность размазать Ковбоя по стенке?» Милорд ненавидел янки всей ранимой душой британского аристократа, чей род восходит к Крестовым походам. И вынужден был мириться с Ковбоем, как и вся старуха Британия, мирящаяся с главенством своего непомерно разросшегося заокеанского аппендикса.

Впрочем, блестящий аристократ не показывал возмущения мужланством янки. Восседал прямо, будто проглотил фамильное копьё, вид имея надменный и чуть потусторонний. Похож был на потёртого лиса – резкие, почти гротескные черты лица нисколько не смягчались рыжеватой эспаньолкой и распадающимися по плечам безупречного смокинга белокурыми локонами. Гротеска добавляли большой рот, торчащие из-под ухоженных локонов бесформенные уши и длинный нос, над которым мерцали беспокойные, как у загнанного зверька, глаза.

В Палате лордов непосвящённые принимали его за без-

обидного дурачка. Но были и те, кто знал: слово этого совсем ещё молодого человека являлось очень увесистым для правительств стран Британского Содружества. Он держал в руках большинство гуманитарных миссий и фондов, с помощью которых Англия после войны сохраняла своё влияние в бывших колониях. Для него Империя была не прошлым, а живым настоящим, лишь ушла со светлой стороны в тень.

Этот был умён безо всяких оговорок. И очень непрост. Как и в отношении прочих членов правления Клаба, президент знал про него всё. Это «всё» могло ему нравиться или не нравиться, но ничего не значило, если не касалось Игры. Слишком мало было людей, способных войти в Клаб – достаточно могущественных, чтобы дёргать за нити, достаточно подготовленных, чтобы делать это эффективно, и достаточно безумных (а таких вообще были единицы), чтобы осознать истинный смысл Игры в тот миг, когда он им открывался. Таков был последний тест перед принятием в правление нового члена, и выдерживали его немногие – обычно великая весть встречалась недоумённым молчанием, натянутой шуткой, а то и взрывом хохота. То есть, человек для работы был непригоден. Ему подтверждали, что это был всего лишь розыгрыш, и отпускали. Правда, жил он с того момента не долго… Но лица некоторых от этого знания светлели, на них явственно проступали восторг и понимание. Значит, они давно предчувствовали и ждали. Значит, были пригодны.

Нынешний президент Клаба всегда внимательно следил за этой церемонией по мониторам – сразу не показывался на глаза новобранцам, дабы раньше времени не шокировать. Но хорошо помнил, как проходили испытание истиной все, кто составлял нынче правление. И сам принимал решение в отношении каждого кандидата.

По поводу Монсеньора, например, его в своё время посетили серьёзные сомнения. Да, разумеется, поп внутренне был готов к знанию – лицо его ни на секунду не выразило непонимания. Но то, что ещё прочитал на нём президент – печаль, покорность и полное отсутствие радости – очень ему не понравилось. Он уже готов был отдать приказ убрать старика, но сдержался: человек в Ватикане необходим – по множеству причин, не последней из которых являлась традиция. Традиция – очень важная часть Игры, и никакой лидер Клаба, даже такой лихой, как нынешний, не дерзнул бы преступить через неё.

Но Монсеньор работал прекрасно, и недоверие президента мало-помалу утихло. Ещё и потому, может быть, что, после него самого, из всех нынешних лидеров Клаба Монсеньор был самым старшим. Во время великой войны в оккупированной Польше закончил подпольную семинарию, уже тогда стал иезуитом, что было полезно. А ещё лучше то, что он был поляком, в крови которого вечно тлела ненависть к противнику. И ещё – хороший священник, верующий, что оставалось загадкой для президента: этого аспекта он просто

не понимал, а то, что не мог понять, отбрасывал. Но Монсеньор был и опытным шпионом, многие годы работавшим в ватиканской Конгрегации доктрины веры, которая, как известно, является одной из самых эффективных разведок мира. Высоколобый старик в недорогом чёрном костюме, на котором лишь белоснежная колоратка выдавала духовный сан, глубоко погрузился в кресло. На широком славянском лице с умными глазами отражалась усталость от долгого пути.

Рядом с ним восседал Дядюшка Цзи. Президент с рождения жил среди азиатов и хорошо понимал их, хотя никогда не уравнивал себя с «полубесами, полулюдьми». Но китайцы его возмущали, когда он воспринимал волны высокомерия, посылаемые ими на белых людей из-за ширмы льстивой вежливости. Нет, конечно, он знал историю, более того, знал недоступную простым докторам наук *тайную* историю, а в ней Азия вообще, и, в частности, Китай, представали куда более значимыми, чем в институтских учебниках. Но *знание* в данном случае значения не имело – президент продолжал *ощущать* «бремя белого человека» столь же остро, сколь это было в его бесшабашной юности.

Однако присутствие в Игре китайского элемента было настоятельной необходимостью. Поэтому президент всегда был предупредителен с невзрачным Цзи, круглолицым, низеньким, неизменно одетым в потертый френч-суньятсеновку. Более того, это был, пожалуй, единственный член правления Клаба, избавленный от злых шуточек президента, кото-

рый даже примирился с титулом «дядюшка», прекрасно понимая, что эта претензия Цзи – тоже часть безмерного высокомерия. Впрочем, с коллегами по Клабу китаец вёл себя так же, как с посетителями своей антикварной лавочки в Гонконге – улыбаясь добродушно и вещая велеречиво. Мало кто знал, что этот немолодой торговец – отпрыск одного их богатейших англо-китайских родов Сянгана, и очень немногие представляли, сколько миллиардов могут стоить подписанные им чеки. А то, что милейший Цзи ещё и имеет немалый вес среди коммунистов на континенте, и порой даже великий Дэн спрашивает его совета – об этом осведомлены были единицы особо посвященных. Как и о том, какое безмерное уважение к «дядюшке» питают «большие братья» многочисленных триад. Найдутся люди, замечавшие, что его магазинчик на Коулуне время от времени посещает, выходя из сияющего авто, пожилая китаянка в сопровождении серьёзной охраны. Но многие ли из них знают, что эта роскошная дама, по старой дружбе навещающая незаметного торговца – ушедшая на покой королева пиратов Юго-Восточной Азии…

Сложив руки на коленях, улыбающийся Цзи смиренно терпел мсье Жана, который, фамильярно навалившись на плечо китайца, со скабрезной ухмылочкой нашёптывал ему на ухо. Президента в очередной раз позабавило глубинное сходство этих внешне совершенно не похожих субъектов. Мсье Жан был тщедушен, узкоплеч, сутул, с огромным крючковатым носом. На нём отвратительно сидел усыпан-

ный перхотью пиджак, а брюки уныло свисали с тощей задницы. Он словно бы воплощал тип скорбного местечкового обитателя, однако предки его, хоть и явились в свое время из Восточной Европы, уже несколько поколений жили во Франции. Ещё его дед заменил фамилию на более подходящую к среде обитания, одновременно купив аккуратный, словно игрушечный, замок на Луаре. Белёсые стены его щедро покрывал роскошный плющ, а окрестные виноградники, разбитые пятьсот лет назад, приносили небольшой, но стабильный доход.

Но не вино служило источником благосостояния большого семейства мсье Жана. Он или его сыновья, выглядевшие вылитым папой, встречались с самыми разнообразными людьми, иные из которых блистали респектабельностью, другие же вовсе не внушали доверия. Спектр его связей поражал – он мог запросто выйти на министра любого правительства или организовать встречу с мафиозным боссом самого высокого ранга. Досье на него были во всех спецслужбах мира, но и он держал досье на все более-менее заметные фигуры в мире международного шпионажа.

Семейная фирма работала, с кем хотела, поставляя секреты за хорошие гонорары, и так искусно маневрировала в зазеркалье спецслужб, что ни у одной из них за всё это время не возникло желания прихлопнуть наглых конкурентов. Просто они всем были полезны. Истинный же размах деятельности семейства скромных виноделов оставался тайной

даже для большинства посвященных. Разве что президент Клаба знал, какую роль сыграли связи Жана, например, в создании государства Израиль или подготовке Шестидневной войны. И в кое-чём ещё…

Сказанного достаточно, чтобы понять: мсье Жан был фигурой весомой. При этом его манера общения оставалась раболепной и приторно-навязчивой, словно у мелкого коммивояжёра, вознамерившегося продать вам дрянь за бешеные деньги. И, что интересно, обычно он своей цели достигал. Может быть, в переговорах с ним партнёры шли на уступки просто, чтобы избавиться от его присутствия. По тому же принципу мсье работал и с женщинами, до которых был большой охотник, откровенно гордящийся своими победами и рассказывающий о них всем, кто способен был делать вид, что слушает.

Президент лениво потянулся и гибко вскочил с кушетки. Не глядя, выключил магнитофон, зевнул, и, пробормотав: «The show must go on», подошел к неприметной дверце – похоже, встроенного шкафчика. Но за ней открылся лифт, ведущий в недра горы.

– Господа, я здесь, – громко объявил президент и шагнул в зал, появившись прямо напротив президентского стола.

– Сахиб, – почти хором произнесли члены Клаба, склоняясь перед подростком.

Потёртые джинсы, стоптанные кроссовки, футболка с огромной надписью Pink Floyd – он ничем не отличался от

миллионов юнцов всех стран мира. Загорелое чуть скуластое лицо, длинные перепутанные тёмные волосы. Только глубоко посаженные глаза – светлые, как выцветшие. Или, может быть, выжженные. Свет скрытых люминесцентных ламп отражался в них. В таинственном зале, среди важных господ, мальчишка был неуместен, как клоун среди танцовщиц классического балета. Но стоял с непринуждённостью владыки, коим и являлся.

– Садитесь, господа, – небрежно бросил он.

Но сам не спешил занимать президентский стол, а, обогнув его, встал в центре круга клаберов. Резко выбросил руку. Из-за его спины вылетело двойное колесико на длинной верёвке – йо-йо, детская игрушка, абсолютно гармонировавшая с обличием хозяина. Верёвка оплетала его по-мальчишечьи нечистые пальцы, которые быстро двигались, ежесекундно меняя её конфигурацию, а металлические колёсики резво скакали, выписывая в воздухе прихотливые фигуры. Казалось, он был полностью поглощён своим занятием и не обращал внимания на общество. Но гостям, очевидно, эта манера была привычна, они уселись на места, молча созерцая играющего. А тот, не отрывая взгляда от своёго снаряда, пригласил:

– Прошу вас, Милорд.

Англичанин, выполнявший обязанности секретаря, встал, одёрнул безупречный блейзер с золотыми пуговицами, но без эмблемы, и заговорил с неподражаемым итонским ак-

центом:

– Сэр! Разрешите кратко обрисовать основные аспекты конфигурации последних дней.

Продолжая стремительно вращать йо-йо, Сахиб коротко кивнул. Выдержав для значительности паузу, Милорд продолжал:

– Закончившийся три дня назад в Гданьске съезд официально учредил независимый от коммунистических властей профсоюз «Солидарность»…

Сахиб мотнул лобастой головой, одновременно сотворив особо изощрённую фигуру.

– То, что нужно Клабу в Польше, вполне успешно делает Монсеньор.

Он исподлобья зыркнул на священника.

– Польская диверсия, как я уже неоднократно говорил, полезна исключительно как отвлекающий маневр. Это выступление, безусловно, будет подавлено. А для Игры Польша – периферия… Дальше.

Лорд чопорно кивнул и продолжил:

– Мусульманские террористы готовят покушение на президента Египта Садата. Операцию курирует мистер Ковбой.

– Нейтрализуйте Анвара скорее, – пробормотал Сахиб с недовольной гримасой – верёвка только что чуть не сорвалась с его руки, – он вот-вот выйдет из-под контроля, – вращение йо-йо удалось выровнять, и президент заговоил более пространно. – Янки с евреями готовы его в зад целовать за

то, что он подписал мир и турнул Советы. Совершенно не способны понять, что самостоятельный Египет в столетней перспективе для них и всех нас куда страшнее, чем красные на Красном море…

Милорд поклонился в знак согласия, заверив:

– Менее чем через месяц проблема перестанет существовать, сэр.

Поскольку Сахиб промолчал, британец продолжил:

– В СССР напряжённость между ингушами и осетинами достигла предела. В ближайшее время это или закончится взрывом, или постепенно будет сходить на нет. Я задействовал своих людей на Северном Кавказе с целью активизации конфликта.

– Это правильно, – согласился Сахиб, – частично отвлечёт внимание Artel`и от серьёзных вещей. Взрывайте.

– Я планирую показательное убийство ингушами осетина… – заметил Милорд.

Сахиб молча кивнул.

– Теперь Афганистан, – ободрился докладчик. – Над горами Луркох – это неподалеку от Шинданда…

– Я знаю эти места, – заверил Сахиб.

– …сбит советский вертолёт, в котором находился генерал-майор авиации Виктор Ахалов. Это стало завершением нашей операции по ликвидации одного из руководителей Artel`и.

– Дерьмово получилось, – покачал головой Сахиб, – гази

разорвали его на куски. Artel будет мстить. Это может сильно помешать нам в реализации Деяния… Надо было вывезти генерала и выжать от него информацию.

– Мы не успели, – начал оправдываться Милорд, но Сахиб вновь нетерпеливо мотнул головой:

– Дело сделано. Дальше.

– По достоверным сведениям, провозглашение области Антигуа и Барбуда независимым государством неминуемо и произойдет в течение нескольких недель, – дрожа от гнева, возгласил Милорд, похоже, для него это было важнейшим пунктом доклада. – Этого невозможно допустить! Британия теряет последние доминионы!..

Сахиб резко дёрнул рукой и диск йо-йо, мелькнув над столом, с негромким треском врезался в высокий чистый лоб Милорда. Тот замолк мигом, словно получил пулю в сердце, только судорожно схватился обеими руками за пострадавшее место. Йо-йо исчезло из рук Сахиба, словно и не было. Президент Клаба заговорил высоким от ярости голосом:

– Сэр Уолтер! Позвольте вам напомнить, что это собрание – не Форин-офис, и не Палата лордов. И на повестке дня не стоит ублажение вашего чёртова британского патриотизма! Мы занимаемся делом, которое было начато ещё тогда, когда Англии не существовало в природе. И мы ни в коей мере не представляем здесь интересов государств, подданными которых когда-либо являлись. У нас одно общее дело, которое, я надеюсь, скоро достигнет блистательного завершения.

А пока считаю любые попытки лоббировать здесь интересы отдельных стран абсурдными и неуместными.

Похоже, вспышка ярости миновала. Игрушка вновь мирно закружилась. Милорд был бледен, как бумага, но стоял прямо. Лишь отнял узкие ладони ото лба, на котором уже наливался смачный синяк. Остальные тоже молчали, ожидая продолжения. Оно не замедлило:

– Сэр Уолтер, в вашем докладе содержится множество мелких и незначительных дел. При этом я не услышал о главном, о том, из-за чего я собрал правление на чрезвычайное заседание.

– Сахиб, сэр… – начал Милорд, но замолк в растерянности.

– Или вам неизвестно о случившемся третьего дня в Сибири? Сэр, – вкрадчиво заговорил Сахиб.

Вращение йо-йо замедлилось.

– В Сибири… Да, в Сибири… – Милорд смущенно замолк.

– Продолжайте же! – призвал Сахиб, – Расскажите, что на недавно выявленного нами Отрока нового Узла покушались какие-то местные хулиганы. Неужели вы не осведомлены об этом?..

– Осведомлён. Сэр, – похоже, растерянность Милорда проходила.

– Может быть, не просто осведомлены? Может быть, вы и есть первопричина этого прискорбного случая?

Голос Сахиба оставался обманчиво доброжелательным.

– Да, сэр, – ответил Милорд, взяв себя в руки, – я счёл своевременным решить эту проблему.

– Своевременным… – задумчиво протянул Сахиб. – Почему же в таком случае вы не поставили в известность меня?

– Я посчитал, сэр, что подобные решения целиком в моей компетенции.

Англичанин выпрямился, пытаясь возвратить достоинство. Смелости ему было не занимать.

Вращение йо-йо последние секунды всё замедлялось, пока, при последних словах Милорда, не затухло совсем. Опустив голову, Сахиб, казалось, внимательно рассматривал бессильно повисшие колесики.

Потом поднял на Милорда взгляд светлых глаз.

Глядел долго-долго. Или так показалось всем во вдруг наставшей жуткой тишине. В которой раздался пронизывающий сердце вопль молодого аристократа:

– Не надо! Ради всего святого! Пожалуйста!..

С жутким воем раскачиваясь, Милорд схватился за голову. Потом тело его сломалось, он рухнул на покрытый малахитовой плиткой пол и под столом пополз к ногам Сахиба.

– Пожалуйста, пожалуйста… – лепетал он, – это невыносимо! Пожалуйста, прекратите!

Сахиб смотрел на него сверху вниз с выражением, с каким только что рассматривал остановившееся йо-йо.

Милорд дополз до грязных кроссовок Сахиба и уткнулся

в них лицом, жалобно скуля.

Сахиб заговорил медленно и рассудительно:

– Счастье ваше, сэр Уолтер, что природа наделила меня кротким нравом. Неужели вы могли подумать, что ваши интриги останутся для меня секретом? Неужели я не понимаю, что Деяние для вас ничто, а величие вашей погибшей Империи – всё? Дорогой сэр, я ведь тоже много лет трудился к вящей славе Британии. Но, поймите, прошу вас: ныне наша задача куда величественнее. Мы создаем новый мир, в котором, поверьте, найдется место и нашей с вами родине… Встаньте, сэр Уолтер.

Милорд, продолжая постанывать от пережитого ужаса, неуклюже поднялся.

– Вы отдали приказ уничтожить Отрока, в надежде, что после этого все наши силы будут брошены на интриги в пользу Англии? Так? – спросил Сахиб, глядя лорду в глаза.

Тот не хотел смотреть в них, но словно некая сила заставила его.

– Да, – тихо выдохнул он.

– Это была не лучшая ваша идея, – покачал головой страшный юнец. – В Отроках – весь смысл Игры. Истинной Игры. Всё остальное – для профанов. Ступайте на место, сэр.

Неровными шагами лорд направился в обход стола. Прочие клаберы, хранившие гробовое молчание, несколько расслабились, зашевелились. Ковбой вновь закинул сапоги на стол, а когда Милорд проходил мимо него, глумливо гогот-

нул. Англичанин остановился и бросил на янки испепеляющий взгляд.

– Могу я осведомиться, сэр, что вас так рассмешило? – ледяным тоном спросил он.

– Вы бы сели, ваша светлость, пока ещё на ногах держитесь, – осклабившись, посоветовал Ковбой.

– Наш разговор не закончен, – заверил Милорд, поправляя голубой галстук и садясь. Его колени заметно дрожали.

– Думаю, закончен, – раздался голос Сахиба, – иначе мне придется поиграть в гляделки и с вами, мистер.

Президент Клаба посмотрел на Ковбоя, который сразу словно бы скукожился и спешно убрал ноги со стола.

– Итак, – заговорил Сахиб, словно ничего не случилось, – неуклюжий агент нашего коллеги Милорда, к счастью, повёл дело, как последний дурак, и, хвала судьбе, противник отреагировал адекватно. Отрок цел.

– Возблагодарим Господа, – негромко произнёс Монсеньор.

Кажется, все произошедшее мало его взволновало.

– Я не преминул это сделать, святой отец, – ответил ему Сахиб с такой неприкрытой иронией, что всем стало неуютно.

– Разумеется, – продолжал Сахиб, и йо-йо снова кружилась, как будто аккомпанировало его речам, – агент был наказан. Собственно, он более не существует в этом мире.

Собрание восприняло это известие индифферентно.

– Его смерть использована с как можно большим эффектом – для воздействия на Отрока. Сразу могу сказать, толку от этого будет мало. Но, поскольку своими неумными действиями Милорд раскрыл противнику то, что личность Отрока не тайна для нас, дальнейшее выжидание бессмысленно. Я сам принял кое-какие меры. Отрок будет надёжно нейтрализован на время, потребное нам для подготовки Деяния.

– Хотелось бы знать, достопочтенный Сахиб, какие именно меры? Если мой вопрос не переходит границ благопристойности, – на безупречном английском, но со специфическим шелестящим акцентом спросил, низко кланяясь, дядюшка Цзи. Его улыбка казалось нарисованной тушью.

– Не переходит, – заверил Сахиб. – Я действовал через наших людей в пятом управлении КГБ. Подробности позвольте оставить при себе, дядюшка Цзи, – он поклонился китайцу, который поклонился ещё ниже, и сел, сохраняя кукольную улыбку.

– По-озвольте спросить, Сахиб, сэ-эр, – Мэм по-южному слегка растягивала гласные.

Сахиб утвердительно кивнул и вновь взялся за йо-йо.

– Мы раскрыли личность Отрока ещё три года назад. Почему в отношении него до сих пор не предпринималось никаких действий?

– Спасибо, это хороший вопрос, – президент, казалось, опять был полностью поглощен игрушкой, но речь его оставалась ровной и гладкой. – Во-первых, позволю вам напом-

нить, мы уже один раз очень сильно ошиблись, решив, что личность Отрока нами установлена. К счастью, это не имело катастрофических последствий и даже принесёт Клабу ощутимое преимущество. Но это нам урок, что такие сведения надо подолгу и по многу раз перепроверять. Чем мы эти годы и занимались. А во-вторых, как можно воздействовать на Отрока?.. Мы даже не понимаем природу сил, которые воспроизводят их. Знаем только, что в узловые моменты Игры возникает некий юноша, который призван свершить Деяние в пользу врагов. Но мы не можем сказать, что он их креатура, ибо всегда действует самостоятельно, хотя при их помощи. И мы знаем, что они сами ищут родившегося Отрока. Если уничтожить его, неминуемо появляется другой, который довершает Деяние, или так ломает конфигурацию Игры, что мы терпим поражение в раунде. Позвольте напомнить, что произошло в двенадцатом веке, когда наши предшественники сразу раскрыли Отрока и сначала заразили его в детстве проказой, а потом, когда стало очевидно, что болезнь не помешает его Деянию – ликвидировали. Но вскоре выяснилось, что одновременно с этим Отроком на другом конце ареала Игры родился другой, о котором мы ничего не знали. И все годы, пока наши средневековые коллеги занимались одним малышом, второй накапливал силы. Счастье, что тот решил не совершать Деяние, но стать великим завоевателем. Однако и в таком качестве он сотворил дела, надолго исключившие наших предков из Игры.

– Осмелюсь заметить, – елейно прошелестел дядюшка Цзи, – в том, что Отрок Шестой не совершил Деяния, немалая заслуга Белого Лотоса – наших предшественников из Срединной Империи, которые всё же, простите меня за это напоминание, вовремя раскрыли его. Их стараниями он был захвачен в юности и ориентирован лишь на внешние проявления своего могущества.

– Мы это с благодарностью помним, – Сахиб поклонился в сторону китайца, – правда, как известно, вашей родине такой выбор Отрока вышел несколько боком…

Цзи лишь молча поклонился в ответ. Его улыбка не изменилась нисколько.

– Итак, – продолжал Сахиб, – убивать Отрока бесполезно и даже вредно. Но можно отвлечь от его миссии, как это сделали почтенные предки дядюшки Цзи с Шестым, или уже Клаб – с Десятым.

– Но в данном случае, – продолжал лекцию президент, – такой вариант был невозможен – Artel раскрыла Отрока гораздо раньше нас, и все это время он находился под её контролем. В такой ситуации я принял решение лишь наблюдать, вмешавшись в момент, когда противника можно будет застать врасплох… Однако, – Сахиб чуть поклонился в сторону Милорда, – теперь этот план сорван.

– Я уверен, – помолчав, заключил Сахиб, – что Отрок уже информирован о своей миссии, а это значит, что новый раунд миновал латентную фазу. И не мы в нём владеем ини-

циативой…

Йо-йо исчезло. Президент тускло сообщил:

– Когда все умрут, тогда только кончится Большая игра.

Коротко поклонился, и, резко повернувшись, направился к лифту.

Дверцы шкафчика, скрывавшего лифт, распахнулись.

Он ждал в бунгало, лежа на бамбуковой кушетке – нагой.

Мэм, все ещё в строгом деловом костюме, шагнула к нему. Смуглое юное тело в оправе из матово отблескивающих шёлковых подушек казалось ей невообразимой драгоценностью, столь изысканной, что это граничило с непристойностью.

Гора Креста укуталась в ночное покрывало. Шум прилива, короткие крики бессонных птиц, говор деревьев под ветром гармонично сливались с тихой музыкой:

Mama loves her baby,
And Daddy loves you too
And the sea may look warm to you babe
And the sky may look blue
Ooooh babe
Ooooh baby blue

Сердце Мэм колотилось, как в двенадцать лет на первом свидании.

Он был сильно возбуждён и нисколько не скрывал этого. На припухших губах блуждала неясная усмешка. Светлые глаза глядели в упор, и то, что она разглядела в них, за-

ставило её учащенно задышать.

Ей мучительно захотелось прикоснуться к нему, к самым сладким местам, которые затрепещут от прикосновений – нежнейшим темнеющим соскам, впадинкам над ключицами, и к этому, большому, сводящему с ума, воздетому к потолку.

Сделала ещё один шаг к кушетке. Его усмешка расширилась, показались белоснежные зубы.

– Жопа или голова? – неожиданно спросил он, ухмыляясь всё откровеннее.

Губы её раздвинула вожделеющая улыбка, показав блестящую внутри влагу и легкомысленную дырочку меж верхних зубов. Она судорожно взялась за верхнюю пуговицу жакета.

– Жопа, бэби, конечно жо-опа, – пролепетала покорно, порывисто сбрасывая одежду прямо на пол. Хотела снять большие профессорские очки.

– Оставь, – властно приказал он.

Лежали бок о бок. Её темные губы запеклись, глаза были закрыты. Всё ещё плыла в каком-то роскошном потоке: то ли Млечный путь восхищал к венцу вселенной, то ли ток её собственной крови уносил туда, где нет ничего, кроме вечной сладкой теплоты.

Его эмоции были не столь возвышены – он давно разучился отдаваться сиюминутным чувствам, хотя страсти продолжали довлеть над ним, как будто он и впрямь был всего лишь гиперсексуальным мальчишкой. Связь с Мэм была ему бесполезна, но он не сумел подавить влечения и нисколько не

жалел об этом. Приподнялся на локте, рассматривая её слегка поблекшее тело, несущее едва заметные следы пары пластических операций. Как ни странно, это зрелище безумно возбуждало его, того, кто при желании мог обладать любой женщиной на планете. Но в данный момент он выбрал эту и был горд своей победой, словно впервые соблазнил одноклассницу-отличницу.

Вновь глубоко вдохнул её запах – смесь французских духов и жаркого негритянского пота. Его рука тяжело легла ей на плечо, нетерпеливо повернула на спину. Не открывая глаз, она тихо простонала. И он вновь набросился на нее, как голодный на истекающий соком кусок.

Ooooh babe
If you should go skating
On the thin ice of modern life
Dragging behind you the silent reproach
Of a million tear stained eyes
Don't be surprised when a crack in the ice
Appears under your feet

Она уже не понимала, было ли это песней из магнитофона, или рокот прилива вливает в её душу тревожные предчувствия.

– Я чувствую себя ста-арой развратницей, – проворковала она в подушку.

Сахиб, лежащий на спине, сосредоточенно раскуривая

самокрутку, издававшую острый дурманящий аромат, сухо рассмеялся:

– Бэби, ты всё время забываешь, что я старше тебя на пятьдесят семь лет. И кто же из нас соблазняет детишек?..

Мэм зябко поежилась, хотя тропическая ночь была тепла и мягка, как пуховая перина.

– Я этого никогда не смогу понять и принять. И не хочу…

Он затянулся, задержав в себе дым, выдохнул дурманящий клуб и заговорил о другом. Речь его стала немного тягучей и замедленной.

– Ты правильно сделала, что спросила об Отроке… там, в зале… спасибо. Рано или поздно… рано или поздно надо было объяснять Клабу такую вот мою тактику. И лучше, что спросила ты… да ты, конечно, а не какой-нибудь дурак… вроде Милорда.

Он вновь рассмеялся в пространство. Ей не нравилось его состояние, но это была мелочь по сравнению со счастьем, которое она испытывала, изредка оставаясь с ним наедине.

– Почему ты пощадил Милорда? – спросила она, хотя ей не хотелось слышать ответ.

– А с чего ты взяла, что я пощадил? – Сахиб снова тихонько хихикнул. – Поверь, бэби, ему досталось… так, что ты и представить не можешь… И ещё достанется. Не сейчас… Нет, сейчас не время… потом… Пока нужен… Дурачок! Дурачок!

Он откинулся на подушки, посмеиваясь. Она смотрела на

него со смесью ужаса и восторга.

– Что творится с ними, когда ты так смотришь? – она часто задавала ему этот вопрос и всякий раз получала одинаковый ответ:

– Хочешь узнать прямо сейчас?

И всякий раз со страхом выдыхала:

– Нет!

И всегда он на это ухмылялся. Но сейчас его явно тянуло на разговор.

– Это сила, бэби, большая сила. Да… Я впервые ощутил её, когда… меня посетило… Посетил… Ну, в общем, когда я окончательно решил… что никогда не стану взрослым.

– Кто тебя посетил, Кимбел? – она сумела скрыть волнение.

Перед ней чуть приоткрылась величайшая тайна Клаба, над которой ломали голову все его члены.

Сахиб опять захихикал:

– Тень, Дульси, большая чёрная Тень. Вот что меня посетило.

– Эта Тень подсказывает тебе решения?

В ней неожиданно проснулся исследователь, стоящий перед интригующей загадкой. Но Сахиб раздавил окурок в пепельнице и повернулся к ней. Сейчас его светлые глаза были переполнены потусторонним опаловым светом.

– Берегись, Дульси. Это не для тебя. Оно… знаешь, оно кушает маленьких девочек…

Он опять захихикал.
Из скрытых колонок предостерегающе доносилось:

> You slip out of your depth and out of your mind
> With your fear flowing out behind you
> As you claw the thin ice

2

Он мою защиту разрушает –
Старую индийскую – в момент, —
Это смутно мне напоминает
Индо-пакистанский инцидент.
Владимир Высоцкий «Игра»

СССР, Энск, 11–20 сентября 1981

После эмоционально перегруженной пятницы, суббота предстала бедной и тёмной. Утром Руслан, несмотря на запрет таинственного «майора Иванова», сходил в секцию. Там, неожиданно для себя, с первого приёма бросил на пол одного из самых сильных парней в своей категории, принудив того судорожно захлопать ладонью по плечу, признавая поражение. Но это нисколько не обрадовало его. После слов Палыча он внимательно присмотрелся к тренеру и нашёл того заурядным и пошлым. Кажется, он был озабочен лишь отбором перспективных учеников для получения разрядов, а честолюбивые его мечты поднимались не выше, чем перспектива участия своих воспитанников в областных чемпионатах, и, может быть, если повезет – во всероссийском первенстве. Был невзрачен, редко стирал кимоно, допускал ошибки, демонстрируя приёмы. Оживлялся, лишь

когда вёл занятия с женской частью секции. Тогда ходил гоголем, смотрел орлом и очень часто показывал девчонкам, как поставить блок или сделать захват. При этом ладони его, словно невзначай, надолго задерживались на их телах.

Похолодало, болезненно моросил обессиливающий дождь, но Руслан шёл из секции длинной дорогой, чтобы позже оказаться дома. Он хотел идти под хлипким дождем и думать про губы Инги. И совсем не хотел домой. Суббота – отец снова будет пьян. Не то чтобы Руслан поэтому способен был возненавидеть папу, просто тяжело и стыдно было смотреть на отцовские мучения. Мама умерла два года назад, так, они и опомниться не успели – саркома сожгла её за четыре месяца. Всё это время в памяти Руслана было исполнено прерывистыми маминими стонами.

Разумеется, на кухне уже позвякивало стекло, воняло «Беломором», доносился хриплый кашель.

– Папа, я пришёл! – крикнул он и сразу скользнул в свою комнату, не слушая дежурного вопроса отца, заданного уже изрядно тягучим голосом:

– У-ужинать бу-удешь?

Он поужинает потом, когда, проигнорировав все громкие звуки – топот, пение, ругань – дождётся, пока они стихнут, пройдёт на кухню и поднимет с пола смертельно пьяного мужчину. Дотащит его, пытающегося что-то говорить, советовать, воспитывать, жаловаться, петь и читать стихи, до кровати, разденет, укроет одеялом и выключит свет. Потом,

возможно, придётся подтирать на полу блевотину. Как повезёт.

Мелькнула было мысль позвонить Инге, но говорить с ней в маленьком коридорчике, безо всякой двери переходящем в кухню, не хотелось. Потому он просто лежал на кушетке, закинув руки за голову. Из магнитофонных колонок доносилось:

> Daddy's flown across the ocean
> Leaving just a memory
> A snapshot in the family album
> Daddy what else did you leave for me
> Daddy what d'ya leave behind for me
> All in all it was just a brick in the wall!
> All in all it was just bricks in the wall…

Он не очень увлекался роком, вообще музыкой, предпочитая книги. Но этот концерт чем-то цеплял его. Печалью обездоленности или бунтарской страстью, или колдовским психоделическим дурманом… А может быть, призрачной и бредовой, но надеждой на выход.

Отец уже орал что-то непотребное. Руслан не обращал на него внимания, протирая взглядом давно не белёный потолок. События недели не то, что проходили перед ним: память о них существовала одновременно, словно ряд раскалённых гвоздей, вбиваемых в мозг.

В прошлую пятницу шёл в школу, прислушиваясь к дви-

жениям за спиной – нападение, а особенно комментарий на него Палыча оставили резкое ощущение опасности. Впрочем, вскоре разозлился на себя и постарался игнорировать тревогу. Даже преуспел в этом. О вчерашнем напоминали только ноющие бок и плечо, да пощипывание в разбитом носу.

Но лишь придя на урок истории и увидев там Зою Александровну – крашеную блондинку в возрасте, обозлённую на весь свет, а больше всего на учеников, вспомнил слова Палыча. Всё же поднял руку и спросил:

– А Пал Палыч где?

– А тебе, Загоровский, другие преподаватели не подходят? Обязательно столичные светила? – изводя парня презрительным взглядом, ехидно прощёлкала Зоя, школьниками именуемая Шваброй.

– Просто хотел узнать, – сдержавшись, ответил Руслан, глядя исподлобья.

– Он взял отпуск по семейным обстоятельствам, – снизошла училка, но тут же вытянула его к доске и, с удовольствием придравшись к какой-то мелочи в ответе, влепила «тройку».

Последующие дни добавили смуты. В воскресенье Руслан устал сидеть, исходя от тревоги, дома, и с готовностью вышел во двор, услышав в телефонной трубке полный ликующего ужаса голос соседского Женьки:

– Русь, пошли на Базу, говорят, там парень разрезанный

на рельсах!

Не сказать, что Руслана это сильно интересовало, но за компанию он потащился к Базе – старому заводику по перегонке нефти. Прямо по жилым кварталам от него шла узкоколейка, по которой иногда с частыми остановками влачился длиннющий поезд бензиновых цистерн.

У перехода через рельсы толклась кучка любопытствующих. Труп действительно имел место – вообще-то, не редкость здесь, где рельсы пересекала пешеходная дорожка, и многие нетерпеливые мужчины, выскочившие в ближайший гастроном за добавкой, не дожидаясь, пока стоящий поезд освободит проход, отчаянно ныряли под колёса.

Руслан уже не раз видел мертвых, и вид их не особенно его впечатлял. Правда, такого он ещё не видел: нижняя часть тела со странно перекрученными ногами лежала на дорожке, а торс с головой – на другой стороне поезда. Между ними на шпалах в беспорядке были разбросаны какие-то желтоватые органы. Крови, как ни странно, было не так уж много – кое-где, вязкими черными пятнами.

Руслан с отвращением поглядел на ноги покойного – в ношеных американских джинсах, перехваченных заляпанным кровью модным матерчатым поясом, на стоптанные кроссовки, одна из которых лежала в стороне, на позорно грязный дырявый носок, и, словно что-то тянуло, перешёл с возбужденно сопящим приятелем на другую сторону – к торсу. Вот здесь юношу достало по-настоящему. Бескровное, припач-

канное белой пылью лицо с раззявленным ртом выглядело уже и не лицом, а воплощенным безмолвным воплем. Но не поэтому к горлу Руслана подступила смертельная тошнота. Просто он узнал это лицо. Парень со скрипучим голосом, гопник, который пытался его убить…

– Пойдём-ка отсюда, – проговорил Руслан и почти потащил жадно оглядывающегося Женьку.

Они пришли туда, где блок гаражей примыкал к глухой ограде детского сада, оставляя немного пространства. Воняло стылой мочой и сухими фекалиями, валялись бычки и бутылки из-под вина и пива. «Сачкодром» был оборудован несколькими магазинными ящиками из тонких деревянных плашек. На них и уселись.

Руслан достал пачку «Опала», протянул сигарету Женьке, закурил сам. Приятель избегал смотреть ему в глаза. Подозрения Руслана перерастали в уверенность.

– Слышь, Жэка, – произнес он лениво, словно чтобы заполнить затянувшуюся паузу, – тебе кто про этого жмура впарил?

Женька побледнел и опустил глаза.

– Да не помню я, пацан какой-то во дворе…

– Я-ясно, – протянул Руслан, пристально глядя на приятеля. Занимаясь в школьном драмкружке, он открыл силу пристального взгляда в упор. Важно было лишь выдержать паузу, и тебе расскажут всё, что надо. Впрочем, наверное, было во взгляде Руслана Загоровского нечто, усиливающее

эффект. Во всяком случае, метод этот он до сих пор применял успешно.

Женька робко поднял глаза.

– Слушай, Русь, не пацан это был, – тихо произнес он.

– А кто? – все так же лениво спросил Руслан.

– Да мужик какой-то, – чуть не плача признался Женька. – Дяденька такой, знаешь, как учитель. А может, мент… я знаю?..

– Ну и что он?

– Да ничего. Подошёл, назвал меня по фамилии и говорит…

– Что?

– «Загоровский, – говорит, – друг твой?» Я говорю: «Ага» «Позвони ему, – говорит, – и идите на Базу, там на рельсах покойник разрезанный лежит» Посмотрите, мол, вам интересно будет… Русь…

– Что?

– Лажанулся я, – от стыда Женька весь извелся.

– Почему?

– Х… его знает… Чё-то не то там. Он мне чирик за это дал, просекаешь?..

– За то, что меня на трупака глядеть повёл?

– Ну, типа… Чё за дела тут вообще?..

– Сам не врубаюсь… А фигли ты башли-то взял, а?.. – Руслан поглядел на Женьку грозно.

– А ты бы не взял?.. – заменжевался тот.

Руслан пожал плечами.

– Ладно, проехали… Ты это… чирик у тебя?

– Ага.

– Ну и пошли за портвешком в аквариум. Я чё, зря вылез что ли?..

– Русь, я на вертак коплю…

– Не х… жабиться, за меня же забашляли… И вообще, у меня день рождения завтра.

– А, точно!.. Ну, это, поздравляю!

Два «огнетушителя» загасили тревогу, почти избавив память от кричащего лица.

Руслан давно знал, что за ним приглядывают, но гнал эту мысль, как упорную муху, раз от раза садящуюся на болячку. Уже несколько лет замечал заинтересованные взгляды незнакомцев, иногда вежливые и доброжелательные люди расспрашивали о всяких пустяках: как живёт, не болеет ли, слушается ли родителей, что читает. Потом они (для него это уже были «они») куда-то девались, он даже немного расстроился. Но вскоре понял, что «они» рядом всегда.

Лысый старик с окладистой бородой… Впрочем, это Руслану казалось, что старик, хотя тот был просто сед, как лунь, но фигура была крепкой. Впервые он появился, когда мама ещё была жива – на конкурсном спектакле школьного драмкружка в городском дворце пионеров. Конкурс был важным, среди зрителей, говорили, сидели некие большие начальники, то ли из обкома, то ли по комсомольской линии. Кру-

жок Руслана представлял идеологически выдержанный спектакль по пьесе безымянного автора – о настоящем человеке летчике Алексее Мересьеве. Шеф особенно одобрил выбор произведения, подсказанный руководителю кружка – немного малохольному учителю пения – никем иным, как Русланом, который и сыграл главную роль.

Произведение было в стихах:

Товарищ Мересьев летел в самолёте,
С подбитым мотором летел.
Задел за верхушки высоких деревьев,
И это спасло ему жизнь…

Руслан превзошел самого себя. При мрачном вступлении хора мальчиков:

Он скоро очнулся в глубоком сугробе,
Но на ноги встать он не смог.
Он полз, весь истощий, он полз три недели, —

стеная и подтягиваясь на руках, он прополз поперек грязноватой сцены так убедительно, что зрители (в основном, родители актеров) замерли в скорбном молчании. Трагизм достигал апогея при замогильном речитативе девочек:

– Гангрена, гангрена! Ему отрежут ноги!..

На этих словах Руслан обессилено замирал. Бросив при этом взгляд в зрительский зал, среди печальных и напряжен-

ных лиц, уловил откровенную усмешку кряжистого седого старика в первых рядах. От него исходила такая удивительная волна весёлости, что сам Руслан едва не расхохотался, чем, несомненно, шокировал бы публику насмерть.

Спектакль не победил по одной причине: кто-то выяснил, что никакой такой пьесы никогда официально напечатано не было, а текст актёры разучивали с машинописных листов, принесенных Русланом. Был скандал. Шеф рвал и метал, требуя выдать источник крамолы. Руслан стоял намертво, утверждая, что листочки нашёл в макулатуре и решил, что это хорошая пьеса о герое, а не какое-то антисоветское издевательство. Другого сказать не мог: листки получил от мамы… Тогда Шеф ему поверил, потому из школы он не вылетел. Должен был вылететь из драмкружка, но тут неожиданно возвысил голос учитель пения: он (и не только) считал, что без талантов Руслана спектакли захиреют. Поскольку драмкружок был весомой частью ежеквартальной отчетности в районо, Шеф махнул рукой и оставил Загоровского в покое. Тем более что так и не понял, какая именно крамола заключалась в трагических стихах…

Второй раз Руслан увидел старика на промокшем под осенним дождем татарском кладбище – на похоронах матери. Тот стоял поодаль, будто просто пришел к кому-то из своих. Но глядел при этом на Руслана. Которому, впрочем, он тогда был настолько безразличен, что тут же забылся. А вспомнился только через несколько месяцев.

Пока мама была жива, Руслан, до безумия любивший читать, жил, как в сказке. Ему стоило лишь сказать Асие, что он почитал бы такую вот книгу, как вскоре она её доставала. Даже каких в библиотеке быть не могло. Может быть, изо всех энских мальчишек он был единственным, читавшим, например, литературный источник бешено популярных гэдээровских фильмов про вождя Виннету – романы Карла Мая, наглухо запрещенного за то, что имел несчастье быть любимым писателем Гитлера. Но мама неизвестно где достала пару ветхих дореволюционных брошюр издательства Сытина.

По мере взросления сына дставаемые Асиёй книги становились серьезнее, а иной раз и опаснее. Как-то она извлекла с нижней полки кладовки книжку, при этом строго сказала, что говорить про неё никому нельзя, потому что из библиотек книга изъята, но она, мама, умудрилась припрятать один экземпляр. Заинтригованный Руслан прочитал довольно занудную звёздную фантастику, не очень понял, в чём там крамола, и положил произведение назад в кладовку. Немного позже до него, конечно, дошло, что писатель в виде жуткого инопланетного режима рисует советское общество, но, на вкус Руслана, делал он это выспренне и не интересно.

Были и другие подобные книги, и даже машинописные листочки с действительно ядрёной антисоветчиной. Отец часто приглушенно ругался с матерью из-за этих идеологических диверсий, но чуть взбалмошная и романтичная Асия упрямо твердила, что сын должен развиваться, а чтобы развиваться,

надо читать всякие книги, в том числе и запрещённые. Все эти скандалы заканчивались тяжёлым вздохом отца: «Ну ты, кня-яжна…», – и родители мирились.

Месяца через два после её смерти Руслан записался в другую библиотеку – в материнскую, конечно, ходить больше не мог. Одна пожилая библиотекарша почему-то часто заговаривала с ним, советовала то да сё, даже что-то приносила из загашников. Наконец, стала таскать ему книги из взрослого отдела. И он читал этих писателей, которых не проходили в школе – Кафку, Сэлинджера, Камю, Сартра – увлечённо, но не особо заморачиваясь их мрачными взглядами. Ему больше нравились Бабель и Зощенко, или жутковатые рассказы Грина, так не похожие на приторные «Алые паруса». А после «Мастера и Маргариты» много дней пребывал в благоговейном восторге.

Руслан не думал, с чего это он попал у тетки в такой фавор, пока не увидел выходящего из библиотеки знакомого белобородого старика. Тогда ему всё стало ясно. Постоял немного, насвистывая, а потом нырнул в библиотеку – за новой порцией корма для непрестанно требующего жрать мозга.

…Он прислушался. Отец на кухне уже мычал что-то невнятное. Скоро его можно будет забрать. Поморщившись от боли в боку, юноша снял с полки последнюю книгу, взятую у доброй тётки, и попытался читать. Он уже знал один роман этого автора – о беспросветной жизни некого старпё-

ра, которого посредством ядерной дури учат уму-разуму две угоревшие вешалки. Но это было что-то другое – сложное, многозначительное, приправленное странными виршами.

Руслан всё никак не мог принять рассуждения автора по поводу долга. Само это слово было ему неприятно. Он не чувствовал, что должен кому-то или чему-то. Наоборот, полагал, что мир должен ему – свободу, которой он никогда не знал, но стремился к ней изо всех сил.

В четверг, задумавшись об этой фигне на уроке, по привычке поднял руку, а когда вспомнил, что вместо Палыча теперь Швабра, было уже поздно. Пришлось спрашивать эту козу:

– Зоя Александровна, что такое долг?

Историчка, решившая, что паршивец над ней издевается, пошла красными пятнами. Класс с интересом замер, в надежде, что Русь решил опасно приколоться – периодически с ним такое случалось, всегда неожиданно и интересно. Однако Руслан, поняв по дрожащей шее и бешеным глазенкам училки, что вот-вот раздастся пронзительный вопль, поспешил предварить бедствие:

– Мне действительно это непонятно, – заверил он смиренно, – почему люди поступают так, а не иначе? Пал Палыч говорил про Наполеона, который пошёл на мост, где бы его точно убили. Но он взял знамя и пошёл, а солдаты за ним. Он выполнял свой долг, да? И они тоже? Но что их заставило это сделать? Они же просто могли разойтись и не умирать…

Класс разочарованно стух – кина не будет, Руся понесло… Сникла и Швабра, до которой дошло, что её призывают исполнить педагогический долг, и от того, что она ответит, зависит, быть может, вся дальнейшая жизнь этого паршивца – так её, вроде бы, учили в институте. Но в голове у неё смешалось, и она решительно не могла найти походящих слов, всё больше злясь на выскочку.

– Ну, видишь ли… Странно, что Пал Палыч не рассказал вам, что у Наполеона были классовые интересы… и у его генералов тоже… – она понимала, что несет чушь. – Но, кроме этого, они ещё помнили революционные идеалы и думали, что сражаются за них… – теперь ей показалось, что она нащупала твердую почву. – Революция раскрепощает человека и он радостно выполняет долг перед трудовым народом… Вот мы, если социалистическая родина будет в опасности, пойдем её защищать… Это и есть наш долг…

Она уже думала, что выкрутилась из трудного положения. Но Руслан спросил:

– А кто не захочет его выполнять?..

Швабра вновь впала в неистовство:

– Значит, он враг и его рас-стреляют, – почти прокричала она и так зыркнула на ученика, будто и впрямь намеревалась пустить ему пулю в лоб.

Руслану только что открылась истина: те, кто выполняет долг под дулом пистолета или под любым другим принуждением – никакие не герои. Они рабы. Они лишены свободы. А

значит – понимание этого ослепило его – те, кто добровольно исполняет долг… свободны!

Есть люди, у которых долг в крови и потому их невозможно принудить к его исполнению. Они сами решают, что такое их долг.

Это было так просто… Он не мог понять, почему не осознал этого раньше. Именно об этом и было написано в лежащей дома книге про игру в бисер.

Ассоциации сделали своё дело: его долгом была Игра. Словно кто-то вдул эту истину в его мозг. Но на самом деле он дошел до неё сам, сейчас, здесь, в ветхом унылом классе.

И он понял, что исполнит долг, чего бы ему это ни стоило.

До конца урока Руслан сидел за партой с отсутствующей улыбкой. Лицо его было так странно, что даже Швабра не решалась прикрикнуть на него, хотя ей очень хотелось.

Вчера же, в пятницу, юноша со всей непреложностью понял, что его Игра началась.

Палыч никак не проявлялся. И не было Инги. В классе шептались, что из Афганистана пришла похоронка на её брата. На самом деле командир погибшего Юрия – старый друг его отставника-отца – дал телеграмму родителям. Руслану было тоскливо и тошно, но на время перестал думать об Инге и её брате, когда его вызывал в кабинет Шеф. Гадая, что за взбучка предстоит (за другим учеников сюда не вызывали), Руслан с удивлением увидел сидящего рядом с директором мужчину средних лет, чисто выбритого, в неброском костю-

ме и с внимательными глазами.

– Михаил Андреевич, – обратился он к Шефу, – нельзя ли нам с мальчиком поговорить наедине?

Шеф моментально вскочил и, угодливо изогнувшись, выскочил из кабинета.

– Садись, Руслан, – пригласил мужчина. – Ты догадываешься, кто я?

– Милиция? – неуверенно предположил мальчик.

– КГБ, – коротко сообщил пришелец. – Майор Иванов.

«Никакой он не майор, и никакой не Иванов», – словно бы некто вбросил эту мысль в голову Руслана, но он не выпустил её на лицо и лишь доверчиво кивнул.

– Я тут по поводу твоего учителя истории.

– Пал Палыча?

– Да. Видишь ли, он исчез, и мы подозреваем, что его могли похитить враги.

– Какие?

– Ты не спрашиваешь, чем их так заинтересовал протой школьный учитель, – глядя в упор, проговорил чекист. – На твоем месте я бы думал, прежде чем отвечать на вопросы…

Руслан удивленно вскинул голову. Майор продолжал пристально его разглядывать.

– Скажи-ка, – спросил он, наконец, – в последнее время ты не замечал каких-либо странностей, связанных с Пал Палычем? Может быть, какая-нибудь история или ещё что?..

– Нет, ничего не было, – сразу ответил Руслан.

– Вот теперь молодец, – одобрительно кивнул майор. – Вообще, очень советую тебе в ближайшие дни меньше говорить и избегать встречь с людьми, даже знакомыми.

– А что у тебя с носом? – вдруг быстро спросил комитетчик.

– Упал на лестнице, – так же быстро ответил Руслан.

«Иванов» оглядел его с одобрительным удивлением.

– Молодец… Молодец… Теперь вот что. Могут ещё прийти, может быть, и из моего ведомства. Не имеет значения – молчи. Противник везде, и ты ещё не способен его идентифицировать.

Юноша кивнул.

– Сейчас сразу иди домой, но незаметно. Я договорюсь с директором, чтобы тебя освободили от уроков. Сиди дома, пока не позвонит человек, который скажет: «Есть возможность устроить тебя на курсы арабского языка. Недорого». Повтори.

– Есть возможность устроить тебя на курсы персидского языка. Недорого.

– Запомни. Ты ответишь: «У папы хватит денег только на турецкий». Повтори.

– У папы хватит денег только на турецкий.

– Зазубри это. Фразы должны быть точно такие, без малейших изменений. Это будет наш человек, он скажет, что делать дальше.

Руслан снова кивнул. Ему всё было ясно. Удивление май-

ора явно возрастало, но высказывать его тот не стал, только крепко пожал юноше руку и подтолкнул к двери.

– Позови там вашего директора – ходит взад-вперед мимо двери, а подслушать никак не решается… Да, ещё – тебе привет от Палыча…

Руслан в первый и последний раз увидел, как улыбается «майор Иванов».

Но сразу уйти не удалось. В рекреации его поймала Ирка Гинзбург, про которую все знали, что она бегает с доносами в кабинет Шефа. Уныло шмыгая носом, пыталась навязать своё общество. Он спасся от неё в туалете для мальчиков, стены которого были расписаны наивными непристойностями, львиная доля которых касалась любимого директора. Самой популярной была надпись, возвещавшая граду и миру, что Шеф предпочитает содомический оральный секс пассивного характера. Графитти регулярно стирались подневольными младшеклассниками, но вскоре в изобилии возникали вновь.

Из окна туалета очень удобно было сигануть на зады школы, в густо заросший дворик. Что Руслан и сделал.

За глухим торцом школы, там, где над узкой асфальтовой дорожкой нависали большие тополя, покрытые редеющей ярко-желтой листвой, стояла Инга. Плнчи её дёргались от беззвучных рыданий. Наверное, догадался Руслан, шла в школу, да завернула сюда, не может сейчас встречаться с одноклассниками.

Он, было, нерешительно остановился, но сила, которая уже проявилась в нём и вела по тропе Игры, заставила сделать шаг… другой… Он стоял за её вздрагивающими плечами, почти вплотную, сознание её близости уносило куда-то… в сторону совсем другую, не ту, в какую указал строгий майор. Она почувствовала его дыхание, обернулась, и его взгляд заворожил её. А он с восторгом разглядывал любимое лицо, впервые столь близкое – заплаканные карие глаза, дорожки слез и потёкшей туши на сияющей юной коже, несколько неумело скрытых прыщиков, припухшие пунцовые губы.

– Инга…

Но тут же он понял, что говорить не может. Какая-то сила увлекла его лицо вперед. Он почувствовал мокрую мякоть и твердь зубов, и что-то двигающееся в такт его поцелуям, в чём ликующе опознал девичий язык. В ноздри его ударил незнакомый упоительный запах, он не знал ещё, что так пахнет любящая женщина. Этот страстный аромат добавлял восторга в вулкан его безумия.

Им казалось, что прошло очень много времени, хотя неуклюжие подростковые поцелуи заняли всего минуты три. Когда его освобожденная ото всех табу рука прошлась по её плечу и сжала тугую грудь, она опомнилась, отстранила.

– Русь, ты чё, с дуба рухнул? – голосок был слаб, а глаза все ещё подергивала тёплая поволока.

Он попытался снова обнять её, но она отстранилась уже

тверже – приходила в себя. А его новая сила настойчиво требовала уходить.

– Инга, – сказал он прерывающимся голосом, – мне очень жалко Юрку.

Она опустила голову – действительность вновь вошла в неё. Он понял, что допустил ошибку.

– Послушай, – сказал торопливо, – мне сейчас надо уйти. Ты слушай… ты меня дождись, ладно?.. Я буду про тебя думать и скоро приду. Только дождись меня, пожалуйста, Инга!

– Русь, ты о чём? – она резко вскинула голову, в глазах плескалася страх.

– Ни о чём. Просто дождись.

Он оторвался от неё и быстро пошел к проломленной ограде – самому короткому пути со школьной территории. Перед дырой оглянулся. Она беспомощно смотрела ему вслед.

– Дождись, – повторил он шёпотом, но она поняла движения губ.

– Русь! – крикнула, но он уже бегом бежал по тропинке, ведущей к дому и дальше.

We don't need no education
We don't need no thought control
No dark sarcasm in the classroom
Teacher leave them kids alone
Hey teacher, leave the kids alone

All in all it's just another brick in the wall!
All in all you're just another brick…

Отец давно затих. Руслан, не глядя, отключил взволнованный детский хор, прерываемый злобным речитативом учителя, и отправился на кухню.

Воскресным вечером объявился Рудик. Руслан едва не сел на пол от удивления, увидев его за дверью. Рудик Бородавкин был тот ещё мен. С мамой он познакомился в библиотеке – почитал себя интеллектуалом и регулярно посещал такого рода заведения. Общительная и склонная к богеме Асия заинтересовалась неприкаянным парнем, выглядевшим гораздо младше своего возраста. Её образование зиждилось на идеях перевоспитания, и в лице Рудика, она, похоже, нашла подходящий объект приложения невостребованных педагогических талантов.

Но этот почти тридцатилетний длинноволосый оболтус напоминал макаренковского беспризорника только разногласиями с законом. Отсидев три года по хулиганке, считал себя жертвой режима и всячески его поносил, что, честно говоря, Асие тоже нравилось. Кроме того, занимался фарцовкой в классическом варианте – всем западным, от жвачки до тряпок, и от ярких полиэтиленовых пакетов до дисков. Между прочим, запись The Wall Руслан получил от него, и одно время рассчитывал обрести со скидкой настоящие штатовские штаны, привезенные Рудиком из Прибалтики, куда

он регулярно мотался за товаром. Но вожделенные джинсы Руслану оказались не суждены, так и остался он рабом советского легпрома. Потому что вскоре Рудик был изгнан с позором.

Руслан, вообще-то, с самого начала удивлялся, как мать не видит, что этого чувака, который был на десять лет её младше, привлекают вовсе не интеллектуальные беседы, а она сама. Но это сразу почуял отец, который раз навсегда велел жене отлучить подозрительного типа от дома. Однако та не послушала и продолжала принимать и кормить Рудика, пока муж был на работе. Не сказать, что Руслан это одобрял, но язвительный и начитанный Рудик ему тоже нравился. На фоне простоватых ровесников выглядел вообще неким графом Монте-Кристо, мстящим коммунистам за загубленную жизнь. Он вёл революционные разговоры, все время западая, правда, на революцию сексуальную, и почти не скрывал «голубизну». К этой теме Руслан испытывал лёгкое отвращение, но одновременно какое-то болезненное любопытство. Конечно, догадывался, что приятель бьёт к нему клинья, но с юношеской самоуверенностью считал, что всегда сможет окоротить его.

В общем, бедолага Рудик (в зоне-малолетке – «петух» с погонялом Агафья) в поте лица старался соблазнить одновременно маму и сына, наполняя свои ночи умопомрачительными фантазиями свального греха, но объекты его вожделений эту тему просто игнорировали. Наконец, отчаяв-

шись, как-то вечером впился в Асию губами и руками, получил по морде и был выставлен без права возвращения.

С Русланом какое-то время ещё поддерживал отношения – водил во всякие интересные места: окраинные кинотеатры на полузапретные фильмы, ночное кладбище, где они пили водку на чьей-то могиле, или на пасхальный крестный ход в единственную в городе действующую церквушку. Но Руслану, наконец, наскучило отбиваться от суетливых лап, тем более, это приходилось делать всё чаще. Он назвал приятеля правильным словом и тоже прекратил отношения. Хотя иногда и скучал по их разговорам.

– Привет, – растерянно сказал он Рудику, как всегда, с ног до головы облачённому в «фирму» – немецкая кожаная куртка и кожаная же венгерская кепочка, кокетливо сдвинутая на лоб, штаны «Ли», жилетка «Левис», батник «Вранглер», «адики»… Рудик любил повторять, что, за исключением трусов и носков, на нём нет ничего советского.

– Привет, Русик, – блеснул он тремя золотыми фиксами, улыбаясь, как сам считал, обворожительно, на самом же деле довольно ехидно. – Пустишь?

– Заходи, – вяло пригласил Руслан.

Он не был в восторге от визита, но тот обещал несколько развеять неприятные мысли. Конечно, не пустил бы гостя, будь отец на ногах, но тот чересчур усердно налегал целый день на пиво, к вечеру вонзил в него «чекушку» и теперь в бессознательном состоянии пребывал в своей комнате, что

сулило крайне неприятное понедельничное утро.

– А ты всё такой же засранец, – констатировал Рудик, оглядывая беспорядок в комнате Руслана: наваленные горой на полу книги и журналы, грязная посуда на письменном столе, смятая постель.

– Неси закусь, – фарцовщик привычно устроился в старом кресле и поставил на стол пузатую бутылку виски «Белая лошадь», которое почитал верхом изысканной роскоши.

– Русь, у тебя же день рождения недавно был, да?

– Ага, в понедельник.

– И как отметил?

– Да никак. Было бы что отмечать…

– Ну, вот сейчас и отметим!

Руслан принес из холодильника сморщенные яблоки, несколько крутых яиц и плавленый сырок. Возвращаясь, заметил, что Рудик внимательно разглядывает книжную полку, и вспомнил, что тот всегда так делал, когда приходил к нему.

– Помянем твою мамку сначала…

Молча выпили по стопке, закусили. Разговор Руслану начинать не хотелось.

– Ну, как жизнь? – закуривая, снисходительно спросил Рудик. Тон его подразумевал, что ничего интересного за это время с Русланом произойти не могло. Пачку «Кента» бросил на стол, небрежным жестом предложив угощаться.

– Всяко-разно, – выдавил Руслан, беря сигарету.

– Неприятности? – быстро спросил Рудик.

Руслан вздрогнул – приятель этот никогда не отличался особым чутьем на его состояния. Тут было другое: тот что-то знал. Хотя… Откуда бы?..

Рудик вновь наполнил стопки.

– Теперь за тебя! Расти красивый и с большим!

Руслан несколько раз заметил, как Рудик бросал взгляд на портрет матери над письменным столом. Отец сфотографировал смеющуюся Асию где-то на летней природе, босой, в легком платьице повыше круглых коленей. Глаза Рудика при взгляде на неё маслились, мягкие губы увлажнялись. Руслана передергивало от отвращения. Не выдержав, он ушёл в туалет.

Когда вернулся, стопки были опять наполнены, а Рудик, развалясь в кресле, жевал яблоко. Вид его Руслану чем-то очень не понравился – тот всё время отводил взгляд. Повеяло чем-то нехорошим… Садясь, Руслан в первый раз по-настоящему задумался, кто этот человек, так ловко втёршийся в его жизнь.

Но виски действовало. В ушах приятно шумело, и, в общем, Рудик представал не таким уж одиозным персонажем. Ну, пидор, ну, стукач… А как же ему не быть стукачом, раз он пидор?.. Если стукач, значит, пидор и есть… Под эти успокоительные силлогизмы Руслан опрокинул в себя стопку, поймав на себе колючий, но при этом почему-то испуганный взгляд Рудика.

Эффект ударил сразу – у Руслана появилось ощущение, что его стремительно раскручивают. Почувствовал жуткую тошноту и попытался выбросить из себя принятый напиток. Но тошнота никак не переходила во рвоту.

«Б…дь! Подсыпал! – хаотично вспыхивали мысли. – Сейчас отрублюсь, а он вы…т! Сука!»

Он хотел вскочить с кресла и ударить Рудика, но понял, что тело ему не повинуется.

…Уже очень давно, от самого детства, не посещал его этот томительный кошмар. Среди ночи он вскакивал с постели от безликого ужаса с воплем, в котором не было ничего детского и вообще мало человеческого: «Не переворачивайте! Переверните назад! Пожалуйста!» Он чувствовал, что висит вниз головой в пустоте, а помимо этой пустоты нет ничего. Мог делать что угодно: вскочить с кровати, кричать, бегать, хвататься за людей и предметы, но всё это было бессмысленно – на самом деле он завис где-то, где отсутствовало время и пространство. Самое страшное, что и сам он состоял из пустоты. Более того – был ещё ничтожнее пустоты, всего лишь её безымянным видением, трижды несуществующим. Невозможность подвергнуть небытие хоть какому-то изменению была безнадежнее биения мошки о крепостную стену. Отчаяние накрывало погибельной волной, в которой он мог лишь беспомощно вопить.

Но где-то рождался свет. Где-то наверху. Значит, верх есть. Сразу после этого ощущал под ногами твердь и осозна-

вал, что уже не висит в нигде. Свет был спокойный и добрый, как у ночника, только куда сильнее. Значит, есть покой и добро. Это немного успокаивало, он даже вспоминал своё имя. И тогда рядом с ним оказывался некто, кого он называл Прекрасным человеком. Руслан никак не мог запомнить его беспредельно красивое лицо, помнил лишь одежды – длинные, трепещущие, яркие, как огонь. И ещё зелёную ветку в руке. Человек поднимал её, и они оказывались в роскошном саду, среди цветов и добрых зверей. Человек говорил что-то важное и приятное, но что – Руслан всегда забывал. На этом месте видения он засыпал, спокойно и крепко, как надлежит ребенку.

А сейчас от ласкового и печального взгляда Прекрасного человека Руслан проснулся.

Его рот был сведен гнусной сладковатой сухостью, голова продолжала замедленно, но тошнотворно вращаться, тело было неподъемно. Не раскрывая глаз, он попытался сообразить, каким образом достиг такого состояния. Вспомнил Рудика. «Нажрались», – простонал мысленно. Возникло отвращение от перспективы идти с такого бодуна в школу, но тут ударила жгучая мысль, что всё куда хуже – очень, очень плохо. В панике прислушался к своему телу, ища признаки насилия. Правда, какие они должны быть, толком не знал. Единственное, что понял – одет полностью, что немного успокоило. Он всё ещё, похоже, был в кресле. Слегка пошевелился. Боль вспыхнула в голове и поползла по всему телу.

С трудом сглотнул, чтобы разлепить рот. Открыл глаза. Полутёмная комната предстала в затейливом ракурсе – както наперекосяк. Привычный беспорядок при этом приобрел черты апокалиптически зловещие. В лиловых тенях пол почти сливался с потолком, из окна сочился гнойный свет уличного фонаря. Все ещё стояла ночь.

Голову чуть отпустило. Он схватился за край стола, попытался встать. Но тут же сел назад при виде тёмного липкого следа, ладонью оставленного на столешнице.

Глядел на него несколько минут, мыслей не было. Внизу в неверном свете блеснул предмет, которого там не должно было быть: старый топорик, обычно валявшийся в кладовке вместе с прочим инструментом. Свесился с кресла, поднял. Слегка поржавевшее лезвие и топорище тоже вымазаны были липким…

С хриплым воплем вскочил и, как был с топориком, бросился на кухню. Машинально включил свет, огляделся бешеным взглядом. Всё, вроде бы, в порядке. Повернувшись, дёрнул дверь в комнату отца. Та легко открылась. Не глядя, шлёпнул выключатель. Вспыхнувший свет отворил ужас.

Это красное, мокрое… Теперь он видел: оно везде – и на стенах, и по полу во все стороны расходились дорожки кровавых следов. Огромная, уже подсыхающая лужа обрамляла сползшие на пол с дивана ноги. Он зафиксировался на них, чтобы не смотреть на превращённую в кровавое месиво голову, откуда на него серьёзно и укоризненно смотрел чудом

сохранившийся голубой глаз.

…Он не знал, сколько простоял, глядя на труп отца. Наверное, немного, потому что всё это время фиксировал на уровне фона какую-то возню на лестничной клетке. Потом были стуки в дверь, потом в неё забарабанили и, наконец, со страшным грохотом она вылетела. А он продолжал смотреть, не веря глазам, даже когда милиционеры отобрали топорик и заломили ему за спину руки.

Судебная коллегия по уголовным делам верховного суда РСФСР.

Определение от 1 декабря 1981 года.

(извлечение)

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР 26 ноября 1981 г. Загоровский Руслан Евгеньевич признан совершившим в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 102 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 59 УК РСФСР Загоровский освобожден от уголовной ответственности с применением к нему принудительных мер медицинского характера: помещение в психиатрическую больницу со строгим наблюдением.

Франция, замок Брасье, 13 ноября 1981

– Таки убейте меня, мсье Сахиб, тольки я ничуточки не понимаю, на шо нам сдался этот кусок гнилого дерева…

– Зато, мсье Жан, это отлично понимали ваши предки. Если я не ошибаюсь, среди них числится некий Иуда Кириак…

– Ой вэй! Тот Иехуда был безумным, совсем безумным! Ви подумайте – этот поц всего-то неделю посидел в яме и таки предал ам Исраэль! Бенехэм бехеймес! Не нужно мне такого предка, лучше пусть он будет предком Арафата!

– Вряд ли раис этому обрадуется… Но мне удивительны ваши сомнения. Вы прекрасно знали, чем занимаетесь, когда собирали остальные части Артефакта. А теперь, когда дело лишь за тем, чтобы найти последнюю, самую важную, и сложить головоломку, которая приведет нас к победе…

– Вэйзмир! Я же не говорю: «Не стану этого делать». Старий Жан будет делать и это, и то, и другое, и всё, шо ни велит ему Сахиб, потому что Жан уже так влип в этот гешефт, шо его не вытащит и сам машиах. Я только чуточку хотел знать, шо нам отломится со всего этого?

– Если бы я сам знал… Но скоро узнаю. Все почти готово, не так ли, мсье Жан?

– Таки да, если ви об том мусоре, какой я уж тринадцать лет собираю по всему миру. 115 чурок и щепок, да ещё три

ржавих железяки! Сказать, как мы разнюхивали, где они лежат, как тащили их и заменяли копиями – ви будете много и весело смеяться. Да шо я говорю, ви без того знаете… Но, барух Ашем, все они тут, в Брасье.

– Позже мы их посмотрим. Вы уверены, что в мире не осталось других частиц?

– Разве я всезнающий Б-г? Я просто виживший с ума мсье Жан. И я говорю: мне кажется, не осталось. Кроме той самой…

– Я верю. Много утрачено, но это неважно. Будет неважно, когда мы найдем пропавшую часть. И ещё…

– Да, Копьё… И скажите мне пожалуйста, к чему нам ещё это самое Копьё?

– Скажем так: существует некий ритуал, который, будучи выполненным мной, как главой Клаба, даст нам решающее преимущество в Игре… Но для этого необходимо иметь оба Артефакта.

– То Копьё…

– Да, то самое, которое так хотел иметь господин по имени Адольф.

– Тьфу на него! Он таки его поимел… Только это ему нисколечки не помогло.

– И не могло помочь, потому что он не представлял, как им пользоваться.

– А где, позвольте вас спросить, мсье Сахиб, был тогда Клаб, и с чего это тому поцу позволили завладеть такой важ-

ной вещью?

– Потому что для Деяния необходим главный Артефакт, а найти тогда основную его часть не было никакой возможности, ибо сделать это может только Отрок. Кроме того, мне самому тогда было многое неизвестно, в частности, о роли Копья. Я ответил на ваши вопросы?

– Ой вэй, ваши ответы рожают новие вопросы. Таки Клаб танцевал с Гитлером?

– Таки да. И не вам этим возмущаться. Не ваш ли дедушка в сорок втором предложил генералу Роммелю помощь против англичан от имени «Борцов за свободу Израиля» – в обмен на обещание не мешать созданию еврейского государства после оккупации Германией Ближнего Востока?.. И не через вашу ли семейную фирму гестапо договорилось с Сохнутом о переброске сионистов из Европы в Палестину?.. Могу назвать ещё пару-тройку подобных акций.

– Это всё фаршлепте кренк… Ни дедушка, ни папа никак не думали, что фюрер и на самом деле такой сонэ Исраэль, каким представлялся. Да и потом дедушка говорил: «Из труб крематориев улетучатся последние остатки нашего галутного позора». Он ошибался, но кто же не ошибается в этом мире, скажите мне?..

– В денежном выражении он очень выгодно ошибся, насколько я знаю… Ну да ладно, меня ваши старые гешефты не интересуют. Так вот, Клаб использовал Адольфа, и использовал по полной программе. Одно время казалось, что он

придет в регион Игры и мы будем вести раунд за его спиной.

– Значит, ви тоже в нём ошиблись…

Сахиб пожал плечами.

– Да, мы проиграли тот раунд. Но очень быстро восстановили преимущество. К слову, не без помощи ваших дедушки и папы. А знаете, почему именно ваша фирма была выбрана для нужд Игры, а позже вас ввели в Клаб? Потому что некий Иуда имел непосредственное отношение к обретению Артефакта. За вашей семьей присматривали с тех самых пор, как его значение открылось нашим предшественникам. Все, кто имеет отношение к Артефактам – участники Игры. И только когда все они умрут…

– … таки тогда закончится Большая игра! Знаю-знаю…

– В этом-то, мсье Жан, и весь цимес.

Юноша отвернулся к обрамлённому под готику окну. За ажурной балюстрадой открывался пейзаж, похожий на старинную открытку: в чистом осеннем зеркале мирной реки отражались аккуратные крыши деревни. Редкие люди на её улочках казались призраками. Неподвижные автомобили у домов были столь неуместны, что взгляд сразу отталкивался от них и устремлялся к белым стенам круглого форта. Основательно обглоданные временем, они упрямо хранили память о феодальной славе. В закатном солнце старым золотом сиял густой кустарник по берегам, кое-где проступала тёмная зелень сосен, среди которых уже висели первые лохмы вязкого вечернего тумана. Вдали опустошённые пожух-

лые виноградники смиренно ожидали зимнего сна. Пишущий их продрогший художник, безнадежно пытающийся выплеснуть вместе с красками свою тоску, похоже, уже наполовину растворился в гулкой ноябрьской пустоте.

Сахибу всё это было безразлично. Сидел, нахохлившись, как замёрзший воробей, не потрудившись сбросить короткую кожаную куртку. Грязноватые перепутанные кудри свешивались на светлые глаза, странные глаза, одновременно и бешеные, и холодные, и подёрнутые дымкой печали. Он казался безмерно далеким от этого новодельного охотничьего зала, чучел животных, оружия и гобеленов под старину, от милого ветхого замка в ветхой мирной стране.

Мсье Жан встревожено взглянул на него. Его угловатое, словно написанное кубистом, лицо выражало болезненную озабоченность, а иногда по нему проскальзывала гримаса, очень напоминающая страх. Жан нервно ткнул длинным кривоватым пальцем в кнопку пульта. Почти сразу двери бесшумно распахнулись, вышколенный слуга в расшитой ливрее внёс старинный резной графин и два бокала, с изящным поклоном поставил поднос на стол. Сахиб, не глядя, мотнул головой, но мсье Жан всё же наполнил оба бокала золотистым местным вином.

Как и его гость, он чуял приближение великой развязки и никак не мог понять, что она принесет ему лично, от чего пребывал в лёгкой прострации. Истоки его частной разведки уходили глубоко в прошлое, может быть, ещё в наивное

средневековье, когда между европейскими гетто и общинами Азии свободно циркулировали путники и их единоверцы всегда знали последние новости английского двора, секреты Святого престола и цены на шёлк в Кайфэне. Окончательно всё оформил дед мсье Жана, выдающийся человек, оставивший разветвлённую структуру, способную в кратчайшие сроки добыть любые сведения, и при этом ни от кого, кроме собственной семьи, не зависящую. Но что будет с этим семейным делом… да что там делом, вообще что будет с ам Израэль в новом мире, наступление которого сулил успех Клаба?.. Мсье Жан не знал этого и знать не мог.

«Лоймир азой дер лебен мешиях», – пожав плечами, философски подумал он, обороняясь от тревожных предчувствий, и утешился глотком своего любимого вина.

Казалось, они так и будут вечно спускаться по длиннейшим лестницам. Сперва спуск радовал глаз чинной роскошью мрамора и изразцовых плиток, но чем ниже, тем темнее и уже становились переходы и лестницы. Фактически, это был второй замок, выдолбленный под первым в известняке. Он углублялся в недра настолько же, насколько внешний устремлялся к небу. Сахибу пришла в голову аналогия с игральной картой. «Скорее, валет, чем король», – мелькнула у него мысль, когда они шли под нависшими сводами, кое-где украшенными полуосыпавшейся прихотливой лепниной, мимо стеллажей с невзрачными, покрытыми клочьями пыли бутылками, содержащими пенистый напиток.

Дальше тянулись уже совсем узкие и грязные лазы. Электричество сюда проведено не было, пришлось включить фонарики. Их нервный свет периодически вырывал из темноты особо неприглядный кусок подземелья, с какой-нибудь кучей мусора, а может быть, и костей, или целую банду вниз головами почивающих летучих мышей, которые сразу начинали тревожно шебуршиться.

Наконец, клаберы остановились перед тяжелыми дверями. В свете фонариков выпукло выступила оковка – могучие полосы ржавого железа.

– Вот тут уже красивый король сам тамплиеров мучил, – нервно хихикнул мсье Жан и засунул в проем замка массивный старинный ключ, удивительно легко провернувшийся несколько раз. Дубовые створки, скрипя, подались. С трудом разбирая узор старофранцузской надписи над дверью, Сахиб прочитал: «Входите, господа, к королю, нашему властелину», – хмыкнул и переступил порог.

Обширное низкое помещение, как ни странно, было освещено электричеством из каких-то скрытых источников. Свет был тусклым, но открывал достаточно. Это действительно была камера пыток. Внушительная коллекция изощренных станков – всех этих потемневших, но от того ещё более жутких «ведьминых тронов», «сторожей колыбели», «скрипок сплетниц» и «испанских сапогов», сама по себе способна была вызвать пароксизм ужаса у впечатлительного человека. Впрочем, клаберы к таковым никак не относились.

Но тут с Сахибом случилось нечто странное. Внезапно он оказался… не в другом месте, просто здесь всё стало другим. Низкий зал теперь освещало рваное пламя факелов в железных зажимах на известковых стенах, которые выглядели куда белее, словно камни обтесывались совсем недавно. Чад был невыносим – к вони жжёной пакли обильно примешивались смрады крови и человеческих испражнений. Миазмов добавляла пылающая жаровня. На стенах и маленьких столиках были заботливо развешаны и разложены разнообразные щипцы, клещи, заточки, ножи и ножницы. Голоса звучали отрывисто и гулко, как лай возбуждённых псов.

Высокий человек во главе длинного стола был роскошно одет, но унизанная жемчугами сорочка и великолепная розовая котта казались мятыми и несвежими. Кое-где драгоценную ткань оскверняли тёмные пятна. Красивое бритое лицо в обрамлении кокетливо вышитого шёлком чепчика-кале, из-под которого выбивались некогда тщательно завитые локоны, выражало одновременно гнев и смертельную усталость.

– Брат Филипп, вам надлежит, по доброй ли воле или по принуждению, ответить на наши вопросы, – монотонно увещевал он некое измученное существо.

Нагой, покрытый страшными ранами, человек лежал на грубом деревянном ложе, оснащенным с обоих концов валиками, к которым был крепко привязан за запястья и щиколотки, так, что не мог пошевелиться. Валики снабжены бы-

ли вОротами, у одного из которых стоял крепкий парень, в одном кожаном переднике. Он ловил взгляд сутулого типа в алом балахоне, который, в свою очередь, ел глазами высокого вельможу.

– Сир, – распятый на столе пытался вложить в свои слова все жалобы, которые накопились в нём за бесконечные дни истязаний, – я всё рассказал… Как плевал на Распятие, как отрекался от Христа, как услуживал телом своим похоти старших братьев… Что вам ещё нужно?.. Сир, умоляю, велите меня убить, я не могу больше…

– Ты должен сказать… – вопрошающий порывисто встал, в его голосе чувствовалось огромное напряжение, – куда твой нечестивый прадед девал попавший в его руки после великого поражения…

– …Крест! – словно помимо воли разбитый рот вытолкнул это слово, и звучали в нем горечь и страх. – Это же всем известно… мне говорил дед… а ему сам рыцарь Филипп де Патте… Было жарко, невозможно везти тяжесть по пустыне… Воды не было… Войска сделали привал и сьер Филипп… закопал его в песке. А потом неверные пошли в атаку… Граф де Шапмань…

– Твой злосчастный предок обманул его, за что теперь, без сомнения, горит в геенне огненной! – встрял измождённый священник в фиолетовой сутане. – В том месте, которое он показал, ничего не нашли!

– Монсьер, пощадите! Я… я не знаю, куда он девался! Дед

ничего не говорил об этом! – почти взвыл допрашиваемый в предчувствии новой муки.

– Мэтр Жан, – вельможа глянул на мрачного человека, тот подал знак подручному, который изо всех сил навалился на ворот. Сам палач взялся за другой.

С отвратительным скрежетом валики пошли в разные стороны. Нечеловеческий вопль раздался под сводами. Тело жертвы неодолимо растягивалось, выгибалось посередине. При этом открылся ещё один источник мучений: ряд усеянных острыми шипами валиков. Они тоже проворачивались, глубоко пропахивая спину кровавыми бороздами.

Вопль был уже невыносим, но допрашивающие напряжённо слушали его, словно силились обнаружить в этих безумных звуках крупицу столь необходимой им информации.

Однако её там не было. Был отвратительный треск и много мочи, рванувшей из вялого бледного уда пытаемого в тот момент, когда кожа на его сочленениях одновременно хрустнула и суставы раскрылись, как плоды граната. Из расширяющихся алых трещин вывернулись белые бабки. Брызнувшая кровь смешалась с мочой, и смрад загустел так, что, казалось, его можно было месить руками. Человек взвыл в последний раз и обмер.

Вельможа дал знак палачу прервать пытку.

– Сир, – почтительно проговорил священник, – похоже, этот де Патте действительно не знает, куда девалась Реликвия. Невозможно поверить, что он сохранил под такими пыт-

ками тайну, буде его дед ему её доверил… Нам придётся убить его и продолжать поиски силами Конгрегации.

Король пожал плечами:

– Его сожгут вместе с остальными тамплиерами. Но я хочу быть доподлинно уверенным, что этот червяк говорит правду. Мэтр, приготовьте раскалённое железо… И пусть он очнётся.

Низенький палач угодливо поклонился. Ведро воды частично смыло с узника нечистоты. Он застонал и пошевелился. Мэтр Жан отошел к жаровне и рукой в грубой перчатке взялся за вишнёвые от жара клещи…

Видение ушло так же нежданно, как и явилось. Судя по всему, в реальном мире прошли доли секунды. Во всяком случае, когда Сахиб осознал себя в современности, они всё ещё стояли у порога старинной камеры пыток. Мсье Жан, похоже, так и не понял, что президент Клаба только что совершил путешествие в прошлое. Но тот привык к творящимся вокруг него удивительным вещам, потому отложил происшествие в запасники сознания и внимательным взглядом скользнул по залу.

У дальней стены в окружении густых теней стоял один из атрибутов его видения – широкий стол-дыба. Хоть и побитое временем, орудие пыток пребывало, судя по всему, во вполне рабочем состоянии – даже верёвки на вОроты были намотаны новые и крепкие. Но сегодня оно служило иной цели.

Сахиб быстро осмотрел разложенные на нём предметы.

– Он что, так здесь и хранится? – не оборачиваясь, бросил президент Клаба.

– Что ви, что ви! – мсье Жан замахал руками. – Эдакая ценность! Тольки в сейфе, в сокровищнице, на уровень ниже. Там стальные двери аж на восемь тонн весом! Туда и уж не проскользнет, ви можете мне поверить. А сейчас я всё здесь разложил для вас – тут спокойно, пока клиентов нету, – мсье Жан опять хихикнул.

Сахиб кивнул, рассматривая разложенные на алом шёлке куски и кусочки очень старого дерева. Их было много и лежали они в определенном порядке, составляя нечто вроде длинного бруса, причем, сразу было видно, что отсутствуют значительные его фрагменты. Но, в общем, форма предмета была ясна. Рядком были разложены три длинных – больше десяти сантиметров – искривленных гвоздя грубой ковки.

В голове Сахиба билось настырно и отчаянно:

Crazy, over the rainbow, I am crazy
Bars in the window
There must have been a door there in the wall
when I came in

Он не мог понять, почему, когда он стоит на пороге великой власти, душа его способна откликнуться на это лишь чужим жалобным пением. Попытался усилием воли остановить навязчивый куплет, но когда ему это удалось, грянула беспредельная тишина. Словно бы он вновь исчез из это-

го мира, вернее, мановением могущественной воли был вышвырнут из него. Но на сей раз не попал ни в какой другой, завис где-то в беспредельном, не поддающемся описанию и определению, но убийственно реальном континууме. Все маски его неестественно протяжённой жизни осыпались жалкой трухой, он не имел больше имен и званий. И лишь эти кусочки дерева предстояли перед ним, словно были единым величавым существом, взирающем и ВИДЯЩИМ его так, как никто никогда не видел, и даже мысль о столь полном видении невыносима. Если бы стоящий позади мсье Жан посмотрел сейчас в глаза Сахиба, наверное, убежал бы отсюда, из своего замка, из этой страны вообще, и забился бы в самую неприметную щель мира, – лишь бы не нашёл его этот взгляд ожившего мертвеца, несущий ужас, какой неспособна вместить человеческая душа.

Впрочем, и это озарение заняло лишь доли секунды, Сахиб вновь осознал себя, когда в него вернулось тягучее пение:

– Crazy, over the rainbow, he is crazy.

США, Калифорния, кампус Строссовского университета, 23 ноября 1981

– Только не говори, что прилетел, чтобы заняться се-ексом со старой негритянской мамашей, всё равно не поверю.

– С чего ты взяла, что я хочу это сказать? Конечно нет… Ну-ну, не обижайся!

– С чего ты взял, что я обиделась?

– Бэби, у меня была довольно долгая жизнь, за которую я кое-чему научился. В том числе и читать лица. Я всю дорогу думал, как буду спать с тобой. Это правда.

– Я знаю… А теперь к делу. Только прекрати курить свою дурь.

– Она помогает сосредоточиться – твоя жопа слегка меня взволновала.

– Да по-ошёл ты…

– Бэби, ты хочешь завести меня снова?

– Да.

– Поздравляю, тебе это удалось…

Она не понимала его и это иногда злило. Вернее, вызывало чувство неполноценности, что просто выводило её из себя, поскольку было ахиллесовой пятой целеустремлённой Дульси. Сколько себя помнила, всегда боялась быть ху-

же, чем другие. Главной причиной, конечно, был цвет кожи. Боль от множества детских унижений на расовой почве трансформировалась в настойчивое желание стать лучше, умнее и красивее (да, именно так!) злых белых, которые не пускали её в детстве в цирк и библиотеку, а потом гнали из мотелей и подавали в ресторанах под видом еды всякую дрянь. Тогда она ненавидела этих людей, и не была уверена, что сейчас полностью преодолела это. Слово «белый» оставалось для неё не то чтобы ругательством, а знаком чего-то неприятного, бледного, покрытого красными бугорками прыщей, испускающего кисловатый душок. Она ощущала себя выше их, особенно с тех пор, как окончила университет и доказала всем, а, главное, себе… Что доказала, точно сформулировать было трудно, но с тех пор её ненависть стала чуть притуплённой. Впрочем, во время пары фотосессий для порножурнала, в которых она участвовала, скорее, от юношеского максимализма, она наотрез отказалась сниматься с белым партнером. И её немногочисленные любовники всегда были из братьев. До Сахиба.

Когда этот белый мальчик, который, как она очень скоро поняла, вовсе не дитя, а некое непонятное существо, вдруг стал подавать ей традиционные сексуальные сигналы, первое, что она почувствовала – испуг. Решила, что он добивается её в какими-то тёмных целях. Позже, когда уверилась, что это обычная мужская похоть, почувствовала жгучее любопытство, и – тоже жгучую и тоже похоть. Тело Сахиба, его

голос, руки, а, главное, странные светлые глаза возбуждали, как ничто и никогда.

Но и спустя несколько лет близости она не понимала того, чьё тело лежит рядом с ней. Когда он бывал насмешлив или разозлен чем-нибудь незначительным, казался ей ребенком, неумело играющим во взрослого. Но когда видела его в работе или в настоящем гневе, внутри её все сжималось от ощущения неодолимой грозной силы.

Она пыталась узнать о нём хоть что-нибудь и кое-что даже узнала. Могла бы покопаться и дальше, но неосознанный страх, что он проведает об этих расследованиях, остановил.

А ещё – ещё она хотела его так же, как и раньше.

Развесёлая калифорнийская луна заглядывала в окно комнаты на втором этаже домика для преподавателей в центре кампуса. В её свете желтоватые стены под красной черепицей крыш выглядели ещё невесомее, чем днем. Впечатление лёгкости бытия усиливали вверх устремленные стволы пальм. Улочку перед домом неторопливо пересекла страдающая бессонницей белка.

Несмотря на то, что бешеное солнце палило весь день, ночью стало довольно холодно. В эту пору дома тут не отапливались. «Надо бы разжечь камин», – смутно подумала Мэм, но сама мысль заставила её передёрнуться. Она и так озябла, когда оказалась под одеялом одна: Сахиб встал и, как был обнаженный, опустился в широкое кожаное кресло. На него холод, похоже, никак не действовал, и, конечно, пылающий

камин был ему не нужен.

– Боишься, чу-увак? – губы Мэм раздвинулись, явив блудливую дырочку меж передних зубов.

– Опасаюсь, что пойдем по новому кругу, – проговорил Сахиб. Несмотря на неглиже, внутренне он был уже собран. – А время не ждёт.

Улыбка Мэм пожухла.

– Итак, – продолжал президент Клаба, сделав вид, что не заметил обиды любовницы, – проект «Центурион».

Приподнявшись на локте, Мэм кивнула. В ней промелькнуло ощущение нелепости ситуации: из постели отчитывается перед голым мальчишкой. Но неловкость быстро исчезла. В комнате повисло напряженное ожидание.

– Увы, не могу порадовать вас, сэ-эр. Я так и не представляю, каким образом завладеть артефактом, называемым Копьё центуриона Лонгина, – всё же в её ставшим сухим голосе пряталась обида.

– Я сразу понял, – кивнул Сахиб, – оттягивал момент, когда ты скажешь…

Забыв обидеться в очередной раз, она удивленно посмотрела на него: этот непостижимый человек так простодушно признавался в инфантильном нежелании слышать плохие известия… Её широко распахнутые глаза и чуть оттопыренная губа над тяжеловатым подбородком производили впечатление умилительное и слегка комичное, как у симпатичной мартышки в зоопарке. Сахиб слегка ухмыльнулся и про-

должил, будто вслух договаривал начатое мысленно:

– Тебе не по душе это задание, Дульси.

– Я бы сказала, оно мне непонятно… – проговорила Мэм, – до сих пор не могу представить, зачем тебе эта железка.

– А зачем она была нужна другим?.. Ты знаешь, Гитлер умер через час после того, как Копьё нашли твои янки…

– Да, это написано у Паттона. Совпадение, я думаю… И вообще, это неважно.

– Правильно. Важно, где оно находится сейчас.

– Это я узнала. Хотя сначала была уверена, что проблемы нет – оно в Венском дворце с тех пор, как мы возвратили его Австрии…

– Но потом выяснила то, что я и так давно знаю: ваш бравый генерал подсунул австрийцам подделку?..

– Не совсем подделку, это тоже старинное копье, которое только немножко подработали – люди Паттона раскопали его в другом музее, кажется, во Франции.

– В Бельгии.

– Да, в Бельгии. Не представляю, как он на это решился.

– Очевидно, настояли братья.

– Да, Орден Саркофага. Тогда в него входил и президент.

– Нынешний тоже входит.

Мэм кивнула:

– Самая тайная организация в моей стране. Я сначала думала, что это масоны…

– К масонам она имеет только то отношение, что высшие иерархи почти всех ваших лож входят в Саркофаг… – пожал плечами Сахиб.

Пошарив в беспорядочно сваленной на полу одежде, извлек свою вечную игрушку. Похоже, в этом деле он был настоящим мастером – умудрялся вертеть йо-йо даже развалясь в кресле. Диски резво летали, а он глядел в лицо Мэм, ожидая продолжение отчета. Она опять зябко поежилась.

– Я узнала это совсем недавно, пришлось задействовать связи в Белом доме, и то просто повезло, нашёлся один человек, который в курсе той истории.

Сахиб кивнул одновременно с замысловатым движением кисти.

– Паттону приказали подменить Копьё и передать его совету ордена, что он и сделал. После чего ему устроили автокатастрофу. Копьё использовалось в нескольких ритуалах, а после войны распоряжением секретаря казначейства отправлено в…

– …Форт Нокс, – закончил Сахиб, ловко поймав йо-йо в раскрытую ладонь.

– Ты знал?.. – вскинулась Мэм.

Ладонь выпустила диск и он запрыгал вновь.

– Дульси, за кого ты меня принимаешь? Я это знал, когда ты ещё мастурбировала своей любимой плюшевой обезьянкой… Неужели ты думаешь, что Клаб не следит за перемещением артефактов?

– Тогда зачем же, чёрт тебя дери, ты заставлял меня вынюхивать всё это?!

Сахиб лениво улыбнулся ей сквозь почти сплошной барьер бешено вращающегося йо-йо.

– Затем, например, чтобы щёлкнуть тебя по твоему негритянскому носику…

– Ах ты!..

Со своей бесшабашной юности госпожа профессор не употребляла столь смачных выражений, самым незатейливым из которых было: «Полжопы грёбаной дохлой летучей крысы!» Сахиб даже вновь пригасил вращение игрушки, слушая с нескрываемым восторгом.

– Ну, ты даёшь, сестрёнка, – рассмеялся он весело.

Она выдохлась, только бешено вращала глазами и возмущенно раскрывала рот, как извлеченная на воздух рыба.

– Послушай меня, – Сахиб стал строг, но в глазах мельтешили лукавые искорки, – я ничего не делаю просто так, ты знаешь. Конечно, мне забавно было сейчас тебя слушать, и только ради этого стоило отколоть такую шутку. Но дело есть дело. Ты что думаешь, я ввёл тебя в Клаб из-за твоей шоколадной жопы?..

Он глянул на неё так прямо и дерзко, что она чуть не задохнулась от желания. Но тут же перенёс взгляд на вновь завертевшееся йо-йо.

– Дульси, Дульси, я мог бы добраться до твоего сладкого афедрона многими путями, ты же понимаешь… Но нет,

мне нужна ещё и твоя уумная голова – чтобы добыть Копьё. Вот так. А разузнать всё про него я тебя заставил, во-первых, чтобы перепроверить информацию, а во-вторых, чтобы ты вошла в тему и перестала кривиться от этих «детских игрушек», как ты как-то сказала мсье Жану. Хотя, между нами, не имела права говорить с ним о своём задании…

Почувствовав её удивление, ухмыльнулся.

– Ну конечно, я знаю. Как и то, что этот авраамический сатир пытался затащить тебя в постель.

– Тогда ты знаешь и чем это закончилось… – смогла, несмотря на сжавшее горло возмущение, произнести она.

– О да, он очень много пудры извел, чтобы скрыть синяк под глазом, а его нос стал ещё больше и цвета слива. Но, между прочим, этим он не полностью искупил свой проступок… Так вот, Дульси. Тебе предстоит стать членом Ордена Саркофага. Молчи, я знаю, как это трудно. Но у нас есть ещё, по крайней мере, два года, а может, и три. Успеешь. Это хорошо, что ты познакомилась с бывшей любовницей секретаря казначейства, она выведет на нужных людей. Подружись с ней, ты это умеешь.

Она попыталась возразить, но он вновь оборвал ее:

– Твой пол и цвет кожи уже не помеха: недавно они изменили правила для неофитов. Тебя возьмут, ты считаешься серьезной фигурой в местных политических играх.

Диск очертил почти правильный круг.

– А почему вы не используете для этого дела Ковбоя? Сэ-

эр.

Она лихорадочно пыталась анализировать массу полученной информации.

– Ненадежен. Самоуверен. Груб. Туповат, – словно четыре пули вылетели в ничего не подозревающего Ковбоя. – Возможно, вводя его в наше общество, я совершил ошибку. Которую следует исправить…

Йо-йо проделало особенно замысловатый прыжок.

– Саркофаг, – продолжал Сахиб задумчиво, – в общем-то, теневое правительство США, вернее, наиболее могущественное из них. Тебе бы стоило это знать. Ты – член правления Клаба, Дульси, ты обязана знать всё.

Мутная волна гнева, которую она изо всех сил сдерживала последние минуты, вновь поднялась в ней, как рвотные массы из желудка.

– Я знаю больше, чем ты думаешь! – как кошка зашипела она, рывком садясь на кровати. Одеяло сползло, открывая маленькие груди, но она не заметила этого. Лицо было искажено самой настоящей ненавистью. Ей уже было всё равно, что он сейчас услышит.

– Рассказать про твои компании, активы в оффшорах, недвижимость по всему миру? Как ты, вернее, твои управляющие, уходят от налогов во всех странах? Я знаю, знаю… Ты через подставных лиц держишь контрольные пакеты ключевых предприятий. Сотни брокерских фирм на всех главных биржах работают на тебя. Думаю, если захочешь, ты легко

обрушишь за пару дней Уолл-стрит! Ты точно способен в два счёта оставить без штанов любого воротилу!.. Да что там, ты ведь давно уже способен взять за глотку всех этих вечных еврейских кормильцев Клаба, считающих себя его хозяевами – всяких Ротшильдов, Рокфеллеров, Гугенхаймов, и они даже не поймут, откуда им прилетело…Ты…Ты чудовище!..

Она слишком поздно поняла, что зашла непозволительно далеко. Её горячечная речь оборвалась, словно под ударом гильотины. С ужасом глядела на его окаменевшее лицо. Глаза…

Они уже были не глазами, а окнами в какой-то безумный мир. Мертвенное сияние исходило из них. Она погрузилась в него и не находила дна. Мэм уже не была профессором и важной дамой, даже девочкой Дульси уже не была. Никем не была. Небытие растворило её, она не понимала, где верх и низ, не знала даже того, что не понимает этого. У неё не осталось мыслей, а из ощущений – лишь чистый архаичный ужас. Там не было ни-че-го, и она поняла, что сейчас перестанет БЫТЬ совсем. Это так испугало её, что острая радость возвращения в мир пронзила в момент, когда горло её сдавила яростная петля.

Шнур йо-йо несколько раз обернулся вокруг её шеи, Сахиб держал другой его конец и сильно тянул на себя. Его лицо по-прежнему напоминало морду каменного идола, которому паства недодала свежей человечины.

– Дульси, Ду-ульси – с грустным укором покачал он голо-

вой.

Мэм изо всех сил пыталась ослабить петлю, но уже начинала сереть и похрипывать.

– Ну что ты такое делаешь? – продолжал он тихо и весско. – Так ведь не играют, сама знаешь. Нельзя себя раскрывать никому. Понимаешь? Ни-ко-му. Мне тоже. Я и так всё узнаю. А ты… Знаешь, кто я, говоришь? Глупенькая, ты ведь десятой части про меня не раскопала, а уже всё выложила. Я ж за такое и задушить могу. Во избежание дальнейших недоразумений…

Его спокойный тон пугающе контрастировал с напрягшимися скулами и сполохами ярости, метавшимися в недрах глаз. Но не только ярости… Его взгляд откровенно потреблял тело Мэм, с которого окончательно сползло одеяло. Вставшие от напряжения груди, подтянувшийся живот в дорожках холодного пота, непокорная курчавая поросль меж расставленных ноги и, главное, гниловато-пряные запахи страха и вступающей в права смерти привлекали его, как свежая кровь акулу. Мэм упала с кровати на четвереньки. При виде её воздетых ягодиц он слегка оскалился и сильно потянул за шнурок. Она бросилась к нему, как собачка, которую поманил хозяин. Сахиб чуть ослабил хватку петли. Мэм подняла голову и с изумлением увидела, как сильно он возбужден. Она умирала взаправду, но тоже почувствовала прилив похоти и уже сама порывисто потянулась к нему… Через несколько минут он захрипел, грубо рванул её за пле-

чи и бросил на ковер.

Такого она ещё не испытывала, ни с ним, ни с кем-либо ещё, и знала, что никогда больше не испытает. Будто невероятной силы цунами начисто смыло её мозг. Она шипела и рычала, кричала непонятные слова. Это был уже не сексуальный, а какой-то магический экстаз, как в детстве, когда харизмат-отец брал её на богослужения. Странные слова выходили из её раззявленного рта вперемешку с порциями пены.

Сахиб поднялся и смотрел на её непристойные конвульсии. Неопределенно усмехался, а иногда кивал, словно понимал что-то.

– Бо-о-о-о-о! – выплеснулся заключительный вой. – Бо-бо-о-о!..

– Ну, ну, Дульси, вернись. Всё уже прошло, – он наклонился и слегка похлопал её по щеке. – Дурочка маленькая, зашлась… Бо-о-о-о, надо же… Какой там бо-о-о…

Она словно возвращалась из-за гроба. Лицо было ровного серого цвета. На подбородке засыхали клочья пены. Закатившиеся глаза медленно воседали в орбитах. Осознав себя, она беззвучно разрыдалась. Сахиб встал на колени, обхватил её за плечи и принялся тихонько баюкать.

– Кимбел, – человеческие слова давались ей с трудом, из горла всё ещё шли хрипы, – никогда не смотри на меня так, никогда, пожалуйста…

– Дурочка, – повторил он почти ласково, – я и не смотрел

толком, так, глянул…

– Ки-имбел, – хныкнула она, – что это было?

– Пустота, Дульси. Великая пустота. Ты просто услышала, как она скрежещет зубами…

3

Эх, спасибо заводскому другу –
Научил, как ходят, как сдают…
Выяснилось позже – я с испугу
Разыграл классический дебют!
Владимир Высоцкий «Игра»

СССР, поселок Ржанка Энской области, 1 мая 1982

– Не грусти, а то дураком станешь!

Руслан нехотя поднял голову. От розовощекой монголоидной медсестры исходила струя животного здоровья, в столь скорбном месте просто неприличного. Но она плевала на это, как и на сборище полутрупов-полузверей в грязных пижамах, бесцельно меряющих шагами длинную сумеречную комнату с низким потолком, за которой в местном фольклоре почему-то закрепилось прозвище «греческий зал».

– Я не буду грустить, – ответил он тоном покладистого зомби.

– Ну, так вставай и ходи туда-сюда, – хихикнула жизнерадостная хакаска.

Руслан вновь опустил тяжёлый взгляд на грязную клеенку стола.

В могиле длинной
нам благодать.
Мы будем капли
со тьмы лизать.
Мокриц холодная мириада
проникнет в печень…

Монотонный бубнёж раздражал. Руслан вскинулся и злобно залепил Розе в ухо. Плюгавый, с шершавыми пятнами лишая на плешивом черепе хроник покорно встал и пересел в угол. Однако вскоре оттуда опять раздалось:

…Грядет награда
за голод вечный —
жрать вечный камень.
Нет больше песен
и нет терзаний…

– Заткнись! – сквозь зубы прошипел Руслан.

Ему было в лом вставать и обработать дурака серьёзно. Да, впрочем, и раздражение его уже ушло, как всегда, растворившись в глухой тоске, которая, казалось, была тут вместо кислорода. «Ну его, – подумал он, – дурак и дурак… Стихи вот пишет… Дурацкие… Но пишет же. А я и того не делаю».

Вся атмосфера в «Областном государственном учреждении здравоохранения „Энская областная психиатрическая больница № 2“», неофициально – «Ржанка», не располагала к свершениям. В общем-то, «Ржанка» не была «спецом», подчиненном МВД, куда по идее должны были упрятать Руслана. Принимая во внимание несовершеннолетний статус убийцы, его поместили на принудительное лечение в «обычный» дурдом.

Тем не менее, «Ржанка» не была обычным дурдомом. Руслан понял это, когда его как-то вывели под охраной двух дюжих санитаров за едой к обеду. Подходя к грязной кухне во дворе, он обратил внимание на сарай, откуда исходили мучительный визг фуговального станка и бодрый дух свежераспиленной сосны, почти перебивавший кухонный смрад. Двери сарая были приоткрыты. Заглянув туда, юноша с прохладным ощущением под ложечкой разглядел за клубящейся в свете тусклых ламп опилочной взвесью целый штабель новеньких гробов.

– Для вас, дураков, ящики, – хохотнул один из санитаров, ражий очкастый Борис.

– Блядь, я бы на них дерева не тратил, выкопал бы яму и всех зарыл. Живьем, – мрачно отозвался второй, сутулый и невысокий, отличающийся инфернальной злобой, за что имел среди больных красноречивое погоняло Гестапо.

– Ага, точно, – поддакнул Борис. – Нелюди же…

Руслан очень скоро понял, что гробовая мастерская рабо-

тала тут не зря.

В больницу на окраине маленького поселка у огромной реки везли тех, кого нецелесообразно было держать в более цивильном стационаре Энска. Например, потому, что слишком много знали. Впрочем, таких опасались не очень: кто же «дуракам» поверит! Пусть они кому угодно поведают о пытках сульфо или электрошоком, или как особо непонятливым и упертым «санируют полость рта», терзая здоровый зуб до тех пор, пока сверло не врежется в пульпу. Или удаляют нерв без всякой анестезии. Или просто приказывают санитарам или «блатным» поучить паршивца. Те такие вещи делали охотно, а если паршивец при этом ненароком кидал ласты, то – невелика потеря. В истории болезни затюканный врач начертает: «Смерть от травм, полученных при падении с койки», а завхоз спишет ещё один гроб. Поговаривали, что подобное проделывали тут и по заказу любящих родственников или устному распоряжению какой-нибудь властной шишки.

Роза где-то опять завёл свою шарманку. «Сейчас люлей схлопочет», – меланхолически подумал Руслан, бесцельно вперив взор в расписанную аляповатой фреской стену: Лель и Купава на лоне природы. Щёки мифических персонажей были столь румяны, а глаза такие бешеные, словно они основательно перебрали циклодола. Что не удивительно: творение принадлежало кисти здешнего постояльца.

Прогноз Руслана сбылся почти сразу: Серый затащил ду-

рака в туалет, откуда раздались смачные звуки ударов и тонкий вой, быстро оборвавшийся глухим стуком.

– Он что его, башкой о пол приложил что ли?.. – равнодушно вопросил пространство Джигит.

Никаким джигитом он не был – наркоман полугрузин, отхвативший жене мясным тесаком хороший кусок скальпа. Поскольку дама оправилась, Джигит сидел на обычной «принудке».

Руслан пожал плечами. Роза был чем-то вроде достопримечательности отделения, санитары относились к нему сносно, и если зверюга Серый его завалит, по головке того не погладят. Хоть и «блатной».

Ну да, «блатным» хорошо, и не всякий принудчик удостаивается этого почётного титула. Руслан, например, не «блатной». Да и Джигит тоже, хоть и пользуется у них определенным уважением. А Серый, сидевший сначала на малолетке, потом во взрослой зоне за убийство отчима – тот да. Руслан поежился, вспомнив двухметровую фигуру и широкое безжизненное лицо ещё совсем молодого парня. Он был очень жесток и тоже писал стихи. Но гораздо хуже, чем Роза.

«Да нет, не жив», – облегчённо одумал Руслан, увидев, как Роза, в синяках, со свежей ссадиной на голове с трудом выползает из сортира, пачкая пол кровью и фекалиями. В туалете вечно высился зловонный монблан, к которому прикладывали анусы почти все обитатели отделения. Изредка санитары ловили дежурного «дурака» и заставляли навести

порядок, но уже через пару часов гнусная гора возвышалась вновь. Очевидно, это была подсознательная форма протеста.

– Ночью Серый Розочку трахнет, – Руслан не предполагал, а констатировал.

К педерастии у персонала отношение было двойственное. С одной стороны, за мужеложство положены были вязки и доза если не сульфо, то аминазина. С другой – уследить за многочисленными гомосексуальными актами в огромном отделении обычной ночной бригаде – врачу, медсестре и санитару, было никак невозможно. Конечно, если парочку застукают под одеялом в недвусмысленной позе, кто-то ляжет на вязки. Обычно, активный кавалер – в пассиве были в основном хроники, давно ушедшие в мир, откуда их уже не вытащить никакими наказаниями.

Такие, как Розочка, выпускник филфака Энского университета, к двадцати пяти годам опубликовавший сборник стихов и поэтическую подборку на полосу в «Юности». Когда в его голове заговорили «голоса», он яростно готовился к экзаменам в литинститут – за свой талант не опасался, но боялся, что зарубят из-за пятого пункта. Однако «голоса» посоветовали ему повременить, потому что главные его стихи ещё не созданы. И принялись диктовать ему, а он с восторгом записывал. Назаписывав целую тетрадь, понёс в местное издательство, уже выпустившее сборник его текстов про БАМ и комсомольский энтузиазм. Там посмотрели, участливо улыбаясь, сказали, что подумают, и с видимым облегчением вы-

проводили. Вечером за поэтом приехала психбригада.

Топот множества ног,
зелень мутных часов.
Мерить тапками пол —
это наш глупый рок…

Избитый Роза забился в щель между столом и дверью палаты, обхватив голову, мерно раскачивался. Он ничего не мог поделать: он был всего лишь рупором, эоловой арфой, звучавшей от дуновения ккой-то безумной музы.

…Смрадно-странные странники в доме чужом,
где про всех говорят и о каждом: «Не он»…

Похоже, он всегда был гомосексуалистом, ещё когда таблетки и капельницы не сделали его безнадежным «дураком». Просто ему сейчас стало всё равно: не таясь, ложился с грязными больными на скрипящие койки, поворачивался к ним спиной, а после вставал, почесывая анус. Санитары давно махнули на него рукой.

А Серый был молодой и гиперсексуальный, его не смущал лысина с розовыми лишаями, иногда изуродованная ещё и болячками от окурков, которые тушили о голый череп «дурака» «здоровые» больные. Не смущали его слюнявый рот, сопливый нос и тошнотворный запах.

Но Розочка не любил его – Серый делал больно. Роза лю-

бил Чику, приятного мальчика с эхолалией. Если его не раздражать и не пугать, он не станет часами громко повторять какое-нибудь услышанное слово, а просто будет гладить тело и тыкаться в спину мягким влажным ртом. Даже санитары смотрели на эту парочку с какой-то брезгливой нежностью, не препятствовали, и даже отгоняли от Розы левых ухажеров. Но Чика куда-то делся (был закопан на местном кладбище под деревянным столбиком с номером спустя четверо суток, как добрался в сестринской до шкафчика с лекарствами и сожрал сорок пять ампул барбамила вместе со стеклом). Бедный Розочка остался на растерзание отделению.

А голоса всё мучили, всё диктовали, и Роза, забывший, как писать буквы, вынужден был проговаривать тексты, чтобы они не распались в небытие. Такова теперь была его работа.

– Не грусти, Розочка, – тихо сказал ему Руслан, проходя в палату – близился отбой.

С продавленной койки юноша рассеянно наблюдал, как молится Лысый: молчаливый дед с военной выправкой, появившийся совсем недавно. Как и положено, утром и вечером он шагал по «греческому залу», днем усидчиво клеил конверты на трудотерапии (от чего Руслан все время отлынивал), размеренно хлебал за завтраком жидкую овсянку с кусочком масла, в обед – жидкий же супчик, и снова овсянку, но уже без масла, – за ужином. А перед сном вставал на колени и подолгу молился, размашисто крестясь. И – о чудо

– ни санитары, ни «блатные» ему в этом не препятствовали.

Налюбовавшись истовыми поклонами, Руслан повернулся к лежащему на соседней койке Джигиту и спросил:

– У тебя цикла есть?

Цикла была и Джигит выделил от щедрот аж четыре колеса. В эту ходку в дурдом ему повезло: врачи обнаружили у него ярко выраженную циклодольную зависимость, потому и пользовали уменьшающимися дозами этого снадобья, вперемешку с препаратами, подавляющими эйфорию. Возможно, это эффективный способ лечения, но доктора плохо знали здешние нравы. Ушлые пациенты прятали под язык всю два раза в день выдаваемую горсть таблеток, делая вид, что глотают. Потом в палате колёса выплевывались и сортировались: «плохие» выбрасывались, а «хорошие» потреблялись. В последние дни Джигиту давали по восемь таблеток циклы, и он очень горевал, что скоро доза ещё уменьшится.

Руслан не очень увлекался таблетками, но сейчас ему необходимо было чем-то одурманиться – чувствовал: вот-вот накатят мысли об отце. Все эти полгода, сперва в следственном изоляторе, а потом здесь, яростно боролся с памятью о крови, о топорике, об укоризненном глазе… Иной раз это удавалась, но чаще – нет. Так что теперь он охотно проглотил всухую три таблетки, оставив одну на поддержание эйфории, чтобы она как можно позже выродилась в отвратительную нутряную дрожь и тревогу. Он даже подержал их чуть во рту, чтобы ощутить сладковатый привкус. Ещё очень

хотелось есть – кормили тут мало и плохо. А цикла подавляла аппетит. Правда, полночи не удастся уснуть, но это и без таблеток обычное дело.

– Дай циклодола, – проскрипело рядом.

Он не заметил, как к койке подошел Розочка – его воняющее застарелой мочой ложе было в палате хроников, недалеко отсюда. Хотя, фактически, всё отделение представляло собой одно огромное помещение, разделенное неполными перегородками на отсеки, приличия ради именуемые палатами.

Розочка, опустив крючковатый нос с каплей к дощатому полу, не говорил больше ни слова, переминался с ноги на ногу – его мучительно сковывали нейролептики. Руслан слегка удивился, что Роза, оказывается, способен был разговаривать не только стихами. Сам не зная почему, протянул хронику последнее колесо. Тот жадно схватил его, сунул в рот и, не благодаря, поплелся к своей койке.

Малютка-циклодол в меня забрел
и тихой радостью наполнил мне ладони.
Тот день был гол, он источал нелепость
на беззащитные глаза мои.
Я был, как штурмом раненая крепость,
тишайше ползали по миру тараканы,
во тьме трубили злобные фанфары,
зовущие на пир, где жрут мозги…

Роза раскумарился.

Старые половицы заскрипели под тяжелыми шагами. В полутьме, разбавленной негасимым электричеством надзорной палаты, прошёл Серый, большой и сутулый. Потянуло тухлым духом очень грязного тела. Он шёл трахать Розу.

Руслан не мог спать, его уже потряхивал отходняк, и было стрёмно слушать возню, прерывистое дыхание и жалобное бормотание Розы.

Тем более, что-то у них пошло не так. Серый вдруг коротко взвыл и почти пробежал в свою палату, именуемую «Блатной». Она была чуть чище, чем остальные, там стояли новые койки, а тумбочки находились в полной безопасности от здешних воришек.

Руслан приподнялся, вслушиваясь, что происходит у «блатных».

– …блядьнахсукавротминтайнахблядьвпиз… – доносилась приглушенная мантра Серого.

Но тут он взвыл уже почти во весь голос – видимо, ему было очень больно:

– Убью! Укусил, падла! Я почти приплыл уже, а он… ёёёпнахсукабля!..

Раздались голоса друзей отвергнутого кавалера, возмущенных неслыханной дерзостью «дурака». Конспиративный базар кипешевал довольно долго, пока не раздался неприятный голос здешнего авторитета Зубана (в зоне, впрочем, этот баклан, чалившийся по какому-то кирному шухеру, не имел

ни малейшего веса):

– Мочить петуха будем. Прям щас.

«Блатные» озадаченно замолкли. Одно дело было, развернув пальцы веером, щемить хроников, а другое – решиться на реальную мокруху. Маленького тюремного опыта Руслана, пару месяцев отсидевшего в следственном изоляторе, хватало, чтобы понять: «блатные» эти блатными не были, так, вчерашние малолетки, всякие сявки, да ещё солдаты Советской армии, «закосившие по дурке». Но им очень хотелось быть «правильными пацанами», про которых так сладко пел Зубан, коего они почитали не ниже, чем вором в законе.

– Сегодня Гестапо, – упорно гнул Зубан, – с ним добазаримся.

Этот козел понимал: вот-вот его симуляция будет окончательно разоблачена, и он снова отправится топтать зону, чего ему совсем не хотелось. Но раз уж это неизбежно, собирался появиться там в авторитете, приобретённом с помощью убийства. Расчет был дурацким, но Зубан и был дураком – в истинном смысле слова.

«Ведь точно замочат! – лихорадочно думал Руслан, в котором уже потухли последние проблески эйфории. – Дежурят Гестапо и Хромоножка, они же совсем отмороженные! А в ординаторской – Бывалый, бухой, как всегда…»

Компания была самая одиозная. Уж лучше бы пусть очкастый Борис. Он хоть иногда и практиковал по ночам с «дураками» французскую любовь, ибо жил холостяком, но «блат-

ные» побаивались его внушительных габаритов. А ещё бы лучше – справедливый Гусар и хакаска Алена, одним визгливым голосом способная раскидать всех буйных по койкам… Но Гестапо, у которого явно ехала крыша по садизму, да ещё эта одноногая блядища, полежавшая под всеми «блатными»… И доктор по фамилии Бывалый, которого в его дежурство никогда не видели в отделении, поскольку он имел обычай тихо накачиваться спиртом в ординаторской и почивать до утра.

Зубан уже вышел в коридор, где дежурная бригада чифирём отмечала праздник весны и труда.

Руслан понятия не имел, что делать. Бежать в ординаторскую было бесполезно – туда просто закрыты двери. О помощи со стороны дежурной бригады даже не думал. Тем более что в этот момент Гестапо вместе с Зубаном проследовал в «Блатную», откуда вновь донеслись возбуждённые голоса, и вскоре кучка шпанцов, матами подстегивающих свою решимость направилась к койке Розы, тихо родолжавшему свою вечную литанию:

…Но вот сюда явился циклодол,
и молью разлетелась эта нечисть,
а он, веселье разбросав по венам,
устроился на троне золотом.
Лукава его ласка и опасна.
Исчезнет он – настанет тряска.
Из ваксы боли и болотной ряски

придет тиран в крестообразной маске…

– Пшёл, сука! – проревел Серый и потащил захныкавшего Розочку в курилку – узкую комнату без окон, часто служившую пыточной. За ними поспешили остальные. Процессию замыкал мерзко ухмыляющийся Гестапо. Припадая на протез, из коридора вылезла крашеная блондинка Хромоножка, проковыляла до порога и стала жадно смотреть представление.

Все пациенты вроде бы почивали, хотя это крайне не типично для психушки, по которой ночами всегда слоняются два-три изнуренных бессонницей типа, а ещё десяток развлекается на скрипучих койках онанизмом. По всей видимости, сейчас все упорно делали вид, что спят. Вроде Джигита, который, когда Руслан попытался растолкать его, захрапел ещё сильнее. С Гестапо и «Блатной» связываться никто не хотел.

Жалобные крики Розочки и звуки ударов убивали Руслана. Он втиснул голову в подушку, но и там они достали его. Резко сел на койке, с отчаянием вглядываясь в полутьму. Розочка был просто докучливый «дурак», один из многих. Руслан и сам частенько поддавал ему, когда тот слишком борзел. Кидаться на всю «Блатную», да ещё и санитара, было не просто безумием, а самоубийством. Но с возрастающим отчаянием Руслан понял, что именно это сейчас его долг.

Встал, натянул пижамные штаны и нехотя сделал шаг к

курилке, откуда всё ещё раздавался Розочкин плач – неопытные палачи возились слишком долго. Оглянувшись, увидел, что кое-кто всё-таки не спит: давешний лысый дед сидел на койке, глядя на него в упор. Руслана этот взгляд странным образом подбодрил, даже вселил в него какое-то куражливое веселье. Отвернувшись, юноша быстро преодолел расстояние до курилки и ворвался туда, плечом отпихнув Хромоножку.

Разгоряченные пытатели не сразу увидели его – сгрудились в конце длинной комнаты над распростёртым телом, больше мешая друг другу. У Розы вся пижама была изорвана, он лежал почти голый, кровь текла из разбитой головы, но всё ещё трепыхался. В момент, когда влетел Руслан, Серый наступил на морщинистую тонкую шею и навалился всей тяжестью. Зубан придавил бьющиеся ноги. Гестапо стоял поодаль, подбадривая убийц короткими злыми матюгами. Он и заметил Руслана первым.

– У койку, махом! – успел крикнуть он, пока невменяемый от увиденного Руслан не добрался до него, простым захватом шмякнув о замызганный кафель стены.

Хромоножка зашлась дурным визгом.

В шее Розочки хрустнуло, он забился в судорогах. Серый снял ногу и со всей силы врезал ею подскочившему Руслану в живот. С пола угодил в пах быстро оклемавшийся Гестапо. Остальные всё ещё ошеломленно глядели, не веря своим глазам: Руслан считался «тихим».

Невыносимая, дурманящая боль поднималась снизу, захватывая всё тело до самой макушки. Но Руслан всё ещё дрался – походя пнул под ребра Гестапо и успел перехватить подлетающий кулак Серого. Развернувшись, как учили в секции, бросил огромного парня через спину. В этот момент подоспела Хромоножка, злобно заехавшая ему по руке палкой от швабры. Сил у тёлки было довольно, рука сразу онемела. Очнулись и остальные, поняв, что им противостоит всего лишь один какой-то козёл. Бьющие кулаки и ноги образовали кошмарную карусель. Он прижался спиной к стене, пытаясь блокировать удары, но понимал, что вот-вот упадет.

– Дайте я эту суку торцану! – раздался рёв Серого, и в переносицу Руслану устремился огромный кулак. На сей раз он не смог его перехватить. Нос хрустнул, затылок со страшной силой ударился о стену, Руслан стал медленно сползать по ней.

– Смирно, урки мокрожопые! – раздался ещё более оглушающий рёв.

Серый чудесным образом вспорхнул и отлетел, всем весом вдарив о заднюю стену. Теряющий сознание Руслан с изумлением увидел Лысого в одних трусах. Его огромное тело с буграми мышц, совсем не стариковское, лоснилось в тусклом свете единственной лампочки, огромные руки, как маховики, ходили в разные стороны, разбрасывая обалдевших «блатных».

– По конвертам, вафлы позорные! Я таких по зоне буш-

латом гонял, падлы! Опущу ниже параши! – орал дед диким голосом.

– Припухай, вор в загоне! – его кулак ловко отправил Зубана в трепещущую кучу поверженных тел.

Сползший на пол Руслан увидел прямо перед собой струйку крови, стекающую с бледного пархатого черепа и вывернутую под неестественным углом шею.

– Розочка… – отчаянно вспыхнуло в нем.

Пред тем, как окончательно соскользнуть во мрак, он услышал заплетающийся испуганный голос доктора Бывалого, подоспевшего, как позже выяснилось, с подкреплением санитаров из других отделений.

…Руслан словно бы видел драку со стороны и как-то даже сверху, словно прилепился к потолку курилки и не в состоянии был сойти вниз, да даже и пошевелиться. Искажённые красные морды, хлещущие удары, кровь на полу, вопли и маты. Видел себя самого, окровавленного, прижимающегося к стене, с трудом защищающегося и, наконец, упавшего. Вся кодла кинулась на него, неистово топча ногами, избивая ручками швабр. Его тело перестало дергаться, и он со страхом понял, что умер.

Тут его пронзил ещё более чёрный ужас: кучка убийц расступилась, а он заорал, вернее, беззвучно раззявил рот, увидев, что вместо него на заляпанных плитках распростерлась изувеченная женщина в жалких клочьях одежды.

Его мать.

Убийцы стали изменяться на глазах: их лица вытягивались, уши заострялись, из кожи пробивалась густая шерсть. Челюсти оттопыривались, из них показлись острые клыки. Руки скрючились, являя на концах пальцев изогнутые когти. Толпа воняющих козлятиной зверообразных существ накинулась на бездыханное тело Асии и принялась отрывать огромные куски мяса, тут же с ворчанием пожирая их.

Главный кошмар заключался в том, что мать всё время была в сознании, серьёзно глядя прямо на сына. В этот жуткий момент Руслан почувствовал, что имеет власть над своими руками, и стал лихорадочно искать что-нибудь тяжелое, чтобы бросить в демонов. В руке непонятным образом оказалось неприятно податливое, но с твердой структурой внутри, холодное и сыроватое, как полуразмороженный цыпленок. Он бросил взгляд и с ужасом увидел, что сжимает переломанную шею Розочки, безвольно свисавшего и касающегося ногами пола. Но и Розочка был живой, глядел на него таким же серьезным, как у матери, взглядом.

Тут Руслан разом оказался лежащим на полу, Розочка куда-то девался, а прямо на него продолжала испытующе глядеть Асия, от которой оставалась одна окровавленная голова с перепутанными волосами.

Он понял, что сейчас провалится куда-то, где не должен быть никто – в ту самую беспредельность без крыши и дна, в какой беспомощно растворялся в детстве. «Ма-а-а-а!» – заорал он, и, теряя рассудок, увидел, что почерневшие губы

Асии раздвигает снисходительная улыбка. «Всё будет хорошо, сынок, – сказала она сиплым, словно простуженным, голосом, – ты не волнуйся, всё будет хорошо!».

Впервые он не поверил матери.

– Всё будет хорошо, успокойся, – настойчиво уговаривал голос, который больше не принадлежал Асие.

Руслан застонал и открыл глаза. Увидел потрескавшуюся известь потолка. Кругом разливался яркий свет. Это была «надзорка». Его руки и ноги плотно охватывали вязки, а слева высилась уродливая капельница, лениво испускавшая ему в вену бесцветную жидкость.

Над ним склонялось лицо лысого старика.

– Ну вот, очнулся, – удовлетворенно констатировал тот.

Теперь он был полностью одет в опрятную, на все пуговицы застегнутую пижаму, из-под которой виднелся воротничок чистой сорочки. На нём не было заметно никаких следов бурных событий.

Лицо Руслана невыносимо давило и щипало – похоже, его распухший нос основательно обработали зелёнкой. В голове было совсем мутно от боли и слоновьей дозы аминазина, мир временами расплывался, но он собрал мысли и хрипло произнес в пространство:

– Розочка?..

– Увы, Вадим Залманович Симановский, именуемый здесь Розой, приказал долго жить… – печально ответил старик.

– Я опоздал… – в голосе Руслана было море раскаяния, но утешения он не получил.

– Да, ты опоздал, – кивнул Лысый.

Он ловкими пальцами освобождал Руслана от вязок и вытаскивал из вены иглу капельницы.

– Что ты делаешь, тебя же накажут, – проговорил Руслан, садясь на койке и растирая запястья. Но старик только покачал головой.

– Тебя этот прохвост Гестапо велел положить на вязки, пока я объяснялся с господином Бывалым. Хотел всё на тебя свалить, но я не дал. Сейчас санитары вяжут всю банду.

Со стороны «Блатной» доносились возня и ругань. Несмотря на глухую ночь, отделение гудело. Всюду сновали возбужденные пациенты, носились санитары из других отделений и милиционеры из внешней охраны больницы. На Руслана и деда никто не обращал внимания.

– Кто ты? – спросилРуслан, почувствовав, что мысли немного проясняются.

– Ак Дервиш, – коротко ответил дед и произнес нелепую фразу:

– Есть возможность устроить тебя на курсы арабского языка. Недорого.

Руслана словно со всей дури саданули поддых. Все сдерживаемые усилием воли воспоминания-бесы разом поднялись в нём жгучей волной ненависти. В центре этой смуты, как око бури, возник в упор глядящий на него мёртвый глаз,

он не понимал, кому тот принадлежит – отцу или матери, да это было и неважно. С яростным воплем Руслан схватил старика за шею, ощутив под пальцами тугую сеть мышц. Давил, с шипением выталкивая из себя полные гнева и жажды убийства фразы. Ак Дервиш спокойно глядел на него, не делая попыток защититься.

– Я тебя не узнал без бороды, – выплевывал в него слова Руслан, не оставляя безуспешные попытки удушения, – ты тот дед, который следил… Ты из этих… Вы меня с детства пасли… Все из-за вас, гады! Ненавижу!

Старик без всякого труда освободился от захвата, прижав руки юноши к койке.

– Я надеюсь, ты не забыл, что надо ответить?

– Ненавижу!.. Ненавижу!.. – не слушал его Руслан, пытаясь вырваться.

– Отзыв! – рявкнул Ак Дервиш так, что юноша, растеряно глядя, замер.

Его вдруг окатило, словно водой из ведра, каким-то совсем уж неуместным весельем. Расширенными глазами он глядел на того, кого только что хотел убить.

– Отзыв! – повторил дед.

– У папы хватит денег только на турецкий…

Веселье ушло туда же, откуда явилось.

– Только у меня больше нет папы…

В глазах Руслана замельтешили золотистые блики и вновь увлекли во тьму.

Архив Артели

Только для членов Совета.
Единица хранения № 0095-812

Письмо Бодуэна IV Иерусалимского Тэмуджину Синеокому.

Я, Бодуэн, получивший Иерусалимское королевство по воле Божьей, и по воле Божьей ныне его оставляющий, пишу Тебе на другой край земли, в надежде, что слова мои достигнут Тебя. О Тебе же я знаю лишь то, что Ты, как и Я – Отрок, Божий оруженосец, избранный Провидением совершить некий великий подвиг. Господь не дал Мне исполнить его, и Я ныне горько раскаиваюсь, что осмелился принять царский венец в том благословенном месте, в каком Спаситель принял терновый. Отрекись Я в тринадцать лет от короны, быть может, сумел бы с помощью Божией, преодолеть свой недуг и исполнить предназначение. Но случилось, что Я был единственным сыном своего отца и долг велел Мне воссесть на престол.

С детства Я был поражен тяжкой болезнью, как полагал, за грехи моих предков. Но посланники тайного братства, именуемого Орда (несомненно, это слово значит то же, что и орден у христиан), недавно

достигшие пределов Моего королевства, открыли Мне, что Я был злонамеренно поражён проказой некоторыми злодеями в Моём окружении, которые исполняли волю другого тайного братства, именуемого Конгрегация.

Ныне Я слеп и немощен. Не владеть конечностями – не самая лучшая подмога человеку, управляющему государством. Тем более верно это в отношении дела, о котором рассказали Мне посланцы Орды, а ещё раньше Господь наш открыл видением, в котором явился Мне сам Святой Архангел Михаил.

Моя слабость увеличивается, Я чувствую, что скоро покину сей мир, или от своей болезни, или изведённый злодейством врагов христианской веры. Моя единственная рука уже не в силах сдерживать напор недругов, рвущихся к Священному Граду. А между тем они окружают Меня и в его стенах. Недавно Мне открылось прискорбное отступничество рыцарей Ордена Храма, отрекшихся от Христа и Его спасительной жертвы и посвятивших себя служению дьяволу. Я вынужден скрывать это знание даже от самых близких людей и втайне горько плакать о своём бессилии, ибо, как Мне известно, даже при Святом Римском Престоле весьма усилились враги Христовы.

От всего этого Я пребывал в унынии, ибо вижу, что свет истинной веры, столь ярко воссиявший некогда среди народов Запада, ныне едва мерцает. Но прибытие посланцев Орды возвратило Мне надежду, что не всё потеряно и крестоносное дело будет продолжено с другого конца света.

Я знаю, брат мой, что Ты не христианин, однако веришь во единого Бога, и Благая весть дошла и до Тебя, поскольку живешь Ты вблизи царства Пресвитера Иоанна. Посланцы Орды заверили меня, что Ты можешь принять величайшую святыню нашей Церкви – Само Спасительное древо Креста Господа нашего Иисуса Христа, коего Я как король Иерусалимский, выступаю охранителем. Как только это станет возможно, оно отправится к Тебе, ибо, как заверили Меня посланцы, вооружившись им, Ты победоносно пройдешь по всему миру и уничтожишь окончательно нечестивый закон Магомета, навечно утвердив Иерусалим за христианами. Более Мне надеяться не на что, ибо чувствую, что после скорой Моей смерти Святой Град падет перед неверными.

Посему Я поручил некоему верному рыцарю после того, как оставлю сию юдоль, передать Святой Крест посланцам Орды с тем, чтобы они доставили его Тебе. Следует сказать, что рыцарь этот, хоть и почитается братом нечестивого Ордена Храма, однако на деле давно оставил его сатанинские дела и остаётся предан лишь Богу и Мне. Он поклялся Именем Господа выполнить Мою волю, и что ни он, ни его потомки не выдадут сию тайну, даже если к ним применят самую жестокую пытку.

Пока же Я до последней своей минуты в этом мире буду оберегать Святое Древо, ибо именно Мне Господь доверил хранить Его.

Да будешь благословен Ты Богом, Отрок Тэмуджин

Синеокий, и да пребудет с Тобой Пресвятая Дева и всё воинство Божие во главе со Святым Архангелом Михаилом.

Проси Пресвитера Иоанна и всё священство его молиться, дабы не оставил Господь Своим попечением и не вверг за грехи в кромешную пустоту, которая есть прибежище и царство дьявола, Меня, несчастного

Бодуэна IV, Божией милостью шестого короля латинян в Святом граде Иерусалиме.

Писано со слов Владыки моего короля рыцарем Филиппом де Патте в Иерусалиме 1 марта 1185 года от Рождества Господа нашего.

Великобритания, Лондон, 8 декабря 1981

Рэчел была вовсе не Рэчел. Но не могла же она представляться клиентам настоящим именем – Цовинар. Они бы всё равно звали яркую южную девушку, как им удобно: Энни, Кейт, а то и Мэри. Да и сама она давно уже не думала о себе, как о Цовинар.

Но и будучи Рэчел, не любила англичан. Конечно не так, как турок – к тем испытывала не рассуждающую ледяную ненависть, проникшую в неё с рассказами бабки, в двенадцать лет бежавшей из пылающей Смирны. Всю свою семью – отца, мать, пятерых братьев и сестёр, Шушан оставила среди окровавленных тел, заваливших просторную набережную. Она тоже должна была там остаться – много раз изнасилованная аскерами, и, в конце концов, пропоротая штыком. Её и бросили, как мертвую. Но ночью девочка ожила, выбралась из-под придавившего её трупа матери, тихо вошла в воду и поплыла к стоящим на рейде кораблям европейских держав. Почти утонув, схватилась за борт английского эсминца. Сверху на неё плеснули кипятком и велели уплывать. Через несколько минут её подобрала шлюпка с французского корабля, потому что интеллигентный отец Шушан заставил детей выучить несколько французских фраз и одну из них она, надоумленная свыше, из последних сил выкрик-

нула, уже погружаясь в тяжёлые тёмные воды.

Тогда Шушан не могла и думать, что её внук, полуфранцуз, женатый на армянке, через много лет оставит ласковое покровительство марсельского солнца и отправится с семьей искать успеха в мглистом Лондоне, который скоро расправится с ним посредством стремительного туберкулеза.

Рэчел не любила англичан и Англию, но жить ей приходилось здесь. И жила она в последнее время очень даже неплохо, притом, что пимп забирал львиную долю её недельного заработка. Но ведь и большая часть риска доставалась ему, поскольку по здешним законам сама Рэчел за свой промысел уголовной ответственности не несла. Так что, можно считать, устроилась неплохо: хватало и на хорошую еду, и на небольшую, но уютную квартирку в третьей зоне, и на рабочую комнату в Ист-Энде. Ещё хватало на косметику, тряпки и на походы с братишкой-тинейджером в кино по субботам. Что же касается морали, Рэчел она волновала мало: недоучившаяся студентка колледжа маялась множеством радикальных идей, среди которых свободная любовь была не последней.

Она фланировала по узким улочкам района, ставшего в последние годы престижным, но до сих пор не забывшем мрачной славы городской клоаки. Но Рэчел едва ли связывала жуткие давние истории со своими охотничьими угодьями. Старинные дома были красивы, мостовая ровна, а из украшенных цветами дверей пабов то и дело выходили под-

выпившие мужчины, отлично понимавшие, что девица ждёт именно их. Говорить им почти ничего не нужно было – просто тихо назвать цену и вести в свою комнату, все дела с хозяйкой которой пимп уладил к обоюдному согласию. Романтические времена «героинь подворотен» давно миновали, хотя некоторые клиенты предпочитали пригласить даму в машину.

Этот тоже. Неброский, но явно дорогой автомобиль и добродушное выражение на забавно неправильном лице джентльмена её вполне устраивали. Да и надоело стоять на резком зимнем ветре, а салон авто манил теплом и податливостью кожаных сидений.

– Сколько же стоит цветочек бедной девушки? – благожелательно спросил джентльмен. На литературную аллюзию Рэчел не повелась, попросту её не заметив. Однако ей всё больше нравилась физиономия мужчины, которую совсем не портили оттопыренные уши и острый нос, делавший его похожим на мультяшного лиса. Только глаза были печальные, как у смертельно раненого животного. «Наверное, художник», – подумала она, не сознавая, что впечатление принадлежности к богеме потенциальному клиенту придавали распущенные белокурые локоны и рыжеватая эспаньолка.

– Пятнадцать фунтов, сэр, – жеманно ответила она, сладко раздвинув толстые губы, яркие и без покрывавших их слоев помады.

– А как зовут вас, моя прелесть? – приятно улыбаясь, по-

интересовался «художник».

– Рэчел, сэр.

– Рэ-эчел, Рэ-э-эчел, – слегка блея, пропел джентльмен и тут же завладел её рукой.

– Какие милые, – восхитился, рассматривая довольно короткие пухлые пальчики, грязноватые, но с блистающими алым лаком ногтями.

Рэчел стало приятно. Она снова улыбнулась: «Симпатичный…»

Джентльмен, не отпуская её руку, полез во внутренний карман твидового пиджака.

– Нет, нет, можно после, – запротестовала, было, девушка, но тут же смолкла, когда он достал…

Этого просто не могло быть! Только не с ней, не на этой знакомой улочке ранним вечером, среди красных телефонных будок и цветов на фонарных столбах, когда полно праздного народа, и горят огни, и осторожно лавируют двухэтажные громадины автобусов, а бобби важно вышагивают в дурацких своих шлемах…

Она не верила, глядя в улыбающееся лицо симпатичного джентльмена, который неуловимым движением вколол ей в запястье иглу шприца.

Не верила, когда сознание накрыл мрак.

Не верила, когда свет забрезжил перед ней вновь.

Яркие светильники, казалось, направлены были прямо на неё. Комната напоминала то ли фотостудию, то ли опе-

рационную – из-за границы обзора выступали столы, какое-то непонятное оборудование, фотографии в рамках. Полуослеплённая Рэчел не могла разглядеть, что изображено на них. Обзор у нее вообще был невелик: лежала на спине на чем-то твёрдом и холодном, руки, ноги, грудь и голова, похоже, были надежно закреплены. Ноги широко расставлены, прямо перед ней торчали воздетые колени. С содроганием поняла, что находится на гинекологическом кресле. И, судя по всему, на ней не было ни нитки. Во рту плотно засел кляп. Было холодно и тошно. Чувствовала себя лягушкой, распятой перед исследователем.

Который не замедлил явиться.

Теперь на симпатичном джентльмене был длинный синий халат, из-под которого торчали белые бахилы, локоны скрывала синяя шапочка, кисти обтягивали чёрные резиновые перчатки. Свет поплыл в глазах Рэчел, когда она увидела его широкую улыбку и услышала слегка блеющий голос, напевающий что-то доброе детское:

– Из чего только сделаны девочки?..

Не прекращая пения, джентльмен сделал причудливый пируэт, сразу оказавшись рядом, и резко наклонился, так, что его шальные глаза оказались прямо напротив лица девушки.

…Из конфет и пирожных
И сластей всевозможных.

Вот из этого сделаны девочки!

Она непроизвольно вдохнула запах дорогих духов, хорошего табака и виски, но за всем этим почудилось нечто зловонное, словно мужчина дня три пожирал какую-то тухлятину, в результате чего обрел сильнейшее несварение.

– Из чего только сделаны барышни?..

Неожиданно он оскалился, дернулся вниз, и – она ощутила боль в левой груди. Он не сильно ухватил ее сосок зубами, и затряс головой, азартно рыча, как играющий пудель. Девушка жалобно заныла, трясясь мелкой дрожью больше от страха, чем от боли.

Джентльмен отпустил сосок, счастливо рассмеялся, и длинной рукой потрепал её по низу живота, от чего она сразу смолкла, закатив глаза в безмолвной истерике.

…Из булавок, иголок,
Из тесемок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

Напевая, он отвернулся к стоящему неподалеку столику, а когда повернулся, в руке его что-то поблескивало.

Безумный страх расслабил кишечник, но она того не заметила. Джентльмен слегка сморщил нос и укоризненно погрозил пальцем.

– Ну, ну, дорогая, ведите себя прилично.

Пританцовывая, вновь приблизился вплотную. Рэчел с

ужасом разглядела торчащее лезвие скальпеля. Заметив это, джентльмен широко улыбнулся:

– Эта штучка, моя милая, понадобится нам только сначала. Что поделаешь, тружусь без ассистентов, все приходится самому…

Он потянулся назад и придвинул столик на колесах. В глаза Рэчел ударил блеск аккуратно разложенных скальпелей, ножей, сверл, пил… В панике уверилась, что уже умерла и попала в ад, которым её пугала в детстве бабка Шушан, побывавшая в аду на земле.

Джентльмен немного помедлил, и – умело всадил лезвие в покрытый липким потом живот. Её тело напряглось, выгнулось, разом расслабилось. Сознание вновь поглотил густой мрак.

Она не знала, что боль может быть ТАКОЙ.

С трудом разлепив глаза, в плывущей мути увидела объектив фотокамеры, нацеленный между её ног.

– Скажи «сы-ыр», – глумливый голос уже не воспринимался погруженным в первобытный хаос боли и смертного ужаса сознанием.

Раздался щелчок затвора.

А вслед за ним – звук, которого здесь просто не могло быть: негромкий стук в дверь.

Джентльмен отпрянул от штатива и резко обернулся. Стук повторился. Маньяк быстро сунул руку в карман халата, вытащил её – уже вооруженную небольшим пистолетом, и бес-

шумно рванулся к двери. Но, заглянув в глазок, издал восклицание, в котором страха было, пожалуй, побольше, чем удивления. Пистолет сразу исчез, а джентльмен поспешно надавил на какую-то кнопку.

Плавно разошлись тяжёлые бронированные створки.

Рэчел не видела всего этого, да ей было всё равно, для неё отныне существовала лишь гигантская боль внизу живота. Не вслушивалась и в рокочущие голоса. Отреагировала, лишь когда перед ней показалась фигура нового человека. Боль на секунды отступила, подавленная удивлением.

На вид парень был ровесником её брата. Скуластое лицо, распахнутая кожаная куртка, по плечам которой свободно рассыпались волосы. Он глядел на нее с каким-то странным выражением – в нём была жалость и в то же время надменная скука, и ещё что-то непонятное. А может быть, дело просто было в его глазах – не мальчишеских, глубоких, выцветших до белёсого мерцания.

Рэчел отчаянно глядела на него, ожидая, что сейчас он сотворит с ней нечто ещё ужаснее того, что уже произошло. Но вместо этого юноша тихо произнес:

– Бедная девочка.

Она жалобно всхлипнула.

– Милорд, к сожалению, я вынужден отнять у вас игрушку.

Мальчик полуобернулся к стоящему поодаль пытателю, потерявшему весь кураж.

Ликующее чувство освобождения затопило Рэчел, перекрыв боль. «Спасена!» Радость переполняла её, когда мальчик, не глядя, протянул руку к столику с инструментами, и даже тогда, когда сияющее лезвие большого хирургического ножа стремительно приблизилось к ней. Она просто ничего не успела понять до того, как огненная вспышка опалила горло и мрак обрушился на неё – в последний раз.

Сахиб грациозно отстранился от густой струи, хлынувшей из горла конвульсирующей жертвы, бросил окровавленный нож обратно на столик и повернулся к бледному Милорду, глаза которого при виде убийства азартно вспыхнули.

– Не стоит радоваться, сэр Уолтер, – покачав головой, насмешливо проговорил он в лицо лорду. – Хранить этот нож в качестве компромата на меня бессмысленно. Видите ли, у меня уже давно нет отпечатков пальцев…

Он поднёс к самым глазам опешившего Милорда растопыренную кисть. На подушечках пальцев, действительно, была совершенно гладкая матовая кожа.

На Милорда было страшно смотреть: припачканное кровью лицо серело, волосы прилипли к мокрому лбу, перед халата залит кровью.

– А вот у вас они есть, – продолжал Сахиб неторопливо, почти лениво. Его ломающийся юношеский голос звучал в этой обстановке совершенно нереально. Да и вся его фигура была неуместна здесь, словно какая-то глупая девочка налепила героя комикса на репродукцию Босха.

– А ещё есть ваше семя, сэр Уолтер. На скомканном бумажном платочке. Очевидно, утихомиривая ту девицу в Сохо, вы перевозбудились… Кстати, как давно у вас появилось это маленькое хобби?

Милорд подавленно молчал.

– Скоро будет семь лет, – сам ответил Сахиб. – На самом деле, думаю, вы всё решили гораздо раньше, не зря же изучали в Кембридже хирургию, вопреки воле вашего отца.

Юноша неопределенно улыбнулся в лицо молодого аристократа. Тот с вялым удивлением отметил, что несколько зубов Сахиба явно поражено кариесом.

– Вы что же думали, – голос президента постепенно приобретал льдисто-металлические нотки, – если вы пользуетесь возможностями Клаба для обеспечения своих страстишек, мне об этом не станет сразу же известно?

Слова гвоздями вбивались в мозг милорда, но он продолжал упорно молчать, глядя в выложенный зеленоватым кафелем пол.

– Сэр Уолтер, вы были правы в одном: Клаб не интересует ваша личная жизнь во всех её аспектах… – Сахиб сделал многозначительную паузу. – Но! Лишь до тех пор, пока она не входит в противоречие с интересами Клаба. И я вас поздравляю…

Милорд встревожено поднял голову.

– Она вошла в такое противоречие.

Сахиб слегка присел на столик. Тихо звякнули хирурги-

ческие инструменты.

– Полиция кое-что раскопала, – кивнул он на невысказанный вопрос собеседника. – Она идёт по вашим следам.

Взяв блестящие изогнутые ножницы, стал рассеянно ими пощёлкивать.

– А что вы хотите, – пожал плечами после короткой паузы, за которую Милорд пытался уяснить услышанное. – Больше двухсот бесследно пропавших за семь лет проституток. Эта, – он положил узкую ладонь на белый лоб Рэчел, одновременно закрывая вытаращенные в агонии глаза, – двести четвёртая. Хорошо хоть, охотились вы не только в Лондоне…

Он ещё пощёлкал ножницами, о чем-то мимолетно задумавшись, потом продолжил отчитывать аристократа, как проштрафившегося школьника:

– Это недомыслие: думать, что если вы растворили тело при помощи оборудования, которого не может быть у простых маньяков, и слили останки в канализацию, дело завершено. Скотланд-Ярд славится упрямством и дотошностью. У них уже есть группа вашей крови, они знают… да, сэр Уолтер, знают… что, по крайней мере, трое из пропавших девиц мертвы. У них есть даже пара свидетелей, один из которых видел вас и дал внятное описание. Они очень близко подошли к вам, сэр.

При очередном щелчке ножниц неправильное лицо Милорда на мгновение отразило панику. Но тут же вновь при-

обрело невозмутимое выражение вельможи, исполняющего докучливую, но неизбежную обязанность.

Сахиб внимательно посмотрел на него.

– Милорд, – вновь заговорил он и стальные нотки в его голосе немного смягчились, – будь вы обычным скотоподобным маньяком, вы бы близко не подошли к Клабу. Однако мне известно, что ваши… э-э… увлечения не только патология, но и благородная дань традициям. Потому я счел возможным ввести вас в правление. Но, теперь, повторяю, вам придётся с этим покончить. Мы не имеем права рисковать.

Милорд упрямо вскинул голову. Его звериные глаза блеснули.

– Поскольку вы сами признали, сэр, что моя личная жизнь…

– Бросьте, – устало прервал Сахиб, швыряя ножницы обратно на столик. – Мы, разумеется, прикроем вас: уберем свидетеля, удалим улики, организуем несколько ложных следов. Но вы дей-стви-тель-но перестанете убивать шлюх. До тех пор, по крайней мере, пока не будет совершено Деяние. А дальше… дальше никто не знает, что произойдет. Возможно, вам самому не захочется продолжать свой промысел…

При слове «Деяние» Милорд слегка передёрнул плечами, что не укрылось от Сахиба, но заговорил о другом:

– Вы прикроете меня, как прикрывали моего предка…

Сейчас смех Сахиба был невесел и сух, как шуршание мышей в соломе.

– Я так и знал, что вы на это надеетесь… Ваш предок… Сэр Уолтер, вы же не знаете об этой истории почти ничего.

– Я знаю гораздо больше, чем многие её исследователи, – надменно обронил Милорд.

Сахиб вновь рассмеялся, вставая со столика:

– Вот поэтому я и сказал «почти ничего», а те не знают ничего вообще…

Он чуть помолчал, словно решая, что говорить.

– Правда в том, сэр Уолтер, что столетней давности убийства проституток в Уайтчепеле были лишь публичной частью многоходовой разработки Клаба. Они имели целью оттянуть на себя общественный интерес, дабы в газеты не попала информация о… неких иных событиях… И ваш прадед, Джек Арнольд Александр Танкред, отлично справился с этой задачей.

Милорд был уже не в силах скрывать изумление.

– Да-да, – подтвердил Сахиб, глядя на него в упор, – я знаю, что правда передаётся в вашем роду, как величайшая тайна, от отца к старшему сыну. Знаю и то, что, кроме вас, ещё двое из ваших родственников решали поддержать эту традицию, правда, успехи их были куда как скромны. Ещё бы – они ведь не были клаберами…

– Вы хотите сказать, что Джек… Что он не был безумцем?

Президент пожал плечами.

– Думаю, был. Тогдашнее правление Клаба выбрало его исполнителем не просто так – было известно, что склонность

к подобного рода эксцессам у него есть. Ведь и вам, сэр Уолтер, нравится то, что вы делаете, это увлекает вас, как любая страсть… Но ваш прадед, сделав своё дело, дальше жил тихо и смиренно, и никто его не заподозрил до самой смерти в весьма преклонном возрасте.

Милорд кивнул:

– Отец рассказывал мне про это. Еще тогда я подумал, что прадед не довёл дело до конца…

– Довёл, довёл, – с тем же неприятным смешком заверил Сахиб, – и вы тоже прикроете свою мясную лавочку. И хватит об этом.

Сахиб слегка потянулся, словно радуясь, что окончилась скучная работа и можно, наконец, приступить к игре.

– Вообще-то, я прибыл сюда не затем, чтобы улаживать всякую криминальную рутину… – широко улыбнулся он.

– Зачем же тогда, сэр? – было видно, что Милорд уже успокоился и мозг его работает с прежней эффективностью.

Они стояли в залитой светом и кровью комнате, у гинекологического кресла с раскромсанной девушкой, чьи ещё тёплые органы лежали в эмалированном лотке. Они вдыхали густой смрад бойни, но вели беседу спокойно, словно развалились в креслах библиотеки фамильного замка Милорда.

– Я прибыл ради другого вашего предка, память о котором также передается.

Лицо Милорда выразило искреннее недоумение.

– Что-то не припомню…

– Припомните, припомните… – заверил президент. – Речь об известном церемониале, который выполняет каждый мужчина вашего дома, достигнув совершеннолетия.

– О Господи! – воскликнул Милорд, энергически пожимая плечами. – Но ведь это чистейший вздор, и древность – единственное, что его оправдывает.

Сахиб покачал головой и медленно продолжил:

– Я заинтересовался им совсем недавно. Скажем… получив некую информацию. И потом – не сразу – вспомнил, что нечто подобное знаю из вашего досье. Я не настолько углублялся в вашу жизнь, чтобы помнить подробности. Слышал лишь, что речь идёт о некоем старинном стихотворении, которое молодому представителю рода следует заучить наизусть и продекламировать в присутствии старейшин?

Милорд кивнул.

– Так вот, я должен его услышать. Все это основано на чистой интуиции. И я должен проверить её, чтобы подтвердить или опровергнуть свою догадку. Прямо сейчас.

Теперь лицо Сахиба выражало азарт охотника, завидевшего, наконец, вожделенную лисицу.

Но Милорд вскинулся.

– Сэр, именно это я называю недопустимым вмешательством в личную жизнь! Тайны моего дома принадлежат моему дому!

Лицо президента Клаба неуловимо, но разительно изменилось – как-то потухло, подтянулось, осунулось, сквозь

вечный загар проступила мертвенная бледность. Он поднял взгляд на Милорда. Из глаз дохнула страшная пустота, которую Сахиб всегда носил в себе. Взгляд этот был слишком знаком Милорду.

– Нет, нет, не надо!.. – почти закричал он.

– Тайны вашего дома, как и любого другого, принадлежат Клабу. И ваша никчемная жизнь, и невеликие способности, и позорная смерть – все это принадлежит Клабу. А значит, мне.

Голос оставался по-прежнему высоким, юношеским, но звучала в нм неодолимая ледяная сила, словно вещал с иной стороны бытия, где отменялись законы, логика и чувства мира людей. Милорд с тоскливым ужасом понял, что никогда ничего не сможет противопоставить этой силе.

Покорно склонил голову.

– Ну же, сэр, я жду, – Сахиб опять был обманчиво мягок.

Милорд, казалось, мучительно вспоминает полузабытые слова.

– И повелел коронованный мученик…

Милорд запнулся.

– Позвольте дать совет, сэр, – заговорил Сахиб, – вспомните всё, и прочитайте разом. Так будет гораздо легче и вам, и мне. Я, все-таки, тоже не великий знаток старофранцузского…

Милорд утвердительно кивнул. Помолчав ещё немного, он набрал воздуха и разом произнес первую строфу:

И повелел коронованный мученик,
Не полагаясь на прихоти случая,
Посланцам усердным могучего ордена,
Которыми тысячи лье были пройдены,
Древо доставить в десницу далёкого
Князя юного синеокого…

Странные слова звучали в этой нечестивой студии, как тёмное заклинание под сводами осквернённой часовни. Яркий свет будто померк, сменившись тревожным мерцанием свечей. Неустойчивому сознанию Милорда почудился отдаленный рёв тысяч воинов и адский перезвон сражения. Неподвижная фигура Сахиба как будто выросла, её тень накрыла всё, как тень херувима на страже у врат, которые не были вратами рая.

Видение миновало, лишь мелькнув в сознании. Милорд судорожно вздохнул и продолжил слегка дрогнувшим голосом.

…Он «Сим победиши» напишет на знамени,
К небу возденет меч свой прославленный,
И двинет от края земного дальнего,
От брега морского последнего, тайного,
Крестную силу на рати неверные,
Чем возвратит Божий Град несомненно…

Здесь Милорд запнулся уже не потому, что забыл текст.

Неправильное лицо отобразило изумлённое понимание. Он пристально посмотрел на Сахиба, тот, холодно улыбаясь, кивнул.

…Оммаж и фуа принеся победителю,
Потомок обрящет удел прародителя.

Милорд взволнованно произнес последнее двустишие. Казалось, он был потрясён открывшимся смыслом того, что до сей поры считал ненужным хламом.

Обычно по лицу Сахиба сложно было установить его эмоции, но теперь было очевидно, что тот полностью удовлетворен. Да что там, оно просто сияло, как у мальчика, только что потерявшего постылую девственность.

– Да что же это?! – вскричал Милорд.

– Вот так, Уолтер, – засмеялся Сахиб, – оказывается, предок ваш имел прямое отношение к Игре и Деянию.

– Я забыл, с кого начался наш обряд, – признался Милорд.

– Очевидно, потому что Джек Потрошитель был вам куда интереснее Филиппа де Патте, – насмешливо предположил президент Клаба.

– Де Патте… Да, помню…

– Доверенный рыцарь короля Бодуэна Прокажённого. Де Патте нёс Артефакт в битве при Хоттине, убедив патриарха доверить его ему.

– И спрятал…

– Ничего подобного, что засвидетельствовала ваша декламация этих довольно скверных стихов… Да, сэр Филипп был неважным стихотворцем. Но он знал, что в рифмованных строках устная информация живёт очень долго. Вот и пришлось мучиться бедному старому воину, исторгая из себя вирши.

– Но зачем?

– Затем, что король Бодуэн был Отрок и знал это.

– Откуда?

– Надо думать, просветили наши тогдашние партнёры по Игре. «Посланцы усердные могучего ордена».

– А князь синеокий?..

Сахиб недобро усмехнулся, став похожим на ощерившегося кота, и медленно произнес:

– Род Борджигинов… Это можно перевести как «синеокие»… Среди предков Тэмуджина всегда были блондины с синими глазами, что для тех краёв нетипично.

– Да-да, конечно, Чингисхан… – задумчиво проронил Милорд.

– Именно! – подтвердил Сахиб. – Больной Бодуэн не в силах был совершить Деяние, здесь успешно поработала Конгрегация. Но предшественники Artel`и успели до него добраться и убедить отослать Артефакт другому Отроку, о котором на Западе ничего не знали. Остается только догадываться, каким образом они смогли уговорить фанатичного христианина передать Крест язычнику…

– Пресвитер Иоанн… – осенило Милорда.

– Да, – кивнул Сахиб, – не сомневаюсь, что они использовали эту легенду, которую, возможно, сами и запустили в Европу.

– Факт остается фактом: Бодуэн решил удержать Крест при себе до смерти, но поручил Филипу де Патте после неё передать Артефакт агентам противника. Что тот и сделал, и хранил эту тайну, доверив её только стихам, переданным даже не сыну – кажется, он ему не слишком доверял – а внуку. Того даже звали…

– Бодуэн, – припомнил Милорд своё генеалогическое древо.

– Да, думаю, он был назван так по настоянию деда. И Бодуэн тоже передал тайну внуку.

– Филиппу, – вновь встрял сэр Уолтер.

– А этот Филипп стал тамплиером, был арестован во время разгрома ордена и сожжен в 1310 году. Но до этого успел заставить своего единственного сына, рожденного ещё до вступления в орден…

– Да, я помню, кажется, Филипп был вдовцом…

– …И был очень привязан к жене, так, что решил дать обет целомудрия после её ранней смерти. Так вот, он заставил сына выучить стишок, дав, таким образом, начало обряду вашего дома. Но совершил ошибку, не объяснив сыну его смысла. С тех пор ваши предки относились к заучиванию этих стихов просто как к странной традиции… Все-таки, хо-

рошо у нас, в старой весёлой Англии, – невпопад заявил Сахиб, опять широко улыбнувшись.

– И вы всё время это знали? – Милорд посмотрел на шефа в упор.

– Нет, конечно, – вновь став жёстким, ответил тот. – Я узнал это сейчас, на ваших глазах, когда вы прочитали стихи. Это связало все концы. Впрочем, я и сейчас знаю далеко не всё. Думаю, Artel`и известно гораздо больше. А заинтересовался я всем этим недели три назад, во Франции. И провёл с тех пор кое-какие исторические изыскания.

Милорд молчал, растерянно осматриваясь, словно не узнавая своего жуткого пыточного зала, который всегда был предметом его особой гордости и забот.

– Но я по-прежнему не понимаю, о чём идет в речь в этих стихах… – как-то даже жалобно проговорил он.

– Это как раз несложно, – Сахиб пожал плечами. – Сэр Филипп, вслед за господином своим королем, был уверен, что, вооружившись Крестом, Отрок Тэмуджин совершит новый крестовый поход, и не только освободит Иерусалим, но и завоюет всю впавшую в нечестие Европу. Потому он подготовил для своих потомков своеобразную индульгенцию, иносказательно велев им принести вассальную присягу восточному Отроку и напомнить тому о заслугах своего предка, трудами которого Крест оказался в его руках.

– Да, да, – задумчиво произнес Милорд. – Но что же…

– Что произошло дальше, хотите вы сказать? – подхватил

Сахиб и замолк, словно все эти стародавние дела творились сейчас перед его глазами, а он с интересом наблюдал за играми призраков.

– Здесь мы вступаем в область догадок, – тихо проговорил он. – Мы знаем, что за год до битвы, в которой Артефакт пропал, Тэмуджин был захвачен в плен чжурчженями в результате операции наших китайских союзников. Они прекрасно знали, как следует обращаться с Отроком, потому не убили его, а попытались сломить.

Он усмехнулся, будто вспомнил что-то забавное.

– Попытка удалась частично: Тэмуджин провел в плену критический для Отрока возраст и озлобился. Мы не знаем, открыто ли ему было его предназначение. Однако когда он окончательно стал завоевателем Чингисханом, то перестал быть участником Игры, став просто её фигурой. Правда, очень важной. Думаю, китайский вариант Клаба весьма жалел, что не уничтожил его, когда это было возможно… Он не стал христианином, не возглавил крестовый поход, а обратил свои войска, прежде всего, на ненавистный ему Китай.

Сахиб помолчал еще.

– Вот так. А его потомки попытались, было, взять Иерусалим, но, если помните, «жёлтый крестовый поход» ильхана Хулагу захлебнулся – не без вмешательства Конгрегации, действовавшей тогда руками тамплиеров.

Сахиб отвернулся, рассеяно разглядывая висящие на стенах большие высокохудожественные фото расчленённых

женских тел. Насмотревшись, закончил рассказ:

– Конгрегация прекратила существование в XVI веке, во время войн Реформации. Тогда же пропала большая часть её архивов. Так что восстановить тогдашний ход событий невозможно. Я лишь случайно узнал, что Конгрегация искала Артефакт ещё в начале XIV века, но, очевидно, ни в Европе, ни на Ближнем Востоке его уже не было. Судя по успехам монголов, он был далеко на Востоке. Однако, скорее всего, Чингис не владел им, иначе наверняка объявил бы о том, чтобы привлечь на свою сторону христиан всего мира. Значит, Крест был скрыт. Позже, как вы знаете, он всплыл уже в Московии. Потом опять исчез, а потом была наша удачная операция с Отроком Десятым, которая, тем не менее, не привела к обладанию Артефактом. Вот и всё, что я на сегодняшний день знаю.

Юноша откинул затылок на сложенные ладони и тихо засвистел.

– Вы думаете, он ещё существует? – скептически вскинул подбородок Милорд.

– Без сомнения, – коротко ответил Сахиб и заговорил о другом:

– Я готовлю операцию, она продлится не менее двух лет. Очень важную операцию, которую проведу лично. В ходе её мне понадобится курируемая вами агентурная сеть в СССР. Сейчас я поднимусь в вашу библиотеку и подожду, пока вы приведете тут всё в порядок. Как вы это обычно делаете, –

он кивнул на вход в соседнее помещение, – ванна с серной кислотой и сливом в канализацию, подъемник для трупа, автоматический смыв крови… Потом мы сядем в вашу машину и поедем в аэропорт. По дороге обговорим детали. И вы – слышите меня? – глаза Сахиба недобро блеснули, – вы закроете этот дом и не покажетесь в нём много-много дней. Пока я не разрешу.

Лицо лорда стало непроницаемым.

– Сэр Уолтер, вы принадлежите Игре… – холодно бросил Сахиб. – Когда все умрут…

Под тяжким взглядом Милорд медленно склонил голову.

– …тогда только кончится Большая игра, – пробормотлал он.

– Вот и отлично, – весело улыбнулся Сахиб. – А за столь похвальное смирение я поищу способ компенсировать вам некоторые неудобства, связанные с невозможностью перерезать глотку какой-нибудь девице. Ведь одна человеческая глотка стоит другой, не правда ли?..

Милорд поднял голову и посмотрел на шефа с интересом.

4

Ход за мной – что делать?! Надо, Сева, —
Наугад, как ночью по тайге…
Помню – всех главнее королева:
Ходит взад-вперёд и вправо-влево, —
Ну а кони вроде – только буквой «Г».

Владимир Высоцкий «Игра»

СССР, посёлок Ржанка Энской области, 19–21 июня 1982

Ночью они сидели на вершине огромной сопки, созерцая царь-реку.

Совсем не мёрзли в своих больничных пижамах – тепло было и безветренно. И очень тихо, лишь на самой границе слуха шуршали ленивые волны. Внизу, на длинной полосе плёса, просматривался весь посёлок, с такой высоты вовсе игрушечный – кучка домов, большей частью деревянных, еле освещённых несколькими фонарями. В отдалении мощные светильники по периметру больницы выявляли кирпичные, обнесённые высоким забором с «колючкой», корпуса.

Дальше была река. Неправдоподобно величавая и спокойная, в скудном свете она отблёскивала старым серебром, раз-

вернувшись широченной лентой, так, что противоположный берег с нависшими чёрными сопками, покрытыми дремучим лесом, выглядел нереальным, словно принадлежал иному миру. Безлунное небо, усеянное пульсирующими светлячками звёзд, казалось отражением реки в зеркале вселенной, её трансцендентальным двойником.

– Это место древней силы, – говорил Ак Дервиш.

– Почему, батырь? – тихо спросил Руслан.

– На планете есть места, в которых сосредоточена природная энергия. Мы, христиане, не должны поклоняться им, но обязаны знать о сущностях, которые обитают там.

– Зачем?

– Потому что они влияют на мир и на нас, – ответил Дервиш, вглядываясь вдаль ясными глазами из-под седых кустистых бровей.

Руслан долго не мог понять, как он с первого взгляда не узнал в нём старика, с детства врезавшегося в его память. Потом решил, что Дервиш отвёл ему глаза – тот мог.

– На этом участке река течёт точно с запада на восток, и твой путь лежит туда же, – продолжал старик. – Сейчас мы прямо на пересечении широты Москвы и долготы Лхасы. Это значит, здесь – одно из средоточий Игры.

– Батырь, – вскинулся Руслан, – я думал, Игра идет в Центральной Азии…

– А это и есть центр Азии, – безмятежно отвечал Дервиш.

От него опять исходило ощущение нездешнего веселья,

но сейчас оно не било могучей волной, а было спокойно и неявственно.

– Вернее, очень близко к нему, – продолжал он. – Отсюда на весь регион Игры расходятся силовые волны, превращающие его в кипящее человеческими страстями энергетическое море. Оттого, собственно, и идёт Игра, шла всегда, в разных формах. И лишь когда все умрут…

– …тогда только она закончится, – вздохнул Руслан.

Дервиш кивнул.

– Здесь ещё до нашей эры стоял посёлок людей, которые были древнейшим населением этого материка, чьи предки пришли, возможно, из самой Лемурии. Здесь сражались динлины, тюрки, китайцы и монголы. И, наконец, сюда пришли мы, русские.

– Я не русский, – заметил Руслан.

– Русский, – покачал головой Дервиш. – Или, если тебе больше нравится, евразиец. А сегодня дух Евразии воплотился в России, как до того воплощался в монгольской и тюркской империях.

– Ту гору, – продолжал он, помолчав, – что прямо напротив нас, кеты почитали священной и называли Дух-орёл. Неудивительно, что именно здесь тебя постигла шаманская болезнь.

– Вы уже говорили об этом, но я ничего не понял, – в голосе Руслана снова звучал вопрос.

Но ответа он не услышал. Как это не раз было в последнее

время, без всякого предупреждения пришли голоса.

Дух с освобожденными глазами
возвещал мне про такое!..
Чуть не помер!..
В хлам мозгов проникли ураганы,
костенело время наркозовно…

Он не осознавал, что произносит нелепые фразы вслух. Не осознавал вообще ничего. Теперь он знал, каково приходилось Розочке, и ощутил запоздалое раскаяние за тычки, которыми иной раз награждал его. Тем более что настойчиво вещавший в нём голос принадлежал именно убиенному поэту.

…Всё проходят шеренги, проходят.
Злые башни органов кипят.
Боже!
Может, настанет такое,
что курганы в степи возопят!..

Голос смолк, будто Розочке опять с маху переломили шею. Ак Дервиш пристально смотрел на Руслана, поглаживая окладистую бороду.

– Это я и имел в виду. Ты подвержен влиянию тонкого мира. Ты – Отрок.

– Батырь, – Руслан полностью пришел в себя и вновь в нём

поднимался неосознанный протест против чужих попыток решить его судьбу, – я так и не понял, что такое Отрок. Но если я слышу голоса, значит, я шизофреник…

– Ты не шизофреник, а одержимый. Вернее, можешь им стать, если дашь слабину, – сухо ответил старик.

Руслан вопросительно поднял голову.

– Когда духи избирают шамана, он заболевает. Это – естественная реакция человеческой души на вторжение бесов. Тебе становится очень плохо, в твоей жизни происходят ужасные вещи, тебя все обижают и смеются над тобой, ты можешь попасть в место, вроде этого, – старик сделал жест в сторону больницы.

– Это и есть шаманская болезнь, её начало, – продолжал он. – А дальше становится хуже. Начинаются видения. Ты вот слышишь голоса, но это не самое страшное. Иным кажется, что их разрубают на куски, заживо пожирают, вообще пытают всеми способами…

Перед Русланом предстали инфернальные существа, рвущие тело Асии. Усилием воли он удалил из сознания эту картину.

– И что потом? – голос дрогнул.

– Потом шаман, уже готовый подчиниться духам, выздоравливает и начинает им служить. Но ты – Отрок и христианин, ты можешь и должен им противостоять…

Руслан не стал выяснять, почему Дервиш записал его в христиане. Оставаться искусственным атеистом после всего

произошедшего он не мог, но со своей конфессиональной принадлежностью, мягко говоря, не определился. Хотя помнил своё крестильное имя, которое в раннем детстве прошептала ему бабушка.

Однако сейчас юноша жаждал узнать более насущные вещи.

– Эти стихи…

– Они не нужны тебе. Ты принял на себя бесов покойного, – покачал головой старик. – Господин Симановский потенциально был великим стихотворцем. Возможно, с него началось бы возрождение русской поэзии, сравнимое с «золотым» и «серебряным» веком. Потому Артель и присматривала за ним. Но он поддался духам и потерял свой дар. Мы ничего не могли сделать.

Руслан вскинул голову.

– Ваша великая Артель села в лужу? – медленно проговорил он.

Ак Дервиш спокойно взглянул на него:

– Артель – не богадельня для гениальных мужеложников. Вадим Залманович мог бы сыграть роль Фета, но предпочел сочинять бессмысленные вирши и сгинуть в сумасшедшем доме. Это его выбор. Будь это не так, мы помогли бы ему. Но это так, поверь. Теперь в России вместо «бронзового» века поэзии настанет… скажем, «пластиковый», и Бог с ним. А у нас есть ты – Отрок, и мы, прежде всего, должны помочь тебе.

– Не очень-то хорошо у вас получилось, – злобно выпалил Руслан.

– Я уже доложил: тебя прикрывали очень плотно, – всё так же ровно ответил Дервиш. – Но наши люди были нейтрализованы противником. Артель не всесильна, поражения случаются.

– Я поверил тебе, когда ты мне рассказал… Но как такое могло произойти?

– Думаю, среди нас оказался предатель.

– Наверняка ваш «майор Иванов»! – Руслан вдруг в первый раз за это время вспомнил внимательные глаза и негромкую речь человека, которому он некогда безоглядно поверил.

Ак Дервиш укоризненно покачал головой.

– Наконец-то ты о нём вспомнил… Полковник Иван Викторович Тимащук убит во время этой операции снайпером противника…

Руслана словно окатили ледяной водой. Он понурил голову.

– Ты должен освободиться от поползновений бесов, избавиться от их проявления в твоём сознании, – настойчиво продолжал старик.

– Как? – почти прошептал Руслан. Ему было лихо.

Дервиш несколько минут сосредоточенно молчал.

– Это страшно и трудно, – наконец начал говорить он, – но тебе придётся. Иначе ты не Отрок. Но если ты не Отрок,

ты погибнешь. Иного пути для тебя нет.

Руслан откуда-то точно знал, что старец прав.

– Что я должен сделать? – повторил он окрепшим вдруг голосом.

– В ночь летнего солнцеворота, послезавтра, ты должен пересечь реку, подняться на Дух-орёл и провести там ночь. Один. Я не знаю, что произойдет с тобой там, поэтому не могу ничего посоветовать, кроме как полагаться на своё чутьё и всё время читать молитву, которой я тебя научу. Знаю только, что ты увидишь вещи, которые покажутся тебе невыносимо страшными. Но они никак не повредят тебе, если ты останешься самим собой и не впадёшь в безумие. Если тебе это удастся, ты вернёшься живым, и заложенные в тебе от рождения силы начнут раскрываться. Мы с тобой уйдем из больницы и продолжим обучение. Если нет, значит, мы в тебе ошибались. Таковы правила Игры. Ты принимаешь их?

– Да, батырь.

Ночь летнего солнцеворота была очень темна – сполохи небесной реки плотно придавили тучи, отчего и река земная стала похожа на непроглядную дорогу. И было холодно. По крайней мере, Руслан дрожал, несмотря на старый тёплый свитер, раздобытый для него Дервишем.

Они вышли из больницы, как выходили весь этот месяц, когда старик решал, что ночная прогулка пойдет им на пользу. Дервиш просто проводил Руслана через вахту, открывал двери отделения своим ключом, они проходили через чёр-

ный ход, потом мимо вохровской будки и выскальзывали на волю сквозь дырку в заборе, которую больничное начальство, почему-то, в упор не замечало. При этом ни санитары, ни охранники даже головы не поворачивали в их сторону. А если поворачивали, то равнодушно скользили взглядом, словно по пустому месту. Руслан как-то спросил старика, что происходит:

– Отвожу им глаза, – отвечал тот, словно сообщал разумеющееся. – Когда-нибудь и ты так сможешь. Может быть. Неважно.

Этой ночи Руслан ожидал, словно голодный пёс своей миски, одновременно умоляя все высшие силы, чтобы она никогда не наступила. От тоски даже сел клеить конверты, но быстро вскочил и, замученный тревогой, опять заметался от стены до стены, не слушая Джигита, который всё пытался что-то заискивающе говорить. С той ночи Руслан не хотел общаться с ним, хотя это именно он, правда, по понуждению Ак Дервиша, в конце концов, добудился доктора Бывалого.

Вообще, после убийства Розы статус Руслана здесь сильно поднялся. А «Блатная» палата сидела тише воды, ниже травы. Зубан и Серый снова отправились в тюрьму – их ждал суд и значительный довесок к не отсиженным срокам. Под суд угодили и Гестапо с Хромоножкой. Остальные отделались больничными наказаниями. А Руслан ходил в героях. Но это ничуть его не волновало. До сих пор он сознавал, что, скорее всего, проведет в психушке большую часть жизни: па-

ру раз врач в московских «Серпах», где Руслан лежал на экспертизе, намекал ему на это. Потому и не рыпался. Теперь перед ним вновь сверкнула свобода и – Игра. И он ожил, как оживают под потоками небесной воды сухие лягушки в пустыне.

Перестал глотать таблетки – и «плохие», и «хорошие», перестал бесцельно сидеть за столом или бродить вместе со всеми по «греческому залу». Целыми днями тихо разговаривал со стариком или читал неведомыми путями добытые тем интереснейшие книги по истории, географии, религии и разведке.

Но сегодня он вёл себя, как раньше. А Дервиш спокойно клеил конверты, не обращая на него внимания. И лишь после отбоя подошёл к его койке и произнёс:

– Пора.

Вдали над сопками было ещё слегка розовато, но призрачное свечение неуклонно тускнело. Река рокотала совсем близко, дул приличный ветерок. Волны промозглого холода заставляли Руслана прятать кисти в рукава свитера, но и там он не находил тепла. Они быстро шли к берегу, туда, где, в стороне от мерно покачивающегося на понтонах причала, сохло на гальке множество лодок, прикованных цепями к тяжёлым бетонным тумбам. Это было гораздо выше каменистой отмели у Духа-орла на противоположном берегу, сейчас совсем невидимой. Но именно туда, по расчетам Дервиша, Руслана должно было снести течение.

Старик повозился с замком одной из лодок и тот легко открылся. Весла лежали внутри. Совместными усилиями они столкнули её в воду и закрепили весла в уключинах. Лодка тихо закачалась на мелких волнах. В воздухе стоял стылый запах ночной реки. Звуков не было, только плескалось чуть-чуть.

– Запомни, – заговорил Дервиш, голос его был глух, – я буду ждать тебя у причала всю ночь. Если с рассветом не вернёшься, ухожу, не возвращаясь в больницу. Помнишь молитву?

Руслан кивнул – желания говорить у него не было.

– На неё надейся, да на руководство своего Ангела-хранителя. И не говори с духами, не общайся! Помни: они – ничто.

Оглянувшись через плечо, Руслан увидел, что противоположный берег, наконец, стал вырисовываться. Пора бы: плечи и руки совсем онемели, свитер промок от брызг, юноша совсем закоченел бы на ветру, не греби изо всех сил. Торопился: был реальный риск попасть под буксир, тянущий длинную баржу с лесом, а то и под внушительный туристический теплоход. Но путешествие прошло благополучно – суровая река снисходительно позволила пересечь себя.

Нос лодки проскрежетал по угловатым прибрежным валунам. Руслан чуть не свалился, поскользнувшись, вытащил лодку и обернулся к горе. В душе его воцарилась стылая дрожь.

Гора уходила в непроглядную чернь неба. Кое-где прояв-

лялись желтоватые скальные обнажения, по которым спускались похожие на длинных змей корни мрачных елей. Однако путь наверх был очевиден – надо было преодолеть несколько крутых, но проходимых мест внизу, а выше шёл более пологий склон, поросший деревьями.

Руслан был так впечатлен зрелищем, что забыл про холод. Нервно сглотнул, перекрестился и начал подъем, стремясь как можно скорее покончить с этим приключением.

Первые метры были ужасны: карабкался по камням, цепляясь за чахлые ёлочки и клочья травы, несколько раз едва не сорвался. Но мало-помалу приноровился и продвигался быстрее. Скоро даже представилась возможность передохнуть и оглядеться. Местечко, однако, было жутковатое. В двух шагах начиналась непроглядная тьма, из которой выступали корявые лапы елей. За стеной этой что-то всё время потрескивало, шебуршалось, иногда гукало… Юноша стиснул зубы и полез дальше, вернее, уже просто пошёл вверх.

Ноги пружинили на ковре мха, таком толстом, что под ним не ощущалось земли. С усилием, рискуя потерять глаз, продирался между елочками. Лицо царапали ветки, облипала паутина, несколько обитателей которой попали юноше под одежду и теперь сновали там, надо думать, в ещё большем унынии, чем он сам. Спустя минут пятнадцать таких мучений – ему они показались часами – Руслан вылез на место, вроде бы, не столь тесное. Здесь было даже что-то похожее на еле намеченную тропку, по которой он, вытерев со

лба пот, грязь и клочья паутины, осторожно двинулся.

Сгущалось нечто. Боковое зрение фиксировало какие-то проблески, сполохи, но когда оборачивался, ничего там не было: очередная ёлка или камень.

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!.. – вспомнил он про молитву и начал её не очень твердым голосом.

Но сразу замолк.

Потому что на ближайшем валуне спиной к нему кто-то сидел.

Юноша ошеломленно разглядывал сутулую фигуру в больничной пижаме, лысый череп с ясно видимыми даже в этой темноте лишаями и безобразной дыркой, вокруг которой запеклась кровь.

…в саваны кожи
крик затянут любой.
Прерываются воздух и свет.
Мы лишь взгляды кровавим о стены.
Роскошный букет
соберет святотатец
из наших изломанных «нет»…

Голос был скрипуч, ещё более, чем при жизни.

– Розочка!.. – выдохнул Руслан.

Стихи прервались. Монстр повернулся к нему всем телом. Серо-голубое лицо с продавленной переносицей и висящим на кровавой ниточке глазом. Второй был цел, но интенсивно

светился красным, а большой его зрачок был чернее всего, что Руслан когда-либо видел.

Огненный глаз повернулся, как колесо, черный зрачок зафиксировался на юноше, который стоял, не в силах осознать происходящее.

«Пойдем», – слово, похоже, само собой родилось в мозгу Руслана.

Роза поднялся, будто разом пророс в валуне.

Юноша почему-то двинулся за ним, как привязанный.

Розина голова лежала на плече, нелепо подскакивая при ходьбе. Из шеи торчал обломок кости. Но двигался довольно быстро, казалось, не переставляя ног, вёл всё дальше по склону, ловко лавируя между деревьями. Да и Руслан шествовал легко, как во сне.

Однако Роза всё больше удалялся и, наконец, совсем потерялся в темноте. Но Руслан каким-то образом знал, куда идти. А вскоре вместо Розиной лысины перед ним замаячил пронзительный красный огонек. Он был как последний пылающий внутренним жаром уголь в золе умершего костра, или как те тревожные огоньки, которые зимней ночью видишь из тамбура последнего вагона несущегося по снежной пустоте поезда.

Руслан шёл по каким-то высоким травам, совершенно неуместным здесь, более того, среди них то тут, то там вспыхивали разноцветные лица изысканных цветов, названий которых он не знал, да, скорее всего, таковых в человеческом

языке не существовало. Огонек-поводырь пронизывал эту потустороннюю роскошь всё быстрее, увлекая в бег к неведомой цели. Но вдруг резко остановился. Руслан подбежал, очутившись среди валунов, густо покрытых могучим папоротником. Посередине чёрно-зелёной этой купели горел, переливаясь всеми оттенками красного, чудный цветок, похожий на заблудшую звезду.

Не раздумывая, Руслан подался вперед и обеими руками рванул это волшебство. Почему-то знал, что дОлжно было поступить именно так.

Цветок подался с тихим треском и остался в руках. На ощупь был теплым… живым. Руслан замер, рассматривая прихотливые светящиеся лепестки.

«Crazy!»

Грянул такой безумный хор, что юноша чуть не свалился замертво. Визг, рычание, хохот заполонили всё. Показалось: мир взорвался и летит в пустоту фейерверком адских огней под выделявшийся в общей какофонии отвратительный голос, старательно тянувший одну бесконечную строчку: «Crazy, over the rainbow, he is crazy»…

Вокруг вихрем завился хоровод страшных сущностей, самые безобидные из которых напоминали зверолюдей из его больничного видения. Особенно впечатляла голая тётка верхом на чем-то вроде помеси бегемота и тигра, увенчанного острым прямым рогом. Сама же жама была ровного синего цвета, покрыта трупными пятнами, а окровавленный рот, из

которого торчали острые клыки, изрыгал запредельное непотребство.

Всё это тянулось к трепещущему огоньку цветка, который был уже не тёплым, а очень горячим. Но никто из существ не смел его коснуться.

Само небо как будто раскалилось, нереально засветилось красным, словно вот-вот должно было расплавиться и пролить на землю и все живые существа на ней потоп раскаленной плазмы. В этом безумном свечении деревья, казалось, истекают кровью и корчатся в безмолвной агонии.

В глазах Руслана стремительно вращались кровавые пятна. Цветок невыносимо жёг ладони. Когда он уже готов был бросить его и сломя голову бежать, вдруг снова вспомнил:

– …И да бежат от лица Его ненавидящии Его! – проорал он прямо в лицо верховой покойнице, и вся демонская камарилья разом замерла и замолкла, стала сливаться с густым мраком.

Руслан поспешно отвернулся, но зарослей папоротника больше не увидел. Вместо них окунулся в тусклую амальгаму огромного зеркала. Или этим зеркалом стало само пространство перед ним. В туманной глубине поплыли картины. Сначала сознание отказывалось воспринимать клубящиеся образы. Но вскоре зрелище захватило и заставило зачарованно всматриваться в призрачные формы, слагавшиеся в увлекательнейший фильм без начала и конца.

Это был он, Руслан Загоровский, но не в грязных пижам-

ных штанах и старом свитере – чуть мешковатая, но солидная пара, скромный синий галстук. Он говорит что-то целой толпе юношей и девушек с красными значками на белых рубашках и блузках, туповатые лица которых выражают сосредоточенное внимание. Дело происходит в большом зале со множеством стульев, и надо всем нависает портрет лысого вождя.

Картина сменилась другой, где тот же Руслан, только костюм уже явно не советского пошива, получает из рук щерящегося свиноподобного мужика маленькую красную книжечку. Вокруг хлопают в ладоши люди, кажущиеся родными братьями и сестрами властного борова.

И вот Руслан (а костюм-то всё лучше!) проходит сквозь тяжеленные двери в огромной остроконечной башне и в лицо ему золотом блистает табличка, на которой он успевает прочитать: «Министерс…». Но попадает почему-то в большущий аэропорт, а из него выходит на солнечную улицу незнакомого города с яркими вывесками, совершенно невозможными ни в одном из советских городов. И одет Русик уже в джинсовый костюм, явно не из тех, которые возил из Питера Рудик Бородавкин.

Руслан сидит в невозможно шикарном (как ему показалось) баре перед тонким бокалом с соломинкой, оснащенная роскошными выпуклостями дама увлеченно нашёптывает ему на ухо.

Руслан в сопровождении смеющейся черноволосой жен-

щины едет в купе поезда, купе, в котором нет верхних полок, а вместо них – большое зеркало, а на потолке – хрустальная люстра. Вежливый опрятный проводник вносит поднос, на котором два бокала и блестящее ведерко, из которого торчит горлышко бутылки.

Руслан, внушительный мужчина, что-то быстро пишет за огромным дубовым столом в величавом кабинете.

Тот же Руслан, но в более фривольном виде, в этом же каюнете на кожаном диване рядом с длинноногой блондинкой, чья одежда ещё в большем беспорядке, чем его.

Руслан, погрузневший и заматеревший, обзаведшийся солидными очками и твёрдой шляпой, но не потерявший мужественной красоты, в окружении почтенных старцев важно стоит над огромной надписью «ЛЕНИН»…

Потом пошло другое: по-прежнему юный Руслан проходит сквозь железную калитку и видит за зеленым газоном красивое жёлтое здание. Его ведёт по анфиладам парадных залов офицер в синей форме и белоснежной фуражке, а потом в уютной комнате с ним беседует благожелательный улыбчивый мужчина с большими залысинами. И уже Руслан в ослепляющем свете, под жужжание камер, рассказывает что-то возбуждённой толпе людей, лихорадочно царапающих в блокнотах. И он же, возмужавший, в ковбойской шляпе и тёмных очках, ведёт угловатую ярко-красную машину по долгому шоссе и останавливается у милого трехэтажного особняка, на асфальтовой дорожке перед которым его встре-

чают улыбающаяся красивая женщина и пара ухоженных детей.

Последним видением было такое: откинувшись в покойном кресле перед камином, покуривая толстую сигару, он с довольным видом рассматривает книжку в яркой обложке. Имя автора выявилось в зеркале четко: «Ruslan Zagorovsky»…

– …Яко исчезает дым, да исчезнут! – вырвалось из недр его сознания, и амальгама вмиг померкла.

Он ощутил мимолётное сожаление, что видения прервались. Ошеломлённо всматривался в повисшую перед ним муть, вновь забыв слова молитвы. Муть стала проясняться, что-то зашевелилось, спеша оформиться и явить себя.

Из глубины колдовского зеркала на него вновь глянул мёртвый глаз Розы.

«Зачем ты это сделал? – проскрипело в его мозгу. – Это варианты твоего будущего. Ты же за этим сюда пришел, нет?.. Ну, давай, давай, поищем другие линии, посмотрим. Весь мир перед тобой!»

В зеркале опять началось движение, предвещающее появление новых картин. Но другой знакомый голос всколыхнул мозг, словно удар в висок: «Помни: они – ничто!»

– …Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением! – возгласил он в набирающую силу картину, и она вновь расползлась призрачными завихрениями.

Зеркало померкло, он погрузился в непроглядную тепловатую тьму. Но она тут же осветилось нереальным зелёным свечением. Цветок в судорожно сжатых руках забился в лихорадочном ритме, с каждой пульсацией выбрасывая волну красного света, вновь стал невыносимо печь руки. Перед юношей заколыхалось нечто грандиозное, чего он сначала не мог осознать: просто розовое, очень большое – живое. Но постепенно понял, что видит цветок, почти такой же, как его, но гигантский. Он качался прямо над его головой на змееподобном стебле.

Руслан завороженною смотрел на мясистые розовые лепестки, покрытые жирно лоснящейся влагой. Системой сложных складок они прикрывали маленькое отверстие в центре, чёрное, как зрачок мёртвого поэта. Эта дырочка почему-то вдруг стала страшно важна и привлекательна для Руслана. Огонек в его руках бешено пульсировал, от чего по всему телу расходилась сладкая истома.

«Ру-усик! Русь!» С восторженным содроганием Руслан понял, что его зовет Инга.

«Я жду-у! – манил голос. – Приходи, милый! Я жду, как и обещала! Мы будем счастливы. Тебе со мной будет очень хорошо… очень хорошо…»

Лепестки шевелились в такт словам.

Руслан переживал бешеный первобытный восторг. Всё его тело сотрясалось вместе с цветками, словно они втроем бились в ритуальном танце на языческой оргии. Большой цве-

ток стал опускаться к его голове, лепестки призывно распахнулись. Руслан почувствовал незнакомый пряный аромат – что-то сплетённое из запахов мокрого папоротника, дикого чеснока, мёда и гвоздики и ещё чего-то неуловимого, но невыносимо сладостного. Вне себя от возбуждения, весь подался к цветку, зияющему приветливой шёлковой пастью. Только узкий проём в середине оставался неизменен, как будто терпеливо ожидал его в ледяном покое. Когда голова Руслана почти коснулась истекающих жаркой влагой лепестков, он даже почуял оттуда мимолетное дуновение космической стужи. Содрогнулся, было, но тут дурманящий аромат усилился, и он забыл обо всем.

Цветок стал неспешно всасывать Руслана в себя.

«Crazy, over the rainbow, he is crazy», – ворвался в его гаснущее от наслаждения сознание голос, смутно напоминающий голос Инги, и он мгновенно вспомнил, кто он и зачем здесь.

– …И в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень!

Молитва вновь выплеснулась, как вопль о помощи, и упругие лепестки сразу ослабли, отпустили. Бутон отодвинулся во мрак. Наслаждение прервалось.

В глазах Руслана потемнело, но тут же он вновь обрел зрение и обнаружил себя стоящим на сопке в гуще папоротника. Как будто посветлело. По крайней мере, он видел гораздо дальше, чем раньше. Стало понятно, что почти забрал-

ся на вершину горы, причём, очевидно, круговым путем: за несколькими ёлками открывались скалистый пик и нависшее тёмное небо, далеко внизу сливающееся с чёрной гладью реки.

На вершине среди камней возвышалась сосна. Очень старая сосна, с неохватным почерневшим стволом, сырой корой, испещренной множеством глубоких борозд, искорченными ветвями, даже вершина её была изогнута, указуя куда-то, куда угодно было здешним духам зимних ветров.

С незапамятных времен стояла она тут, со стариковским чванством вперившись в течение жизни, равнодушно принимая на свои ветви разноцветные ленточки в честь духов. Прекрасно знала, что ленточки эти духам ни к чему, но людское поклонение им полезно.

Теперь она нехотя заговорила с Русланом скрипучим голосом. Вернее, это Руслан подумал, что с ним заговорило дерево, не заметив сперва под ним маленькую фигурку в светлой пижаме.

«Ну что, губошлеп молодой, сам себя оскопить желаешь?» – говорил Розочка, голова подпрыгивала в ритм словам, а огненный глаз глядел в сторону, будто высматривал что-то в бездне.

«Прямо Аттис какой-то… Только в сосну превращаться не вздумай, а то её высочество конкуренции не потерпит».

Труп рассмеялся кудахтающим смехом. Несмотря на всю чудовищность происходящего, Руслан подумал, что впервые

слышит смех Розы, и, наверное, для того, чтобы ему стало весело, он должен был умереть…

Хотел ответить, потому что не боялся поэта, ни живого, ни мертвого, но охотно поговорил бы с ним про жизнь, любовь и поэзию. Однако фигура его стала как-то выцветать, разрежаться, вскоре он вовсе исчез, будто слился с древним сосновым стволом. Да и само дерево исчезло. А вместо него предстало перед Русланом самое страшное на свете. По крайней мере, ничего страшнее он до сей поры не видел.

Иссиня-чёрное, чернее горы и реки, зрачка Розы и отверстия хищного цветка. Стояло оно прямо, как страж врат преисподней, достигая небес, и исходила от него такая непроглядная жуть, что Руслан ощутил себя мёртвым, безнадежно и очень давно мёртвым, да даже не мёртвым, а никогда не бывшим. Его вновь захватил ужас зависания в пустоте, но сейчас он был в тысячи раз сильнее, чем в детстве, и Руслан, наконец, понял, ЧЕГО он на самом деле всегда боялся. И это знание пожирало его душу.

Он забыл, зачем здесь, не знал, что делать. Чтобы избыть невыносимый ужас, выкрикнул в сторону колоссальной фигуры:

– Кто ты?!!

Ответ пришел словно бы отовсюду – сверху, из мутных небес, со всех сторон, как будто монотонным хором ответили все тёмные ели, от реки – волной промозглого холода, и

снизу, из недр горы. И всё это вместе составляло один грандиозный ГОЛОС, всеподавляющий.

«Я – Орёл».

Страшный порыв ветра ударил прямо в Руслана и он захлебнулся в накатившей волне безумия. Чернота сдавила со всех сторон. Лишь огонек цветка, съежившийся до размера спичечной головки, заставлял его верить: есть в мире что-то ещё, помимо черноты, ветра и всемогущего ГОЛОСА.

А тот всё вещал, и каждое его слово сопровождал тяжкий удар ветра, вбивающий человеческую фигурку глубже в трясину отчаяния.

«Я есть сила, которая правит судьбой всех живых существ».

Во мраке сверкнули молнии, и в их блеске Руслан успел разглядеть контуры гигантского тела. По его черноте рассеяны были белёсым орнаментом то ли перья, то ли драконья чешуя. Вокруг фигуры чернота будто колыхалась, создавая иллюзию огромных крыльев, и именно это колыхание порождало необузданные порывы воздуха.

С самой вершины, оттуда, где должна была находиться голова, на Руслана глянул Глаз, вращающийся огненный Глаз, и на мгновение ему показалось, что он видит, как гибнет в этом огне вселенная.

«Я – сила извечного колеса, в котором страдают живые существа. Но я есть и избавление от страданий для всех живых существ».

Ветер выл уже непрерывно, Руслан едва держался на ногах.

«Потому что я, Орёл, пожираю живое».

Вдруг ветер стих, словно и его обездвижил необъятный ужас. Руслан закрыл глаза. Не было больше сил бороться с небытием.

«Приди ко мне, отвергший соблазны жизни, и я упокою тебя».

Мир превратился в ГОЛОС. Огонек цветка бессильно померцал и погас.

«Ты, избранный духов, имеешь шанс не быть съеденным, но, пройдя сквозь меня, обрести вечный покой в Великой пустоте, в которой – начало и конец всего».

Руслан сделал первый шаг к Орлу.

Но во мраке перед ним вспыхнул ослепительный свет. Прекрасный человек из детского его видения, невероятно НАСТОЯЩИЙ, глянул ему в глаза укоризненно и сочувственно.

Видение исчезло мгновенно.

Юноша остановился на полушаге. Огонек вновь замерцал перед ним, хотя он, казалось, давно уже потерял его.

Руслан поднял голову и сказал Орлу:

– Нет.

Голос был слаб и жалок, но Орёл ничего не ответил. Руслан повторил окрепшим голосом:

– Нет. Я не избранный духов, я – христианин.

Видение колоссальной фигуры заколебалось, как будто страшный ветер теперь подул в его сторону.

– А ты, – голос Руслана вдруг зарокотал, его услышали и ели, и река, и гора, и небо, – ты – ничто!

Волна ярости достигла Руслана, Орёл рванулся к нему всей своей гигантской тенью. Раз за разом осеняя себя крестным знамением, юноша закричал:

– …Прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата!

Рассветало. Из тьмы показались вершины чёрных елей, и были они зелёными. Старая сосна возвышалась терпеливо и покойно, как все четыре сотни лет своей жизни. Река внизу словно вздохнула, просыпаясь, и сразу же бодро зарокотала. Было безветренно. Руслан стоял на вершине сопки, смотрел, как красный огонёк цветка исчезает в его ладонях, словно всасывается сквозь поры. Он был тёплым и ласковым, как добрый зверёк. Когда он исчез совсем, Руслан посмотрел на реку. В разгорающемся свете утра разглядел у противоположного берега причал и маленькую коленопреклонённую фигурку на нём. Всю эту ночь Ак Дервиш молился за него.

Вольно вздохнув, юноша начал спуск с горы.

«Не грусти, Отрок!» – проскрипело за спиной едва слышно, будто дошло из невероятной дали.

Руслан не оглянулся.

Архив Артели

Только для членов Совета.
Единица хранения № 0893-773

Монголын нууц тобчо («Тайная история монголов»). 1240 год от Р.Х.

Фрагмент между § § 140 и 141 публичной версии.

Рассказ о плене Чингисхана в государстве чжурчженей Цзинь (северный Китай).

(Фрагмент изъят изо всех находящихся в свободном доступе рукописей Хурулом старцев Орды. Решение подтверждено Советом Артели.)

Сыновья казненных Чингисханом предводителей племени чжурки Сэчэ-бики и Тайчу встретились с людьми Алтан-хана (императора государства Цзинь. – прим. переводчика), и поведали, что можно будет застать Чингисхана, когда он кочует всего с одним куренём. Полководец государства Цзинь Вангин-чинсян напал и захватил Чингисхана в плен. Народ возглавил его брат, во всем слушавшийся советов Ван-хана кераитского. Люди улуса Чингисова стали разбегаться.

Но через одиннадцать лет Чингисхан вернулся из плена и лицо его было черно от гнева. Говорят, его освободили пятьдесят пять добрых тэнгрия. Они же, как говорят, запретили Чингисхану мстить предателям. Потому он только произнес:

Собственный ворот монголы обрезали, предали хана чжурчженям.

Щуки коварные племени чжурки, из засады добычу хватающие,

Выдали хана, словно дикие псы, что у матки сосцы отгрызают.

Одиннадцать лет я томился в неволе, укрытый лишь собственной тенью.

В железных цепях, словно раб, был согбен на потеху врагам.

Я забыл свою жизнь и дух, и высокое дело.

Сила ушла из меня, жизнь моя – прах ей цена!

Жизнь моя – капля она! Лишь вечными Тэнгри сохранена.

Поднявшись на гору Бурхан-халдун, он, ударяя себя в грудь, сказал:

О древний Тэнгри! С поясом на шее взываю к Тебе!

Ты знаешь и ведаешь, что Алтан-хан начал вражду.

Я возмездия и мщения ищу, помоги мне!

Верни покинувшую меня отрочью силу!

Повели божествам, и людям, и Орде тэнгриев

помочь мне!

(Со старо-монгольского перевел артельный X ранга Султан, 1856 год.)

Гонконг, владение Великобритании, 8 – 11 июля 1982

Человек вошёл в магазин вместе со звоном дверного колокольчика. Цзи сразу понял, что грядут неприятности. Он не сумел бы сказать, почему так уверен, что этот молодой, чуть полноватый европеец с усиками являет собой одну из самых страшных опасностей, какие приходилось переживать дядюшке Цзи. А ведь их, опасностей, в его жизни было немало…

Может быть, потому что парень – лаомаоцзы?.. Но, опять же, почему обязательно русский? Напротив, он совсем не напоминал тех жителей СССР, которых Цзи иногда видел в Европе и – гораздо реже – в Америке. Те облачены были в отвратительные глухие костюмы, имели постно-испуганное выражение лица, а при виде витрин магазинов в глазах их загорался безумный огонёк. Этот же с привычной небрежностью носил идеально сидящие пиджак и слаксы, лёгкие и светлые, как и подобает в истекающем жаркой влагой Гонконге. Летние мокасины от «Гуччи» явно не имели никакого отношения к мастерским «Бухты ароматов», а вновь входящие в моду овальные очки с двойной дужкой являлись подлинным произведением «Каррера». Господин держал дорогущий кейс крокодиловой кожи. Цзи обладал на такие вещи намётанным глазом торговца, но сейчас лишь походя отме-

чал их, как и чуть надменную манеру, с какой человек рассматривал разложенные в витринах вещицы: тёмно-зелёный жемчуг, поделки из нефрита и яшмы, позолоченные фигурки восьми бессмертных, псевдоклассический фарфор. Ассортимент Цзи, между прочим, несколько отличался от принятого здесь, на «Золотой миле» полуострова Девяти драконов, где каждая лавочка, выставляя кучу блестящей мишуры, была настоящей ловушкой для глупых туристов. Но в его магазинчике среди более-менее удачных подделок лежало и несколько подлинных, очень дорогих предметов – в расчете на знатоков. И поймав заинтересованный взгляд, брошенный пришельцем на старый набор для письма и невзрачную грязноватую гравюру, Цзи понял, что для этого клиента истинная их ценность тайной не осталась.

Впрочем, всем полученным десятилетиями опасной жизни опытом Цзи чуял, что этот человек – никакой не клиент. Он пришел за ним. Пришел, чтобы убить. Под тяжелым дубовым прилавком у Цзи была тревожная кнопка, по сигналу которой через пять минут прибудет полиция, а через десять – бойцы одной из дружественных триад. И ещё некоторые другие вещи хранились под прилавком. А в бесчисленных кармашках и складочках одежды на Цзи было довольно смертоносных предметов. Но и не будь их, подходить к нему с недобрыми намерениями было бы неразумно. Тем не менее, лишь сидящие в подсознании психологические навыки позволяли ему сейчас подавлять обессиливающе вязкий

страх. «Я стал стар», – с горечью подумал Цзи.

Человек оторвался от созерцания гравюры, на которой субтильная барышня, сидя на ложе, перебирала струны лютни, и обратил на Цзи серьезный взгляд из-под очков. В нём было нечто, от чего китайца, несмотря на все усилия, охватила паника. Его рука рванулась к кнопке.

– Не стоит, – ровно проговорил человек на приличном, хоть и с заметным даже Цзи акцентом, английском.

При этих словах дверь магазинчика раскрылась, пропустив пятерых молодых молчаливых китайцев, несмотря на духоту, экипированных в джинсы и кожаные куртки. Они тщательно закрыли за собой на засов и угрюмо застыли за спиной пришельца.

Палец китайца продолжал отчаянно давить на кнопку.

– Не стоит, господин Цзи, – повторил человек, – сигнализация выведена из строя.

Неуловимым движением он откинул застежку кейса и сунул туда руку. Но растерянность Цзи прошла. Он резко присел, рука его взлетела над прилавком и в ней объявился «узи» с глушителем. Уже стрелял, когда пятерка у дверей выхватила револьверы, а посетитель нырнул, уходя с линии огня.

Двое из парней свались, остальные растянулись на полу, открыв бешеную, но совершенно не слышную с улицы пальбу. Тем более что как раз в тот момент какие-то идиоты не ко времени разразились очередным фейерверком. «Не ко вре-

мени? – с горечью подумал Цзи, лихорадочно меняя обойму. – Скорее, тогда, когда им было нужно…»

На шум со второго этажа на лоджию выскочил с обрезом в руках Джимми Ляо, молодой помощник торговца, и тут же упал, пробитый несколькими пулями. Цзи ощутил сожаление от гибели услужливого и нежного юноши. Но надо было спасать себя – он ещё не совсем потерял надежду.

Страшный пришелец передвинулся влево. В обеих руках его было по кургузому черному пистолету, выстрелы которых звучали не громче хлопка ладонями. «Русский шёпот», – всплыло в памяти Цзи. Он дал очередь, но противник уже перекатился за большое лаковое кресло эпохи Мин. Терзая его пулями, антиквар чувствовал подлинную боль. Однако выбирать не приходилось. Вообще, если он останется жив, после такой канонады в магазине придется делать генеральный ремонт и полностью обновлять ассортимент. Но сейчас это не имело значения.

Пули крошили прилавок в щепки. Судя по всему, недостатка в боеприпасах гости не испытывали. В отличие от Цзи, у которого заканчивалась третья и последняя обойма. Оружие было на втором этаже, но туда ещё следовало добраться. Цзи достал дымовую шашку и перебросил её через прилавок. Комнату заволок едкий красный дым. Под его прикрытием китаец резко встал, распрямился в струну, и с места, словно бы мистическими силами, поднялся в воздух. Прыжок был отменный, он уже лет двадцать не исполнял та-

кого, но чего не сделаешь ради спасения жизни.

Стукнув пятками о пол лоджии, тут же нырнул в ближайшую открытую дверь. Но пришелец уже возник сзади. Очевидно, его прыжок был не менее впечатляющ, чем у Цзи.

Китаец был в таком отчаянии, что применил уловку презренных ниндзя: обратное сальто с переворотом и броском сёрикена. Противник легко уклонился от стальной звезды и вскинул пистолет.

Они находились в небольшом тренировочном зале – в последние годы поддержание формы стало у Цзи идеей фикс. По стенам и на стойках покоились учебные и боевые мечи, шесты и алебарды, но сейчас они были для торговца бесполезны. Обретя, наконец, приличествующий ханьцу фатализм, он смиренно ожидал, когда его тело прошьют пули.

Но убийца опустил пистолет, присев, осторожно положил его на пол. Цзи понял, что дело продолжается. Сделав скользящий шаг к стойке, не глядя схватил остро заточенный шоудао. Настраиваясь на классическую тао меча, попытался очиститься от посторонних эмоций, широко развёл руки и присел в стойке, ожидая противника.

Тот, не воспользовавшись возможностью вооружится, приближался к Цзи вычурными шажками, все время совершая какие-то мелкие посторонние движения, раздражающие и отвлекающие внимание. Его очки поблескивали, усы слегка топорщились.

Торговец бросился в атаку. Широкий изогнутый клинок

разил, казалось, одновременно в нескольких направлениях. Но всякий раз встречал не упругую плоть, а пустоту. Противник уворачивался мгновенно, и, что самое неприятное, Цзи никак не мог понять, каким образом тот это делает. Прихотливые блоки и нырки не фиксировались даже экстремальным зрением. Этот стиль был совершенно незнаком китайцу.

Трое оставшихся на ногах нападавших ввалились в зал и смирно стояли, наблюдая за поединком. Цзи не сомневался, что, если одолеет очкастого парня, с этими разделается легко. Но первая часть задачи казалась невыполнимой. Противник вился вокруг, непостижимым образом гася любой выпад, несмотря на то, что Цзи был мастером многоопытным и дрался сейчас так, как не дрался с бурной юности. Но вот в безупречной вязи движений он допустил одну маленькую ошибку, и… не понял, как стал безоружен. Просто меч, вырванный неведомой силой, звеня, отлетел в сторону, а он, почувствовав одновременно страшный удар по горлу и ослепляющую боль в глазах, оказался лежащим навзничь. Дернулся, чтобы поднялся, но в руках его противника уже был пистолет, направленный прямо ему в лоб.

– От Artel`и за генерала Ахалова, – услышал он свой приговор и физически ощутил, как палец начал давление на спуск.

У него оставалось последнее средство. То, которое он так не хотел использовать. Но выбирать сейчас не мог – жизнь

стоила дороже.

– Мы знаем про Лисунова, – прохрипел он прямо в чёрное дуло, готовое разверзнуть для него пустоту.

Киллер внимательно поглядел на Цзи. Тот согласно кивнул головой, вперившись в ничего не выражающие зелёные глаза за толстыми стеклами очков. Для Цзи все уродливые лица лаовай были непроницаемы. Но сейчас он всеми силами старался передать варвару ощущение правдивости своих слов. И тот понял. Пистолет всё ещё был направлен на Цзи, но несостоявшийся убийца сделал шаг назад. Не отворачиваясь от лежащего китайца, он и его команда быстро растворилась за дверями. Цзи конвульсивно выдохнул и потерял сознание.

В воскресенье торговца вел Терри Ли. Более скучного задания он не получал за всю свою короткую карьеру в частном сыскном агентстве. Для него оставалось дурацкой загадкой, кому могло понадобиться пасти почтенного тхунчжи – «товарища желания» (новомодный эвфемизм для определения приверженцев того, что в старой поэтической манере называлось «искусством отрывания рукава», попросту, мужеложство).

Шеф, получив этот заказ от неких людей дня три назад, совсем сошёл с ума, бросив на слежку за безобидным антикваром лучшие силы агентства. Терри представить не мог типов, которых выложили большущие (а почему бы ещё шеф так надрывался?) деньги для слежки за старцем, весь смысл

жизни которого состоял в сидении среди старого барахла в лавочке на Натан Роуд, и вечерних поездок в Абердин, откуда он привозил на тихую незаметную виллу на севере Коулуна очередного «младшего братца».

Но работа есть работа. Терри привычно скользил на своей мощной «хонде» между тысяч автомобилей, заполонивших улицы этого сумасшедшего города, неотступно следуя за непрезентабельной «тойотой» объекта.

Сквозь пылающие перетекающими цветами стены домов, подмигивающий неон ночных клубов, сияние роскошных витрин, ярко мельтешащие строчки информации. Сквозь многоязычный говор, пение гудков, чад ресторанчиков, призывы торговцев, визг и крики уличных вечеринок. Сквозь узкие многоярусные улочки с нависающими рекламными баннерами и длиннейшие подводные тоннели. И Терри, и тот, за кем он следовал, давно уже привыкли, что живут, словно в фантастическом фильме о странном будущем урбанизированного человечества.

Из-за поворота возник в вечерних сполохах частокол мачт – рыбачья деревушка Абердин, жители которой никогда не покидают воды. Лакомое местечко для алчущего экзотики туриста. Но старик приехал сюда не затем, чтобы любоваться бытом «людей лодок». Терри знал, что прогулочный катер тот брать не станет и не почтит своим присутствием рябящий помпезными огнями плавучий ресторан. С центральной улицы он свернёт в гору и остановится у непрезентабельно-

го заведения под названием «Студия „Альтернатива“». Два дня назад Терри вошел вслед за объектом, но приглушённый свет, выступающие из полутьмы экзотические цветы, слащавая манера официантов и изнывающие в алчном ожидании мужчины разных возрастов ему совсем не понравились. Сегодня он предпочёл поставить мотоцикл в стороне и подождать, пока старик выйдет. Прошлый раз антиквар буквально за пятнадцать минут завёл знакомство с юным индусом, сразу же расплатился за нетронутый кофе и повез паренька на виллу, где парочка провела всю ночь.

Заданием, собственно, были контакты торговца. Хвост пускали за каждым покупателем, заходившим днём в его лавочку. И, разумеется, после первого визита объекта в «Студию» агенты шефа, а может, ещё и сами заказчики, прошлись по притону частым гребнем. Но, судя по всему, безрезультатно – старик приезжал сюда затем, зачем приезжал: за мальчиком. Оно и понятно: Терри знал, что после случившейся в лавочке в четверг стрельбы труп юного помощника антиквара пребывал в доме его родителей в деревушке на востоке полуострова, ожидая, когда «высохнет вся кровь», без чего не могут свершиться пристойные похороны. Судя по всему, похотливый старик не мог и ночи обойтись без юного тела. А может, ему просто страшно одному по вечерам в уединённом особняке.

И на сей раз ожидание детектива длилось недолго. Торговец выходил из зеркальных дверей заведения, приобняв

за плечи своё очередное приобретение. Терри не поверил глазам: на сей раз «младший братец» был юным лаоваем. Темные волосы беспорядочно падали на загорелое скуластое лицо подростка, оснащенное уродливо большим с ханьской точки зрения носом и гротескно круглыми глазами. Похоже, безумный старец увлекался экзотикой.

Не дожидаясь, пока парочка сядет в «тойоту», Терри вскочил на мотоцикл. Им предстоял довольно длительный путь до укрытой за стеной густого кустарника виллой, расположенной, как и подобает дому состоятельного господина, подальше от побережья. Там Терри придется ждать до рассвета, когда обслуживший старика подросток незаметно выскользнет из тяжелой калитки и побредёт в свое, наверняка, гнусное, жилище. За ним пойдет хвост, но это, хвала Небесам, будет уже не Терри Ли.

– Парень, похоже, собирается торчать тут всю ночь, – заметил Сахиб, мельком глянув сквозь ажурные ставни на улицу.

– Это человек из детективного агентства «Шань», господин, – ответил Цзи, склоняясь в поклоне. – Они ведут меня уже три дня, с того несчастного происшествия… Думаю, их наняла Artel.

– Разумеется, она не оставит вас своим вниманием после вашего провала, – кивнул Сахиб.

Он свободно говорил на местном диалекте, звучащем как пародия на благородный мандаринский, тем не менее, явля-

ющийся вполне естественным для юга Китая.

Лицо его было не очень приветливо.

– Господин, – антиквар поклонился ещё ниже, – непростительность моего поведения не подлежит сомнению и я смиренно приму из ваших рук любое наказание.

– Хватит, Цзи, – прервал его юноша, и, похоже, эта неприкрытая грубость доставила ему удовольствие. – Благодаря вашему малодушию сорвана операция, которую я готовлю уже долгое время.

Было видно, что почтенный китаец до глубины души оскорблен таким обращением, но на лице его это никак не отразилось. Он лишь поклонился ещё раз, чтобы спрятать яростный блеск глаз. Сейчас он был готов совершить самоубийство, если Сахиб того потребует. Но умер бы, взывая к Небесам о вопиющей несправедливости начальника.

Сахиб всё это прекрасно понимал. Он действительно был разгневан тем, что китаец предпочел остаться в живых – ситуация складывалась такая, что вся польза, приносимая живым Цзи, не могла перевесить преимущества, которую Клаб получал от тайного знания личности одного из членов совета Artel`и. Но понимал он и то, что по-иному случиться не могло. Невозможно требовать от Цзи умереть за то, о чём тот понятия не имел. Так что теперь Сахиб просто пользовался случаем унизить человека, в глубине души его презиравшего.

– Хорошо, господин Цзи, – проговорил он помягче, – надо

радоваться хотя бы тому, что ваши нетрадиционные предпочтения позволили нам встретиться в тайне от противника…

Согбенный Цзи чуть вздрогнул, уловив в этой фразе нотку лукавой двусмысленности. Не разгибая спины, сладко пролепетал:

– Если юному господину угодно будет почтить своего слугу яшмовой благосклонностью, благодарность никчемного старика поднимется выше гор и проникнет глубже морей.

Сахиб хихикнул довольно развратно, но холод его последующих слов не оставил антиквару надежд:

– Увы, господин Цзи, я вовсе не юн, а, кроме того, времени на легкомысленные забавы у нас нет.

Перейдя из внутренних покоев, они сидели в причудливой беседке садика, где глазам их открывалось очаровательное зрелище пруда с играющими золотыми рыбками и горбатым мостиком. В искусно продуманном хаосе деревьев и камней отступала гнетущая городская жара, мысли струились покойно и плавно. Цзи был поклонником изящной архаики не только в профессии и фигурах речи, но и в быту. Собственноручно заваренный им чай выражал его безграничное почтение к гостю, ибо это был настоящий дахунпао, каждая чашечка которого стоила не менее тысячи долларов.

– Итак, – гнул свою линию Сахиб, – противник осведомлён о том, что мы раскрыли Лисунова.

– Увы, это так, господин.

– Вы спасли себе жизнь, открыв это агенту Artel`и, дабы

он понял, что за вас, по правилам Игры, мы возьмем жизнь известного нам их лидера, – Сахиб говорил это тоном констатации. – Мы бы так и сделали, смею вас уверить. Потом… Когда Лисунов перестал бы служить моим планам. Но теперь это в прошлом. Поскольку вы раскрыты, то обязаны уйти в тень. То же самое, я уверен, Артель решит в отношении Лисунова.

Цзи вновь поклонился. Сахиб, отпив глоток драгоценного чая, продолжил:

– Я не посвящал вас в подробности плана, надеюсь, вы не в претензии. Не буду разглашать его и теперь, когда обстоятельства заставляют нас от него отказаться. Вы знаете только, что речь шла о внедрении в Артель через Непал, где хозяйничает господин Лисунов. Это внедрение всё равно будет совершено, однако теперь через Камбоджу, где наши люди совсем недавно раскопали весьма полезную историю… Да, полезную и даже романтическую…

На лице Сахиба возникла нехорошая улыбка, но тут же пропала и он проговорил деловым тоном:

– Прошу вас подготовить всю инфраструктуру для обеспечения операции.

Китаец согласно закивал.

– Заверяю вас, господин, что ваш нижайший слуга приложит все силы…

Жестом Сахиб прервал его. Некоторое время сидел молча, попивая чай и посматривая на садик. Цзи тоже молчал,

почтительно склонившись.

– В Срединном государстве жить умеют, – задумчиво обронил Сахиб.

– Вы, наверное, ломаете голову, почему до сих пор живы, хотя допустили столь вопиющий прокол? – вдруг резко повернулся он к китайцу.

Узкие глаза были непроницаемы для взгляда европейца. Но Сахиб был не совсем европейцем. За безличным выражением он разглядел боль и ошеломление.

– Господин Цзи, Игра не может обойтись без ваших соотечественников.

Цзи внимательно слушал, в глубине души недоумевая, куда это понесло варварского мальчишку – по-иному ему трудно было воспринимать Сахиба. А тот продолжал:

– Готовится визит британского премьера в КНР. Клаб постарается, чтобы был, накоец, решён вопрос о возвращении Китаю Гонконга. То же касается и Аомыня, а в будущем – и Тайваня. Ваша страна должна воссоединиться, чтобы стать сильной, – юноша продолжал глядеть на тихий пруд, казалось, ему нет дела до того, слушает ли его собеседник. – А влияние альтернативных экономики и идеологии возвращенных территорий сделают из Китая то, что необходимо Клабу в Игре, чтобы давить на наших вечных противников с востока. Такое положение сложилось чуть ли ни с начала цивилизации, и нам его не изменить… Если только, конечно, мы не совершим Деяния, которое до сих пор удавалось

только противнику.

Сахиб повернулся и в упор поглядел на Цзи.

– Впрочем, в двенадцатом веке ваши предки это предотвратили.

– Байляньшэ, – проговорил Цзи, – тогда в Поднебесной общество Игры называлось Байляньшэ.

– Да, – кивнул Сахиб, – Общество Белого лотоса, о котором все слышали, но очень мало кто знает истину. Оно искусно разжигало смуту в Степи, вычислило тогдашнего Отрока и заманило его в ловушку. Жаль только, связи Байляньшэ с европейской Конгрегацией были слабы, и они плохо координировали действия…

– Если господин дозволит своему слуге говорить, Байляньшэ знало о Конгрегации, но сомневалось, что их цели полностью совпадают, – почтительно возразил Цзи.

Сахиб кивнул.

– Да, лишь сравнительно недавно мы осознали, что враг наш выступает в разных лицах, но геополитически един, а значит, и действовать мы должны вместе. Однако Европа должна быть благодарна Байляньшэ за пленение Тэмуджина. Ведь он знал, что является Отроком…

– Да, – согласился Цзи, – люди Орды открыли ему это. Но он изначально не особенно доверял Орде – её Хурул состоял в основном из уйгуров, тангутов и киданей. Были и индусы, если я не ошибаюсь. А Тэмуджин верил только монголам.

– …Которые и передали его китайцам…

– Да. А после этого не верил уже никому.

Цзи помолчал.

– Возможно, – бесстрастность тона подавляла заключающееся в словах сомнение, – мои предшественники обошлись с ним чересчур жестоко…

– Настолько, – подхватил Сахиб, – что с этих пор месть Китаю стала главным делом его жизни, а долг Отрока – забыт.

– Уже тогда мудрецы Байляньшэ сознавали, что интересы государства не всегда идентичны целям Общества, – мрачно произнёс китаец.

– Да, такова Игра, – согласился Сахиб и с нескрываемым удовольствием сделал последний глоток чая.

– Могу ли я спросить вас, господин? – тон Цзи снова принял обычное подобострастие. Сахиб выжидательно посмотрел на него.

– Какова ситуация с Отроком нынешнего Узла?

Лицо Сахибы помрачнело.

– Очень плохая, – после длительно паузы ответил он. – Руслан Загоровский погиб в психиатрической больнице, куда мне удалось его упрятать. По всей видимости, принял смертельную дозу нейролептиков… Это значит лишь то, что вскоре мы услышим о появлении другого Отрока и станем строить Игру заново. Потому что…

Продолжения фразы Цзи не дождался, потому и не смог её традиционно закончить. Вместо этого Сахиб сменил тему:

– Прежде, чем я уйду, мне следует дать вам ещё кое-какие инструкции. Они касаются одного из наших коллег по правлению Клаба, поэтому, как вы понимаете, строго конфиденциальны.

– Господин, я весь внимание.

Несмотря на ночную духоту, Терри Ли прилично замерз на сырой земле. Третий час лежал в густых зарослях лавра, посматривая на тёмные ставни построенного в старинном стиле особняка. Терри знал, что хозяин с гостем во внутренних покоях и думал, что знает, чем они там занимаются. Это его совершенно не интересовало, но он обязан был хорошо выполнить свою хорошо оплачиваемую работу. Потому, надежно укрыв мотоцикл и сам замаскировавшись довольно профессионально, приготовился ждать до рассвета, когда, как он думал, юнец покинет жилище старика.

Он был так уверен в своих расчётах, что проглядел юркую тень, промелькнувшую по гребню высокой стены. Терри увлеченно жевал Turbo, ибо по молодости лет ещё коллекционировал яркие вкладыши с машинами. Столь же увлеченно он предавался онанизму, засунув руку в расстегнутую прореху джинсов. При этом он представлял очаровательную Бетти Тин Пей. Так что смерть свою мог бы счесть роскошной, поскольку умер в объятиях той же женщины, что и его кумир по жизни – маленький дракон Брюс. Однако Терри так и не успел понять, что умер. На самом пике наслаждения его горло перехватила неодолимая жёсткость. Мир сразу померк, и

он уже не осознавал, что бьёт в агонии ногами, что глаза его вылезают из орбит, что расслабляется мочевой пузырь…

Ощутив тяжёлый запах, Сахиб понял, что со шпиком покончено, и ловким движением освободил шею трупа от шнурка йо-йо. Пряча игрушку в карман, он быстро осматривался – не наследил ли где. Кимбел не любил неряшливо сделанной работы.

5

Не мычу, не телюсь, весь – как вата.
Надо что-то бить – уже пора!
Чем же бить? Ладьею – страшновато,
Справа в челюсть – вроде рановато,
Неудобно – первая игра.
Владимир Высоцкий «Игра»

СССР, Ленинград, 9 июля 1983

Рудик Бородовкин этой субботой был доволен. С утра бомбил на «галере», поначалу, впрочем, безуспешно. Всю добычу составила пара зажигалок да неполная пачка «Самца»… то есть, «Кэмела». Для Рудика, давно уже вышедшего из возраста и статуса мелкого гамщика, столь жалкий навар был оскорбителен. Но к обеду увязался за подвыпившим турмалаем, спортивная сумка которого явно содержала нечто интересное. Скудных совместных познаний в английском Рудика и финика хватило, чтобы сделка переместилась в ближайший парадняк. Оттуда Бородавкин вышел, сияя всеми своими золотыми фиксами – счастливым обладателем джинсов «Вранглер» (новье, в упаковке!), выменянных на купленные накануне две бутылки литовского ликера. На энской балке он в момент сделает на штанах хорошую

месячную зарплату честного труженика страны Советов.

Предательский азарт вернуться на «галеру» и пошакалить ещё, хоть и с трудом, но подавил – это могло закончиться печально. Ему и так повезло, что не попался ни прихватчикам, ни ребятам Гриши Дуболома, который с давних пор пас всех фарцовщиков Невского. Вообще-то, Рудик возник в Питере проездом – денек отдохнуть и развеяться после успешно проведенной в Прибалтике операции по закупке нескольких сот метров хлопчатобумажной ткани цвета «вырви глаз», которая пользовалась бешеным спросом у энских цыганок. Товар обрел надежное пристанище в камере хранения Московского вокзала, а Рудик, взяв билет на «Красную стрелу», слегка утомлённый длительной автобусной поездкой, степенно прошелся по першпективе. Но у Гостинки сердце не выдержало ностальгических воспоминаний, и он поднялся на «галеру», рискуя получить в торец и лишиться всей «капусты»: местные смотрящие не любили гастролеров, а высокие покровители Рудика были далеко в Сибири.

Так что теперь, спрятав добычу в хоть простецкий, но в доступный продаже не встречающийся пластиковый «дипломат», Рудик прошёл через «трубу» на другую сторону проспекта и начал свой отдых вполне традиционно. Нырнув в двери «гадюшника», лихо опрокинул стограмчик, закусив буржуйским бутербродом, на котором завиток масла соседствовал с двумя десятками красных икринок. Чувствуя себя кутящим Ротшильдом, ибо выложил за бутерброд аж

пенчик, вышел обратно на придавленную влажной жарой главную магистраль колыбели трех революций, с превосходством поглядывая на голимо прикинутых ленинградцев и гостей города.

Мимоходом подумав, не дойти ли до «Сайгона», решил, что интересной тусовки в такое время там всё равно не будет. И вообще, после выпивки ему хотелось секса, а он знал, где его получить, не слишком стаптывая свои драгоценные «адики». Вновь направился к зеву «трубы», напевая под нос из «Стены»:

I am just a new boy
A stranger in this town
Where are all the good times
Who's gonna show this stranger around?
Ooooh I need a dirty woman
Ooooh I need a dirty girl…

Питерская плешка нравилась ему гораздо больше московской, довольно хамоватой и разухабистой. А здесь, в Катькином саду, все было чинно и благопристойно, как и подобает в столь интеллигентном городе. Свою роль знали все: на скамейках справа сидели юные «бархотки», ожидая, когда на них обратят внимание восседающие слева солидные «быки». Впрочем, часто происходило наоборот, и это было нормально.

И сейчас севший, разумеется, слева Рудик не успел доку-

рить сигарету из трофейной пачки, как к нему уже направилась какая-то «белка». Сперва он почувствовал разочарование: малец был инвалидом на косолапых ступнях и полусогнутых коленях, опирался на палочку, иногда делая конвульсивные движения. Но когда тот подошёл ближе, фарцовщик изменил своё мнение: мальчик оказался хорошеньким. Типичный «колокольчик из города Динь-динь», робкий, не уверенный в себе, но, как прикинул много лет бывший в теме Рудик, обещающий в деле показать себя очень даже…

Скользнув взглядом по бледному лицу, пухлым губам и худощавой фигуре, Бородавкин почувствовал возбуждение. Что-то было в юноше сладостное, желанное, словно Рудик встретил то, о чём мечтал давным-давно.

– Сигаретой не угостите?

Голос был ломающийся, довольно манерный, и, опять же, словно где-то уже слышанный. Ещё в нем звучало хорошее воспитание в семье тружеников умственного труда, впечатление чего усиливалось очаровательной картавостью – может быть, последствие болезни, но совсем лёгкое.

Мужчина поднял голову и поглядел мальчишке прямо в лицо. Тот улыбался одновременно робко и насмешливо, как будто знал, что в двухсотрублевых джинсах дяденьки только что стало тесновато…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.